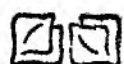
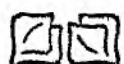

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

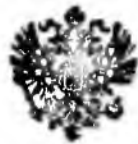

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложение къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1903 — 06 гг.

КАНУНЪ КУПАЛЫ.

Не туманъ бѣлѣтъ въ темной рощѣ—
Ходитъ въ темной рощѣ Богоматерь.
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи Божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
Застятъ ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро—пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ—пали росы,
Пахнетъ подъ росою медуница,
Золотой вѣнецъ по рощамъ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
Голубья очи—точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ Божьему престолу.

Скоро ночь—имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ—солнце стубитъ зноемъ.
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

„Погляди, возлюбленное Чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мірѣ Смерть—она и Жизнью правитъ“.

Но Христось Ей молвить: „Мать! не солнце—
Только землю тьма ночная кроетъ:

Смерть не сѣмя губить, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

„И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скосить Смерть—Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!“

ПОЛЮСЪ.

Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда
Воздвигла Смерть. Надъ чумомъ—ночь полгода.
И блѣдная Полярная звѣзда
Горитъ недвижно въ безднѣ небосвода.
Вглядись въ гигантскій призракъ. Это Смерть.
Она сидитъ близъ чума, устремила
Незрячій взоръ въ полуночную твердь—
И навсегда звѣзда надъ ней застыла.

ЖИЗНЬ.

Набѣгаетъ впотьмахъ
И узорною пѣною свѣтится
И лазурнымъ сіяніемъ рѣветъ у скалъ на пескѣ...
О, божественный отблескъ незримаго—жизни, мерцающей
Въ мириадахъ незримыхъ существъ!

Ночь была бы темна,
Но все море насыщено тонкою
Пылью свѣта, и звѣзды надъ моремъ горятъ.
Въ полусвѣтѣ все видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежныхъ холмовъ.

Въ полусвѣтѣ ночномъ
Подъ обрывами волны качаются—
Переполнено зыбкое, звѣздное зеркало волнъ!
Но, колеблясь упруго, лишь изрѣдка складки тяжелыя
Набѣгаютъ на влажный песокъ.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическимъ пламенемъ,
Разсыпаясь по гравію кипенью блѣдныхъ огней,
Море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственно, тонко и трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны—
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры,—несмѣтныя
Искры синяго пламени, Жизнь!

НОРДЪ-ОСТЪ.

Нордъ-остомъ жгутъ пылающія зори.
Острѣй горитъ Вечерняя звѣзда.
Зеленое взволнованное море
Еще огромнѣй, чѣмъ всегда.
Закатъ въ огнѣ, звѣзда дрожитъ алмазомъ.
Нѣтъ, рыбаки воротятся не всѣ!
Ледяно-бѣлымъ, страшнымъ глазомъ
Маякъ сверкаетъ на косѣ.

ХРИЗАНТЕМЫ.

На окнѣ, серебряномъ отъ инея,
За ночь хризантемы расцвѣли.
Въ верхнихъ стеклахъ—небо ярко-синее
И застрѣха въ снѣговой пыли.
Всходитъ солнце, бодрое отъ холода,
Золотится отблескомъ окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Бѣлымъ снѣгомъ все запушено.
И все утро яркія и чистыя
Буду видѣть краски въ вышинѣ,
И до полдня будутъ серебристыя
Хризантемы на моемъ окнѣ.

ЖАСМИНЪ.

Цвѣтетъ жасминъ. Зеленой чащей
Иду надъ Терекомъ съ утра.
Вдали, межъ горъ—простой, блестящій
И четкій конусъ серебра.
Рѣка шумитъ, вся въ искрахъ свѣта,
Жасминомъ пахнетъ жаркій лѣсъ.
А тамъ, вверху—зима и лѣто:
Январскій снѣгъ и синь небесъ.

Лѣсъ замираетъ, млѣетъ въ зноѣ;
Но тѣмъ пышнѣй цвѣтетъ жасминъ.
Въ лазури яркой—неземное
Великолѣпіе вершинъ.

ВЪ ПОРТУ.

Огромный, красный, старый пароходъ
У мола сталь, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣетъ моль, и, радостно синѣя,
Безоблачный сіяетъ небосводъ.

Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Морской водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ. И спитъ пахучій портъ,
Спятъ грузчики. Бѣлѣетъ моль безлюдный.

Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ ракушкахъ. Ихъ слой зелено-ржавый
Наросъ давно... у Суматры, у Явы,
Въ Великомъ океанѣ... въ зной и штиль.

Мальчишка-негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадѣѣ, по борту, краситъ бакъ—
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальныя восходятъ арабески.

И лакъ блеститъ подъ черною рукой,
Слѣпитъ глаза... И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поетъ... Простой напѣвъ Судана
Звучитъ въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

САПСАНЪ.

Въ поляхъ, далеко отъ усадьбы,
Зимуетъ просяной ометъ.
Тамъ табунятся волчьи свадьбы,
Тамъ клочья шерсти и пометъ.
Воловы ребра у дороги
Торчатъ въ снѣгу—и спаль на нихъ
Сапсанъ, стервятникъ космоногій,
Готовый взвиться каждый мигъ.

Я застрѣлилъ его. А это
Грозить бѣдой. И вотъ ко мнѣ
Сталъ волкъ ходить. Онъ до разсвѣта
Вкругъ дома бродить при лунѣ.
Я не видалъ его. Я слышалъ
Лишь хрусть шаговъ. Но спать невмочь.
На третью ночь я въ поле вышелъ...
О, какъ была печальна ночь!

Когтистый слѣдъ въ снѣгу глубокомъ
Въ глухія степи велъ съ гумна.
На небѣ мгlistомъ и высокомъ
Плыла холодная луна.
За валомъ, надъ привадою въ ямѣ,
Сѣрдъ маячила ветла.
Даль надъ пустынными полями
Была таинственно-свѣтла.

Облитый этимъ страннымъ свѣтомъ,
Подавленъ мертвой тишиной,
Я сталъ—и блѣднымъ силуэтомъ
Упала тѣнь моя за мной.
По небесамъ, въ туманной мути,
Сіяя, лунный ликъ нырять
И серебристымъ блескомъ ртути
Слуду по насту озарять.

Кто былъ онъ, этотъ полуночный
Незримый гость? Откуда онъ
Ко мнѣ приходитъ въ часъ урочный
Черезъ сугробы подъ балконъ?
Иль онъ узналъ, что я тоскую,
Что я одинъ? что въ домъ ко мнѣ
Лишь снѣгъ да небо въ ночь нѣмую
Глядятъ изъ сада при лунѣ?

Быть-можетъ, онъ сегодня слышалъ,
Какъ я, покинувъ кабинетъ,
По темной спальнѣ въ залу вышелъ,
Гдѣ въ сумракѣ мерцалъ паркетъ,
Гдѣ въ окнахъ небеса синѣли,
А въ этой сини четко всталъ
Черно-зеленый конусъ ели
И острый Сиріусъ блисталъ?

Теперь луна была въ зенитѣ,
На небѣ плылъ густой туманъ...
Я ждалъ его,—я шелъ къ ракетѣ.
По насту снѣговыхъ полянъ,
Я шелъ убить, я слушалъ чутко
Малѣйшій звукъ... Но отчего
Мнѣ было въ эту ночь такъ жутко,
И за себя и за него?

Онъ былъ мой врагъ, мы оба ждали
Смертельной встрѣчи. Ужъ не разъ
Мы другъ за другомъ наблюдали
Въ крещенскій полуночный часъ.
Въ безлюдѣ, на равнинѣ дикой,
Мы оба знали, что живемъ
Ея душой, ея великой
Зловѣщей чуткостью—вдвоемъ.

Но эта тишина пугала,
Въ ней крылось колдовство Судьбы...
И не Судьба ль подстерегала?
Она, она! А мы—рабы,
И оба одиноки въ полѣ,
И оба жалки... И одной
Обречены печальной долѣ:
Стеречь другъ друга въ часъ ночной.

И все же только мѣткость пули
Одна могла спасти меня,
И если бъ предо мной блеснули
Два фиолетовыхъ огня,
И если бъ врагъ мой отъ привады
Внезапно прынулъ на сугробъ,—
Я бъ изъ винтовки безъ пощады
Пробилъ его широкой лобъ!

Но онъ не шелъ. Луна скрывалась,
Луна сіяла сквозь туманъ,
Бѣжала мгла... И мнѣ казалось,
Что на снѣгу сидитъ Сапсанъ.
Морозный иней, какъ алмазы,
Сверкалъ на немъ, а онъ дремалъ,
Сѣдой, зобастый, круглоглазый,
И въ крылья голову вжималъ.

И былъ онъ страшенъ, непонятенъ,
Таинствененъ, какъ этотъ бѣгъ
Туманной мглы и свѣтлыхъ пятенъ,
Порою озарявшихъ снѣгъ,—
Какъ воплотившаяся сила
Той Воли, что въ полночный часъ
Насъ страхомъ всѣхъ соединила—
И сдѣлала врагами насъ.

И Н Е Й.

Лѣса въ жемчужномъ инеѣ. Морозно.
Поетъ изъ телеграфнаго столба
То весело, то жалобно, то грозно
Звенящимъ гуломъ темная судьба.
Молчить и внемлетъ бѣлая долина.
И все побѣднѣй, ярче и пышнѣй
Горитъ, дрожитъ и блещетъ хвостъ павлина
Стоцвѣтными алмазами надъ ней.

РУССКАЯ ВЕСНА.

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.
Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.
Тамъ, среди улицы—лужи,
Зола и весенняя грязь.
Въ избахъ—угарь, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.
Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ—темно отъ угаря,
Туманно и тихо—въ степи.
Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день...
Въ полѣ—тепло и дремотно,
А въ сердцѣ—счастливая лѣнь.

ОДИНОЧЕСТВО.

И вѣтеръ, и дождикъ, и мгла
Надъ холодной пустыней воды.

Здѣсь жизнь до весны умерла,
До весны опустѣли сады.

Я на дачѣ, одинъ. Мнѣ темно
За мольбертомъ, и дуетъ въ окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебѣ ужъ тоскливо со мной.

Подъ вечеръ ненастнаго дня
Ты мнѣ стала казаться женой...

Что жъ, прощай! Какъ-нибудь до весны
Проживу и одинъ—безъ жены...

Сегодня идутъ безъ конца

Тѣ же тучи—гряда за грядой.

Твой слѣдъ подъ дождемъ у крыльца

Расплылся, налился водой.

И мнѣ больно глядѣть одному

Въ предвечернюю сѣрую тьму.

Мнѣ крикнуть хотѣлось вослѣдъ:

„Воротись, я сроднился съ тобой!“

Но для женщины прошлаго нѣтъ:

Разлюбила—и сталъ ей чужой.

Что жъ! Каминъ затоплю, буду пить...

Хорошо бы собаку купить.

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Воткнувъ копьѣ, онъ сбросилъ шлемъ и легъ.

Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга

Колола грудь, а спину полдень жегъ...

Осенней сушью жарко дуло съ юга.

И умеръ онъ. Окостянѣлъ, застылъ,

Припавъ къ землѣ тяжелой головою.

И вѣтеръ волосами шевелилъ,

Какъ ковылемъ, какъ мертвою травою.

И муравьи закопошились въ нихъ...

Но равнодушно все вокругъ молчало,

И далеко среди полей нагихъ

Копье, въ курганъ воткнутое, торчало.

ПОРТРЕТЪ.

Платанъ, часовенка надъ склепомъ,
Вѣнки, лампадки, образа
И въ рамѣ, перевитой крепомъ,—
Большіе ясные глаза.

Сквозь пыль на стеклахъ, жаркимъ свѣтомъ
Внутри часовенка горитъ.
„Зачѣмъ я въ склепѣ въ полдень, лѣтомъ?“—
Незримый кто-то говоритъ.

Кокетливо-проста прическа
И пелеринка на плечахъ...
А тутъ повсюду—капли воска
И банты крепа на свѣчахъ,

Вѣнки, лампадки, пахнетъ тлѣньемъ...
И только этотъ милый взоръ
Глядитъ съ веселымъ изумленьемъ
На этотъ погребальный вздоръ.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Угрюмый варваръ, сынъ Востока,
Я цѣлый день живу одинъ
При устьѣ горнаго потока,
Въ ущельѣ знойныхъ Апеннинъ.

Песокъ, серебристый и горячій,
Вожу я къ морю на волахъ,
Чтобъ усыпать дорожки къ дачѣ,
Какъ снѣгъ, бѣлѣющей въ скалахъ.

И скучно мнѣ. Все то же, то же:
Волы, скрипучій трудный путь,
Изсохшее рѣчное ложе,
Песокъ, сверкающій, какъ ртуть.

И клонить голову дремота.
И мнится, что ужъ много лѣтъ
Я вижу кожу бегемота—
Горы морщинистый хребетъ,

И моря синій треугольникъ,
И къ морю длинный слѣдъ колесъ...
Я покорился. Я, невольникъ,
Живу лишь соннымъ ядомъ грезъ.

М И Р А.

Тебя зовутъ божественною, Мира,
Царицею въ созвѣздіи Кита.
Таинственна, какъ талисманы Пирра,
Твоей недолгой жизни красота.

Ты, какъ слеза, прозрачна и чиста,
Ты, какъ рубинъ, блестяшь среди ээира,
Но не за блескъ и дивные цвѣта
Тебя зовутъ божественною, Мира.

Ты въ сонмѣ звѣздъ, среди ночныхъ огней
Нѣжнѣе всѣхъ. Не ты одна играешь,
Какъ самоцвѣтъ: есть ярче и пышнѣй.

Но ты живешь. Ты меркнешь, умираешь—
И вновь горишь. Какъ фениксъ древнихъ дней,
Чтобъ возродиться къ жизни—ты сгораешь.

ВЪ ПЛАВНЯХЪ.

Тамъ, на припекѣ, спятъ рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водою склоняются кистями
Темно-зеленые густые камыши;
Полдневный вѣтерокъ змѣистыми струями

Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ серебристыми крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души—
И снова плавни спятъ, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небосводъ,
Нерѣдко облако восходитъ и глядится
Блистающимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ—
И какъ свѣтло тогда въ бездонной чашѣ водъ!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится!

Т Л Ъ Н Ъ.

Въ гостиную, сквозь садъ и пыльные гардины,
Струится изъ окна веселый лѣтній свѣтъ,
Хрустальнымъ золотомъ ложасть на клавины,
На ветхіе ковры и выцвѣтшія паркетъ.

Вкругъ дома—глушь и дичь. Тамъ клены и осины,
Пріюты горленокъ, шиповникъ, бересклетъ...

А въ домѣ—рухлядь, тлѣнь: повсюду паутины,
Всѣ двери заперты... И такъ ужъ много лѣтъ.

Въ глубокой тишинѣ, таинственно сверкая,
Какъ мелкій перламутръ, беззвучно моль плыветъ.
По стекламъ радужнымъ, какъ бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуетъ.

Но фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ—глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ!

ПЕРЕКРЕСТОКЪ.

Я долго въ сумеречномъ свѣтѣ
Шелъ одиноко на закатъ.
Но тьма росла—и съ перекрестка
Я тихо повернулъ назадъ.

Чуть брезжилъ полусвѣтъ заката.
Но послѣ свѣта какъ мертва,
Какъ величава и угрюма
Ночного неба синева!

И блѣдны, блѣдны звѣзды въ небѣ...
И долго быть мнѣ въ темнотѣ,
Пока оцѣ теплѣй и ярче
Не засіяютъ въ высотѣ.

Ночь молчалива... Но къ молчанью
Привыкну я... А звѣздный свѣтъ
Взойдетъ тогда, когда угаснетъ
Былого дня печальный слѣдъ.

СЪ ОБРЫВА.

Стремнина скалъ. Волной желѣзной
Здѣсь плоскогорье поднялось
И надъ зіяющею бездной,
Оцѣпенѣвъ, оборвалось.

Здѣсь небо ясно,—слой тумана
Ползетъ подъ нами, какъ драконъ,—
И моря синяя нирвана
Виситъ въ пространствѣ съ трехъ сторонъ.

Но дико здѣсь. Какъ руки фурій,
Торчитъ надъ бездною изъ скалъ
Колочій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагаль.

И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

НА ДАЧѢ.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Но розовѣтъ пепель небосклона—
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь отъ узорной туйи у балкона.

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море.

Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ—двѣ турецкихъ бригантины.
Вотъ поднимаютъ парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы—изумруды и рубины.

Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

НА УЩЕРБѢ.

Черныя ели и сосны сквозятъ въ палисадникѣ темномъ:
Въ черномъ узорѣ вѣтвей—мѣсяца рогъ золотой.

Слышу—поютъ пѣтухи. Узнаю по напѣвамъ печальнымъ
Позднюю зимнюю ночь. Что жъ разбудило меня?

О, я сквозь сонъ уловилъ: настаетъ сокровенный и чуткій
Часъ угасанья луны!—Въ сумракѣ спальни разлить

Свѣтъ золотистый, и тѣнь отъ рамъ на полу чуть замѣтна:
Прѣбило время вставать, Звонко теперь на дворѣ—

Замерло все на морозѣ, лучатся морозныя звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху,

Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣсяцѣ,
Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ

И самоцвѣтныя звѣзды: янтарно-зеленый Юпитеръ,
Сириусъ—дерзкій сапфиръ, синимъ горящій огнемъ,

Альдебарана рубинъ, алмазную цѣль Оріона
И уходящій на югъ призракъ сребристый—Аргò!

МОРОЗЪ.

Такъ ярко звѣздъ горитъ узоръ,
Такъ ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снѣгомъ дворъ
Весъ и блеститъ и фосфорится.

Свѣтъ серебристо-голубой,
Свѣтъ отъ созвѣздій Оріона,
Какъ въ сказкѣ, летя надъ тобой
На снѣгъ морозный съ небосклона.

И фосфоромъ дымится снѣгъ,
И видно, какъ мерцаетъ нѣжно
Твой ледяной душистый мѣхъ,
На плечи кинутый небрежно,

Какъ серьги длинныя блестятъ,
И потемнѣвшія зѣницы
Съ восторгомъ жадности глядятъ
Сквозь серебристыя рѣсницы.

СѢВЕРНАЯ БЕРЕЗА.

Надъ озеромъ, надъ заводью лѣсной—
Нарядная зеленая береза...

— „О, дѣвушки! Какъ холодно весной:
Я вся дрожу отъ вѣтра и мороза!“

То дождь, то градъ, то снѣгъ, какъ бѣлый пухъ,
То солнце, блескъ, лазурь и водопады...

— „О, дѣвушки! Какъ веселье лѣсъ и лугъ!
Какъ радостны весенніе наряды!“

Опять, опять нахмурилось,—опять
Мелькаетъ снѣгъ и боръ гудитъ сурово...

— „Я вся дрожу. Но только бъ не измятъ
Зеленыхъ лентъ! Вѣдь солнце будетъ снова“.

ПРИЗРАКЪ ОДИНА.

Въ сумракѣ утра проносится призракъ Одина —
Тамъ, гдѣ кончается свѣтъ.
Сѣверный вѣтеръ, Одину вослѣдъ,
На побережьяхъ Лохлина
Гонить туманы морей по землѣ,
Свищеть по вереску... Тѣнь исполина
Вдругъ вырастаетъ во мглѣ —
Править коня на побережья Лохлина.
Конь по холоднымъ туманамъ идетъ,
Тонетъ, плыветъ и ушами прыдетъ,
Бѣлымъ дыханіемъ по вѣтру пышетъ,
Вереска свистъ завывающій слышитъ,
Голову тянетъ къ нему... А взмахнетъ
Вѣтеръ морской—и въ туманахъ Лохлина
Шлемъ золоченый блеснетъ!
— Утромъ проносится призракъ Одина.

БАЛЬЦЕРЪ.

Хаду—слѣпецъ, онъ жалокъ. Мракъ глубокій
Скрываетъ свѣтъ и правду отъ него.
Но, чадо тьмы, онъ весь во власти Локи—
Онъ на-смерть поражаетъ божество.
И все же міръ лишь жаждой свѣта дышитъ!
И Солнце, погребенное во тьму,
Изъ гроба тьмы, изъ бездны ада слышитъ,
Что міръ въ тоскѣ взываетъ лишь къ нему.
И дрогнетъ тьма! И вспыхнетъ на востокѣ
Воскресшій Свѣтъ! И боги пригвоздятъ
Тебя, какъ пса, къ граниту горъ, о, Локи!
И будетъ змѣй, свирѣпый и стоокій,
Точить со скалъ на темя Локи—ядъ!

Д И З А.

Вечернее зимнее солнце
И вѣтеръ межъ сосенъ играютъ,
Алѣютъ снѣга, а въ свѣтлицѣ
Янтарныя пятна мелькаютъ.

Мохнатая тѣни отъ сосенъ,
Играя, сквозятъ позолотой
И по столу ходятъ; а Диза
Въ свѣтлицѣ одна, за работой.

На бронзу волосъ, на ланиты,
На пальцы и руки широко
Вечернее льется сіянье,
А думы далеко, далеко.

Тяжелое зимнее море
Грохочетъ за фьордомъ въ утесахъ,
И стелется по вѣтру пѣна
И стынетъ на снѣжныхъ откосахъ;

Качаются съ криками чайки,
И падаютъ въ пѣну и таютъ...
Но звонкой весенней слюдою
Давно ужъ откосы блистаютъ!

Пусть ночи пожарами свѣтятъ
И рдѣютъ закаты, какъ раны,
Пусть вѣтеръ бушуетъ,—онъ съ юга,
Онъ гонитъ на сѣверъ туманы!

Пусть милый далеко,—онъ вѣренъ...
И вотъ на вечернее солнце,
На снѣгъ, на зеленая вѣтви
Она заглядѣлась въ оконце.

Забыты узоры цвѣтные,
Забыты точеные пальцы,
И тихо косою играютъ
Прозрачные тонкіе пальцы.

И тихо алѣютъ ланиты,
Сіяя, какъ снѣгъ, бѣлизною,
И взоры такъ мягки и ярки,
Какъ синее небо весною.

НАДПИСЬ НА ЧАШѢ.

Древнюю чашу нашель онъ у шумнаго синяго моря,
Въ древней могилѣ, на дикомъ песчаномъ побережьѣ.
Долго трудился онъ; долго слагалъ воедино
То, что гробница хранила три тысячи лѣтъ, какъ святыню,

И прочиталъ онъ на чашѣ
Древнюю повѣсть безмолвныхъ могилъ и гробницъ:

„Вѣчно лишь море, безбрежное море и небо,
Вѣчно лишь солнце, земля и ея красота,
Вѣчно лишь то, что связуетъ незримою связью
Душу и сердце живыхъ съ темной душою могилъ“.

ПЕЧАЛЬ.

На дикихъ скалахъ, среди развалинъ—
Рать кипарисовъ. Она гудитъ
Подъ вѣтромъ съ моря. Угрюмъ, печалень
Пустынный островъ, нагой гранитъ.

Ужъ берегъ темень—заходятъ тучи.
Какъ крылья чаекъ, среди камней
Мелькаетъ пѣна. Прибой все круче,
Порывы вѣтра все холоднѣй.

И кто-то скорбный, въ одеждѣ темной,
Стоитъ надъ моремъ... Вдали—печаль
И сумракъ ночи...

ОГНИ НЕБЕСЪ.

Огни небесъ, тотъ серебристый свѣтъ,
Что мы зовемъ мерцаньемъ звѣздъ небесныхъ, —
Порою только неугасшій свѣтъ
Уже давно померкнувшихъ планетъ,
Свѣтиль, давно забытыхъ и безвѣстныхъ.

Та красота, что мiръ стремится впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умретъ
Жизнь, что горѣла въ насъ когда-то.

И много въ мiрѣ избранныхъ, чей свѣтъ,
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много, много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ
Кто знаетъ ихъ? Быть-можетъ, лишь поэтъ.

СТАТУЯ РАБЫНИ-ХРИСТИАНКИ.

Не скрыть отъ дерзкихъ взоровъ наготы,
Но навсегда я очи опустила:
Не жаль земной, мгновенной красоты,—
Я красоту небесную сокрыла.

МОГИЛА ПОЭТА.

Мраморъ гробницы его—въ скорбной толпѣ кипарисовъ:
Радостнѣй свѣтитъ межъ нихъ синее лоно небесъ.
Ангель изваянь надъ нимъ съ опрокинутымъ свѣточемъ
жизни:
Ярче пылаетъ огонь, смертью поверженный ницъ!

ПРИЗРАКИ.

Нѣтъ, мертвые не умерли для насъ!
Есть старое шотландское преданье,
Что тѣни ихъ, незримыя для глазъ,
Въ полночный часъ къ намъ ходятъ на свиданье,
Что пыльныхъ арфъ, висящихъ на стѣнахъ,
Тайнственно касаются ихъ руки
И пробуждаютъ въ дремлющихъ струнахъ
Печальные и сладостные звуки.
Мы сказками преданія зовемъ,
Мы глухи днемъ, мы дня не понимаемъ;
Но въ сумракѣ мы сказками живемъ
И тишинѣ доврчиво внимаемъ.
Мы въ призраки не вѣримъ; но и насъ
Томить любовь, томить тоска разлуки...
Я имъ внималъ, я слышалъ ихъ не разъ,
Тѣ грустные и сладостные звуки!

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА.

Она молчитъ, она теперь спокойна.
Но радость не вернется къ ней: въ тотъ день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, простилась съ нею радость.

Она молчитъ,—ея душа теперь
Пуста, какъ намогильная часовня,
Гдѣ надъ нѣмой гробницей день и ночь
Горитъ неугасимая лампада.

ВЕРШИНА.

Лѣса, скалистыя тѣснины—
И цѣлый день, въ концѣ тѣсинъ,
Громада снѣговой вершины
Изъ-за лѣсныхъ глядитъ вершинъ.

Селеній нѣтъ, ущелья дики,
Лѣса синѣютъ и молчатъ,
И сѣрыхъ скалъ нагіе пики
На скатахъ изъ лѣсовъ торчатъ.

Но цѣлый день,—куда ни кину
Вдоль по горамъ смущенный взоръ,—
Лишь эту бѣлую вершину
Повсюду вижу изъ-за горъ.

Она полъ-неба заступила,
За облака ушла вѣнцомъ —
И все смирилось, все застыло
Предъ этимъ льдистымъ мертвецомъ.

РАЗВАЛИНЫ.

Надъ синимъ понтомъ—сѣрыя руины,
Остатки древней греческой тюрьмы.
На югъ—морскія зыбкія равнины,
На сѣверъ—голые холмы.

Въ проломахъ стѣнъ—корявыя оливы
И дреза, сопутница руинъ,
А подъ стѣнами—красные обрывы
И волнъ густой аквамаринъ.

Угрюмо здѣсь, въ сырыхъ подземныхъ кельяхъ,
Но весело тревожить сонъ темницъ,
Перекликаться съ эхомъ въ подземельяхъ
И видѣть небо изъ бойницъ!

Давно октябрь, но не уходит лѣто:
Ужъ на холмахъ желтѣетъ шелкъ травы,
Но воздухъ чистъ—и сколько въ небѣ свѣта,
А въ морѣ нѣжной синевы!

И тихи, тихи старыя руины.
И цѣлый день, подъ мѣрный шумъ валовъ,
Слѣжу я въ морѣ парусъ бригантины,
А въ небесахъ—крути орловъ.

И усыпляетъ моря шумъ атласный.
И кажется, что въ мѣрѣ жизни нѣтъ:
Есть только блескъ, лазурь и воздухъ ясный,
Просторъ, молчаніе и свѣтъ.

ТРОПАМИ ПОТАЕННЫМИ.

Тропами потаенными, глухими,
Въ лѣсныя чащи сумерки идутъ.
Засыпанные листьями сухими,
Лѣса молчатъ—осенней ночи ждутъ.

Вотъ крикнулъ сычъ въ пустынномъ буеракѣ...
Вотъ темный листъ свалился, чуть шурша...
Ночь близится: ужъ рѣетъ въ полумракѣ
Ея нѣмая, скорбная душа.

Д О М А.

Ночь тепла, свѣтла и золотиста,
Мѣсяцъ всталъ и замеръ надъ гумномъ,
Все уснуло. Темень тихій флигель.
Степь и небо видны за окномъ.

За окномъ по допухамъ чернѣетъ
Тѣнь отъ крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свѣтъ ложится,
Какъ льняные бѣлые холсты.

Далеко на сѣверѣ Капелла
Блещетъ семицвѣтнымъ огонькомъ,
И оттуда, съ поля, тянетъ ровнымъ,
Ласковымъ полуночнымъ тепломъ.

Сладко этой лаской упиваться,
Сладокъ отдыхъ ночью... Ночь свѣтла,
Все вокругъ какъ прежде: хуторъ, поле...
Все какъ было. Только жизнь прошла.

КОЛЬЦО.

Въ бѣломъ пескѣ золотое блеснуло кольцо.
Я задремалъ надъ Днѣпромъ у широкаго плеса,
Знойною ласкою вѣтеръ повѣялъ въ лицо,
Легкой прохладой и запахомъ свѣжаго теса...
Ярко въ водѣ золотое блеснуло кольцо.

Какъ его вымыли волны на отмели бѣлой!—
Точно къ вѣнчанію... Искрился солнечный блескъ,
Видѣлъ я плахты, сорочки и смуглое тѣло,
Слышалъ я говоръ, веселые крики и плескъ...
Жадной толпою сошлись онѣ къ отмели бѣлой!

Жадно дыша, одѣвались онѣ на пескѣ,
Лоснились косы и карія очи смѣялись,
Съ звонкими пѣснями скрылись онѣ вдалекѣ,
Звонко о берегъ прозрачныя волны плескались...
Чье-то кольцо золотится въ горячемъ пескѣ.

О, красота, тишина и раздолье Днѣпра!
Помню, какъ вѣтеръ въ лугахъ серебрилъ верболозы,
Помню, какъ рѣяла дальнихъ миражей игра...

ПѢСНЯ.

Я—простая дѣвка на баштанѣ,
Онѣ—рыбакъ, веселый человекъ.
Тонетъ бѣлый парусъ на Лиманѣ,
Много видѣлъ онѣ морей и рѣкъ.

Говорятъ, гречанки на Босфорѣ
Хороши... А я черна, худа.
Утопаетъ бѣлый парусъ въ морѣ—
Можетъ, не вернется никогда!

Буду ждать въ погоду, въ непогоду...
Не дождусь—съ баштана разочтусь,
Выйду къ морю, брошу перстень въ воду
И косою черной удавлюсь.

ЗАПУСТѢНІЕ.

Домой я шель по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ, берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренькій денекъ,
Среди березъ желтѣль осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ, кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ,
Но вотъ на перевалѣ, за лощиной,
Фруктовый садъ листвою покраснѣлъ,
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостинной
Полился нѣжный и печальный стонъ.
Я въ кресло сѣлъ, къ окну, и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены у балкона,
На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона
И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межъ тѣмъ какъ въ домѣ, тихомъ какъ могила,
Неслышно одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.
Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: „Пусто, братъ, и скучно!“

Въ соломѣ, возлѣ печки, на полу,
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качались въ углу,
А у стѣны темнѣли клавесины.
Я тронулъ ихъ—и горестно въ тиши
Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,
Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ,
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли...
Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталь и бѣднѣй и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы всѣ въ тоскѣ, въ тревогѣ...
Пора свести послѣдніе итоги.

Печаленъ долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень позднюю въ Россіи.
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,
Просторъ полей и сумерки глухія,
Любилъ стальную, сѣрую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ навѣвала русскую тоску...
Но дни идутъ, наскучило ненастье—
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья.

Томить меня нѣмая тишина.
Томить гнѣзда родного запустѣнье.
Я выросъ здѣсь. Но смотреть изъ окна
Заглохшій садъ. Надъ домомъ рѣетъ тлѣнье,
И скупо въ немъ мерцаетъ огонекъ.
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ,
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ.
Часы стучать, и старый домъ беззвучно
Мнѣ говоритъ: „Да, безъ хозяевъ скучно!

„Мнѣ на покой давно, давно пора...
Поля, лѣса—все гложетъ безъ заботы...
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!
Я жду, чтобъ жизнь, пусть даже въ грубой силѣ,
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ,
Я изнемогъ, и мертвый стукъ часовъ
Въ молчаніи осенней долгой ночи
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи!“

ДѢТСКАЯ.

Отъ пихтъ и елей въ горницѣ темнѣй,
Скучнѣй, стариннѣй. Древнее есть что-то
Въ уборѣ ихъ. И вечеромъ краснѣй
Сквозь нихъ зари морозной позолота.

Узорно-легкой, мягкой бахромой
Лежить ихъ тѣнь на рдѣющихъ обояхъ—
И грустны, грустны сумерки зимой
Въ заброшенныхъ помѣщичьихъ покояхъ!

Сидишь и смотришь въ окна изъ угла
И думаешь о жизни старосвѣтской...
Увы! Вѣдь эта горница была
Когда-то нашей дѣтской!

КОСОГОРЬ.

Косогорь надъ разлужьемъ и пашни кругомъ,
Потускнѣвшій закатъ, полумракъ...
Далеко за извалами крестъ надъ холмомъ—
Неподвижный вѣтрякъ.

Какъ печальна заря! И какъ долго она
Тлѣетъ въ сонномъ просторѣ равнинъ!
Вотъ чуть внятная дѣвичья пѣсня слышна...
Вотъ заплакала лунь... И опять тишина...
Ночь, безмолвная ночь. Я одинъ.

Я одинъ, а вокругъ темнота и поля,
И ни звука въ просторѣ ихъ нѣтъ...
Точно проклятъ тотъ край, тотъ народъ, гдѣ земля
Такъ пустынна ужъ тысячу лѣтъ!

ВЪ ЛѢСУ.

Въ лѣсу, въ горѣ—родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ—старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ березовый корецъ.

Я не люблю, о, Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ; но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя, родимыя черты!

РЪЧКА.

Свѣтло, легко и своенравно
Она блеситъ среди болотъ
И къ старымъ мельницамъ такъ плавно
Несетъ стекло весеннихъ водъ.

Несетъ—и знать себѣ не хочетъ.
Что тамъ, надъ омутомъ въ лѣсу,
Безумно Водяной грохочетъ,
Стремглавъ летя по колесу,—

Пылить на мельницахъ помоломъ,
Трясетъ и жерновъ и приводъ—
И, падая, въ бреду тяжеломъ
Кружитъ свѣдой водоворотъ.

ПАХАРЬ.

Легко и блѣдно небо голубое,
Поля въ весенней дымкѣ. Влажный паръ
Взрѣваю я—и лѣзутъ на подвои
Пласты земли, безцѣнный Божій даръ.

По бороздѣ спѣша за сошниками,
Я оставляю мягкіе слѣды—
Такъ хорошо разутыми ногами
Ступать на бархатъ теплой борозды!

Въ лилово-синемъ морѣ чернозема
Затерянъ я. И далеко за мной,
Гдѣ тусклый блескъ лежитъ на кровлѣ дома,
Струится первый зной.

ДВѢ РАДУГИ.

Двѣ радуги—и золотистый, рѣдкій
Весенній дождь. На западѣ вотъ-вотъ
Блеснутъ лучи. На самой верхней вѣткѣ
Садовъ, густыхъ отъ майскихъ непогодъ,
На мрачномъ фонѣ тучи озаренной
Чернѣетъ точкой птица. Все свѣжѣй
Свѣтъ радугъ фіолетово-зеленый
И сладкій запахъ ржей.

ЗАКАТЪ.

Вдыхая тонкій запахъ четоковъ,
Изъ-за чернѣющихъ рѣшетокъ
Глядятъ монахи на посадъ,
На синь лѣсовъ и на закатъ.

Вся келья въ жаркомъ, красномъ блескѣ:
Костромъ въ далекомъ перелѣскѣ
Гнѣздо Жарь-Птицы занялось
И за сосною тонетъ вкось.

Оно сторааетъ, но изъ дыма
Встаютъ, слагаются незримо
Надъ синимъ сумракомъ земли
Туманно-сизые кремли.

ЧУЖАЯ.

Ты чужая, но любишь,
Любишь только меня.
Ты меня не забудешь
До послѣдняго дня.

Ты покорно и скромно
Шла за нимъ отъ вѣнца.
Но лицо ты склонила—
Онъ не видѣлъ лица.

Ты съ нимъ женщиной стала,
Но не дѣвушка ль ты?
Сколько въ каждомъ движеньи
Простоты, красоты!

Будутъ снова измѣны...
Но одинъ только разъ
Такъ застѣнчиво свѣтитъ
Нѣжность любящихъ глазъ.

Ты и скрыть не умѣешь,
Что ему ты чужда...
Ты меня не забудешь
Никогда, никогда!

НОВЫЙ ГОДЪ.

Ночь прошла за шумной встрѣчей года...
Сколько сладкой муки! Сколько разъ
Я ловилъ, сквозъ блескъ огней и говоръ,
Быстрый взглядъ твоихъ влюбленныхъ глазъ!

Вышли мы, когда уже свѣтало
И въ церквахъ затеплились огни...
О, какъ мы любили! Какъ томились!
Но и здѣсь мы были не одни.

Молча шла ты объ руку со мною
По срединѣ улицъ. Городокъ
Точно вымеръ. Мягко вѣялъ влажный
Такошаго снѣга холодокъ...

Но подъѣздъ ужъ близокъ. Вотъ и двери...
О, прощальный милый взглядъ! „Хоть разъ,
Только разъ прильнуть къ тебѣ всѣмъ сердцемъ
Въ этотъ ранній, въ этотъ сладкій часъ!“

Но сестра стоитъ, глядитъ безстрастно.
„Доброй ночи!“. Сдержанный поклонъ,
Стукъ дверей—и я одинъ. Молчанье,
Блѣдный сумракъ, предразсвѣтный звонъ...

ТѢНЬ.

Высоко въ небѣ мѣсяцъ ясный,
Затихъ волны дремотный плескъ.
Какъ снѣжно-золотое поле,
Сіяетъ въ морѣ лунный блескъ.

Плыла межъ небомъ и землею
Надъ моремъ тучка, наплыла
На край луны—и вдругъ широко
Насъ мягкой тѣнью обняла.

Далеко золотое поле
Покрылось матовымъ стекломъ,
И вѣтеръ, шелестя травой,
Пахнулъ полуночнымъ тепломъ.

Счастливымъ и глубокимъ вздохомъ
Волна вздохнула въ полуснѣ—
И какъ довѣрчиво, какъ нѣжно
Ты вся прижалася ко мнѣ!

Но вспыхнулъ блескъ на горизонтѣ,
Тѣнь по горамъ въ лѣса ушла—
И снова мы сидимъ недвижно,
И снова ночь, какъ день, свѣтла.

Спитъ море подъ луною ясной,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ...
О, ночь любви! Ужель и въ счастьѣ
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

НОВАЯ ВЕСНА.

Мы встрѣтились случайно, на углу.
Я быстро шелъ—и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.

На ней былъ крепъ—прозрачный легкій газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ былое оживленье.

И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила
И скрылась за угломъ... Была весна...
Она меня простила—и забыла.

ОГОНЬ НА МАЧТѢ.

И сладостно и грустно видѣть ночью,
На кораблѣ далеко въ темномъ морѣ,
Въ ночь уходящій топовый огонь.
Когда все спитъ на дачѣ, и сквозь сумракъ
Однѣ лишь звѣзды свѣтятся, я часто
Сижу на старой каменной скамейкѣ,
Надъ лѣстницей съ обрыва. Ночь тепла,
И такъ темно, такъ тихо все, какъ будто
Нѣтъ ни земли, ни неба—только мягкій
Глубокій мракъ. И вотъ вдали, во мракѣ,
Идетъ огонь—какъ свѣчечка... Ни звука
Не слышно на прибрежьѣ,—лишь сверчки

Звенять въ горѣ чуть уловимымъ звономъ,
Будя въ душѣ задумчивую нѣжность,
А онъ уходитъ въ ночь и одиноко
Виситъ на горизонтѣ, въ темной безднѣ
Межъ небомъ и землею... Пойте, пойте,
Сверчки, мои товарищи ночные,
Баюкайте мою ночную грусть!

МЕРТВЫЙ ЧАСЪ.

Проснулся я внезапно, безъ причины.
Мнѣ снилось что-то грустное—и вдругъ
Проснулся я. Сквозь голыя осины
Въ окно глядѣлъ туманный лунный кругъ.

Усадьба по-осеннему молчала.
Весь домъ былъ мертвъ въ полночной тишинѣ,
И, какъ ребенокъ брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумнѣ.

Мнѣ снилось много грустнаго. Я знаю,
Что снилось мнѣ... Но отошла печаль:
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу... Мнѣ ничего не жаль.

ВЪ ОТКРЫТОМЪ МОРѢ.

Въ открытомъ морѣ—только небо,
Вода, да вѣтеръ. Тяжело
Идетъ волна, и низко кренитъ
Фелюка сѣрое крыло.

Въ открытомъ морѣ вѣтеръ гонитъ
То свѣтъ, то тѣнь—и въ облака
Сквозитъ лазурь... А ты забыта,
Ты безконечно далека!

Но волны, пѣнясь и качаясь,
Идутъ, бѣгутъ навстрѣчу мнѣ—
И кто-то синими глазами
Глядитъ въ мелькающей волнѣ.

И что-то вольное, живое,
Какъ эта синяя вода,
Опять, опять напоминаетъ
То, что забыто навсегда!

АПРѢЛЬ.

Туманный серпъ, неясный полумракъ,
Свинцово-тусклый блескъ желѣзной крыши,
Шумъ мельницы, далекій лай собакъ,
Таинственный зигзагъ летучей мыши.

А въ старомъ палисадникѣ темно,
Свѣжо и сладко пахнетъ можжевельникъ
И сонно, сонно свѣтится сквозь ельникъ
Серпа зеленоватое пятно.

ИЗЪ ОКНА.

Вѣтви кедра—вышивки зеленымъ
Темнымъ плюшемъ, свѣжимъ и густымъ,
А за плюшемъ кедра, за балкономъ—
Садъ прозрачный, легкій, точно дымъ:

Яблони и сизыя дорожки,
Изумрудно-яркая трава,
На березахъ—сѣрыя сережки
И вѣтвей плакучихъ кружева,

А на кленахъ—дымчато-сквозная
Съ золотыми мушками вуаль,
А за ней—долинная, лѣсная,
Голубая, тающая даль.

ДѢТСТВО.

Чѣмъ жарче день, тѣмъ сладостнѣй въ бору
Дышать сухимъ смолистымъ ароматомъ,
И весело мнѣ было поутру
Бродить по этимъ солнечнымъ палатамъ!

Повсюду блескъ, повсюду яркій свѣтъ,
Песокъ—какъ шелкъ... Прильну къ соснѣ корявой
И чувствую: мнѣ только десять лѣтъ,
А стволъ—гигантъ, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но такъ тепла, такъ солнцемъ вся прогрѣта!
И кажется, что пахнетъ не сосна,
А зной и сухость солнечнаго свѣта.

РАЗЛИВЪ.

Паромъ, скрипя, ушелъ. Въ разливъ, по тусклой зыби,
Сквозь муть лиловыхъ тучъ румянится заря.
На темномъ кряжѣ горъ, въ ихъ сумрачномъ изгибѣ,
Померкнули въ лѣсу кресты монастыря.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянетъ...
Но и костеръ потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ. Темнѣй уже не станетъ,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Лишь брезжится закатъ на взгорьяхъ сквозь верхушки,
Блеститъ какъ ртуть вода по лужамъ на пескѣ,
Дрожить въ разливѣ рябь, да сонныя лягушки
Звенять чуть слышно въ тростникѣ.

СКАЗКА.

..И снилось мнѣ, что мы, какъ въ сказкѣ,
Шли вдоль пустынныхъ береговъ
Надъ дикимъ синимъ лукоморьемъ,
Въ глухомъ бору, среди песковъ.

Быль лѣтній свѣтозарный полдень,
Быль жаркій день, и озарень
Весь лѣсъ былъ солнцемъ, и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоенъ.

Узорами ложились тѣни
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Быль чистъ и радостно-высокъ.

Игралъ зеркальный отблескъ моря
Въ вершинахъ сосенъ, и текла
Вдоль по корѣ, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнѣе стекла...

Мнѣ снилось сѣверное море,
Лѣсовъ пустынные края...
Мнѣ снилась даль, мнѣ снилась сказка—
Мнѣ снилась молодость моя.

ПОМОРЬЕ.

Бѣлый полдень, жаръ неносный,
Мохъ, песокъ, шелюгъ, да сосны...
Но отъ сосенъ тѣни нѣтъ,

Облака легки, высоки,
Солнце въ блѣдной поволокѣ—
Всюду знойный бѣлый свѣтъ.

Тамъ, за хижиной помора,
За песками косогора,
Голой мачты виденъ шесть...

Но и море гладью млечной,
Серебристой, безконечной
Простирается окрестъ.

А на отмели песчаной
Спитъ поморъ, отъ солнца пьяный,
Тонко плачется комаръ,

И на икрахъ обнаженныхъ,
Лѣтнимъ зноемъ обожженныхъ,
Блещетъ бронзовый загаръ.

ПОДЪ ВЕЧЕРЪ.

Угрюмо шмель гудить, толкаясь по стеклу...
Въ окно зарница глянула тревожно...
Притихшій соловей въ сирени на валу
Выводить трели осторожно.

Громъ, проворчавъ въ саду, скатился за гумно;
Но воздухъ меркнетъ, небо потухаетъ...
А тополь тянется въ открытое окно
И ладаномъ благоухаетъ.

ДОННИКЪ.

Братъ, въ запыленныхъ сапогахъ,
Швырнулъ ко мнѣ на подоконникъ
Цвѣтокъ, растущій на парахъ,
Цвѣтокъ засухи—желтый донникъ.
Сочиненія И. А. Бунина, Т. III.

Я всталъ отъ книгъ и въ степь пошелъ...
Ну да, все поле—золотое,
И отовсюду точки пчель
Плывутъ въ сухомъ вечернемъ зноѣ.

Толчется сѣткой мошкара,
Шафранный свѣтъ надъ полемъ рѣветъ—
И, значить, завтра вновь жара
И вновь сухмень. А хлѣбъ ужъ зрѣеть.

Да, зрѣеть и грозить нуждой,
Быть-можетъ, голодомъ... И все же
Мнѣ этотъ донникъ золотой
На мигъ всего, всего дороже!

Р О З Ы.

Блестая, облака лѣпились
Въ лазури пламеннаго дня.
Двѣ розы подъ окномъ раскрылись—
Двѣ чаши, полныя огня.

Въ окно, въ прохладный сумракъ дома,
Глядѣлъ зеленый знойный садъ,
И сѣна душная истома
Струила сладкій ароматъ.

Порою, звучный и тяжелый,
Высоко въ небѣ грохоталъ
Громовый гулъ... Но пѣли пчелы,
Звенѣли мухи—день сіялъ.

Порою шумно пробѣгали
Потоки ливней голубыхъ...
Но солнце и лазурь мигали
Въ зеркально-зыбкомъ блескѣ ихъ —

И день сіялъ, и млѣли розы,
Головки томныя клоня,
И улыбались сквозь слезы
Очами, полными огня.

Т Е Р Е М Ъ.

Высоко стоитъ луна.
Тѣни елей рѣзки, четки.

Я—въ свѣтлицѣ у окна,
Я блѣднѣе полотна...

Въ серебрѣ пруты рѣшетки.

Мать, отецъ—всѣ спять давно.

Я съ распущенной косою
Заглядѣлася въ окно...

Я блѣдна, какъ полотно,

Какъ поляна подъ росою.

Подоконникъ не великъ,

Все же можно здѣсь прижаться...

Съ неба смотреть лунный ликъ—

И у ногъ на половикъ

Клѣтки бѣлыя ложатся.

Да и я—какъ въ серебрѣ,

Испещренная крестами...

Долги ночи въ сентябрѣ!

Но усну лишь на зарѣ,

Истомленная мечтами.

СКВОЗЬ ВѢТВИ.

Осень листья темной краской мѣтитъ:

Не уйти имъ отъ своей судьбы!

Но свѣтло и нѣжно небо свѣтитъ

Сквозь нагіе черные дубы,

Что-то неземное обѣщаетъ,

Къ тишинѣ уводитъ отъ заботъ—

И опять, опять душа прощаетъ

Промелькнувшій, обманувшій годъ!

СЕНТЯБРЬ.

Ужъ подсыхаетъ хмель на тынѣ.

За хуторами, на бакчахъ,

Въ нежаркихъ солнечныхъ лучахъ

Краснѣютъ бронзовыя дыни.

Ужъ хлѣбъ свезенъ, и вдалькѣ,

Надъ старою степною хатой,

Сверкаетъ золотой заплатой

Крыло на сѣромъ вѣтрякѣ.

КЕЛЬЯ.

День распогодился съ закатомъ.
Сквозь стекла въ старый кабинетъ
Льетъ солнце золотистый свѣтъ;
Широкимъ палевымъ. квадратомъ
Окно рисуетъ на стѣнѣ,
А въ немъ безсильно, какъ во снѣ,
Скользятъ трепещущимъ узоромъ
Тѣнь отъ березы надъ заборомъ...
Какъ грустно на закатѣ мнѣ!

Зачѣмъ ты, солнце, на прощанье,
Въ своемъ сіяньи золотомъ,
Вошло въ мой одинокій домъ?
Онъ пусть, въ немъ вѣчное молчанье!
Я былъ спокоенъ за трудомъ,
Я позабылъ твое сіянье:
Зачѣмъ же думы о быломъ
И это грустное веселье
Въ давно безлюдной, тихой кельѣ?

СУДРА.

Жизнь впереди, до старости далеко.
Но вотъ и я ужъ думаю о ней...
О, какъ намъ будетъ въ мѣрѣ одиноко!
Какъ грустно на закатѣ дней!

Умершіе оставили одежды —
Ихъ носить бѣдный Судра. Такъ и мнѣ
Оставитъ жизнь не радость и надежды,
А только скорбь о старинѣ.

Мы проживемъ, быть-можетъ, не напрасно;
Но тѣмъ больнѣе будетъ до конца
Съ улыбкою печальной и безгласной
Влечить одежды мертвеца!

УШАША.

Распали костеръ, сумѣй
Разозлить его блестящихъ,
Убѣгающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змѣй!

Ночь изъ тьмы пустаго сада
Дышитъ холодомъ прудовъ,
Прѣлыхъ листьевъ и плодовъ —
Ароматомъ листопада.

Здѣсь же яркій зной и свѣтъ,
Тѣни пляшутъ по аллеямъ,
И бѣгущимъ жаркимъ змѣямъ,
Ихъ затѣямъ — счета нѣтъ!

НА МАЯКЪ.

Въ пустой маякъ, въ лазурь оконныхъ впадинъ,
Осенній вѣтеръ дуетъ — и, звеня,
Гудитъ вверху. Онъ влаженъ и прохладенъ,
Онъ опьяняетъ свѣжестью меня.

Остановясь на лѣстницѣ отвѣсной,
Гляжу въ окно. Внизу шумитъ прибой
И зыбь бѣжитъ. А выше — сводъ небесный
И океанъ туманно-голубой.

Внизу — шумъ волнъ, а наверху, какъ струны,
Звенить-поетъ рѣшетка маяка.
И все плыветъ: маякъ, заливъ, буруны,
И я, и небеса, и облака.

ГОЛУБИ.

Раскрытъ балконъ, сожженъ цвѣтникъ морозомъ,
Опустошенъ поблекшій садъ дождями.

Какъ лунный камень, холодно и блѣдно
Надъ садомъ небо. Вѣтеръ въ небѣ гонитъ
Свинцовыя и дымчатыя тучи,
И крупный ливень съ бурей то и дѣло
Бѣжитъ, дымится по саду... Но если
Внезапно глянетъ солнце, что за радость
Овладеваетъ сердцемъ! Жадно дышишь
Душистымъ влажнымъ воздухомъ, уходишь
Съ открытой головою по аллеѣ,
Межъ тѣмъ какъ надъ аллеей все привѣтнѣй
Синѣетъ небо яркое — и вдругъ
Съ гумна стрѣлою мчится бѣлый турманъ
И снѣжнымъ комомъ падаетъ къ балкону,

За нимъ другой — и оба долго, долго
Пьютъ изъ лазурной лужи, поднимая
Свои головки кроткія... Замрешь,
Боясь ихъ потревожить, весь охваченъ
Какой-то робкой радостью, и мнится,
Что пьютъ они не дождевую воду,
А чистую небесную лазурь.

О Л Ъ Х А.

Осень. Чащи лѣса.
Мохъ сухихъ болотъ.
Озеро бѣлесо.
Блѣденъ небосводъ.

Отцвѣли кувшинки
И шафранъ отцвѣлъ.
Выбиты тропинки,
Лѣсъ и пусть и голъ.

Только ты красива,
Хоть давно суха,
Въ кочкахъ у залива
Старая ольха!

Женственно глядишься
Въ воду въ полуснѣ —
И засеребришься
Прежде всѣхъ къ веснѣ.

Г О Р Е.

Меркнетъ свѣтъ въ небесахъ.
Скачетъ князь мелколѣсьемъ, по топямъ, гдѣ сохнетъ осока.
Рѣютъ сумерки въ черныхъ еловыхъ лѣсахъ,
А по елкамъ мелькаетъ, сверкаетъ — сорока.

Станетъ князь, поглядитъ:
Нѣтъ сороки! Но сердце недоброе чуетъ.
Снова скачетъ — и снова сорока летитъ,
Перелѣсьемъ кочуетъ.

Боленъ сынъ... Вѣрно, хуже ему...
Погубили дитя переходіе старцы калики!
Ночь подходитъ... И что-то теперь въ терему?
Скачетъ князь — и все слышитъ онъ женскіе крики.

А въ лѣсу все темнѣй,
А ужъ конь устаетъ... Пospѣшай, — недалеко!
Вонъ и теремъ... Но что это? Сколько огней!
— Нагадала сорока.

УТРЕННИКЪ.

Первый утренникъ, серебряный морозъ!
Тишина и звонкій холодъ на зарѣ.
Свѣжимъ глянецомъ зеленѣетъ слѣдъ колесъ
На серебряномъ просторѣ, на дворѣ.

Я въ холодный обнаженный садъ пойду —
Весь разсѣянъ по землѣ его нарядъ.
Бирюзой сіяетъ небо, а въ саду
Краснымъ пламенемъ настурціи горять.

Первый утренникъ — предвѣстникъ зимнихъ дней.
Но сіяетъ небо ярче съ высоты,
Сердце стало и трезвѣй и холоднѣй.
Но, какъ пламя, рдѣютъ поздніе цвѣты.

О Г О Н Ъ.

Нѣтъ ничего грустнѣй ночного
Костра, забытаго въ бору.
О, какъ дрожить онъ, потухая
И разгораясь на вѣтру!

Ночной холодный вѣтеръ съ моря
Внезапно залетаетъ въ боръ;
Онъ, бѣшено кружась, бросаетъ
Въ костеръ истлѣвшій хвойный соръ —

И пламя вспыхиваетъ жадно,
И тьма, висѣвшая шатромъ,
Вдругъ затрепещетъ, открывая
Стволы и вѣтви надъ костромъ.

Но вѣтеръ пролетаетъ мимо,
Теряясь въ черной высотѣ,
И вѣтру отвѣчаетъ гуломъ
Весь боръ, невидный въ темнотѣ,

И снова затопляетъ тьмою
Свѣтъ замирающій... О, да!
Еще порывъ, еще усилъе —
И онъ исчезнетъ безъ слѣда,

И явственнѣй во мракѣ станетъ
Звонъ сонной хвои, скрипъ стволонъ
И этотъ жуткѣй, все растушій,
Протяжный гулъ морскихъ валонъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Катится дискомъ золотымъ
Луна въ провалы черной тучи,
И таетъ въ ней, и льетъ сквозъ дымъ
Свой блескъ на каменные кручи.

Но погляди на небосклонъ:
Луна стоитъ, а дымъ мелькаетъ...
Не Время въ вѣчность убѣгаетъ,
А нашей жизни блѣдный сонъ!

СТАРИКЪ.

Старикъ сидѣлъ, покорно и уныло
Поднявши брови, въ креслѣ у окна.
На столикѣ, гдѣ чашка чаю стыла,
Сигара нагорѣвшая струила
Полоски голубого волокна.

Былъ зимнѣй день, и на лицо худое,
Сквозъ этотъ легкѣй и душистый дымъ,
Смотрѣло солнце вѣчно молодое,
Но ужъ его сіянье золотое
На западъ шло по комнатамъ пустымъ.

Часы въ углу своею четкой мѣрой
Отмѣривали время... На закатъ
Смотрѣлъ старикъ съ безпомощною вѣрой...
Росъ на сигарѣ пепель темно-сѣрый,
Струился сладковатый ароматъ.

СУМЕРКИ.

Какъ дымъ, сѣдая мгла мороза
Застыла въ сумракѣ ночномъ.
Какъ привидѣніе, береза
Стоитъ, сѣрѣя, за окномъ.

Таинственно въ углахъ стемнѣло,
Чуть свѣтитъ печь, и чья-то тѣнь
Надъ всѣмъ простерлася несмѣло,—
Грусть, провожающая день,
Грусть, разлитая на закатѣ
Въ полупомеркнувшей золѣ,
И въ тонкомъ тепломъ ароматѣ
Сгорѣвшихъ дровъ, и въ полумглѣ,
И въ тишинѣ, — такой угрюмой,
Какъ будто блѣдный призракъ дня
Съ какою-то глубокой думой
Глядитъ сквозь сумракъ на меня.

О Л Е Н Ъ .

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Въ нихъ шель олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.
Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталь тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ —
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.
Вотъ снова слѣдъ — размѣренный и рѣдкій...
И вдругъ — прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ — и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу.
О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно-звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

З М Ъ Я .

Покуда мартъ гудитъ въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей, — безцвѣтна и плоска,
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листьѣ тяжелымъ,
Холоднымъ сномъ — и жду: весна близка.
Ужъ въ облакахъ, какъ синія оконца,
Сквозитъ лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припаль къ листьѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей... Я медленно ползу —
И вновь цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, то въ бирюзу.
Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ — змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй —
Тѣмъ ядовитѣй я.

Н Е Б О.

Въ деревнѣ капали капли,
Былъ теплый солнечный апрѣль.
Блестѣли вывѣски и стекла
И празднично бѣлѣлъ отель.

А надъ деревней, надъ горами
Раскрыты были небеса,
И по горамъ, къ вершинамъ бѣлымъ,
Шли темно-синіе лѣса.

И отъ вершинъ, какъ мраморъ чистыхъ,
Отъ изумрудныхъ ледниковъ
И отъ небесъ зеленоватыхъ
Тянуло свѣжестью снѣговъ.

И я ушелъ къ зимѣ, на сѣверъ.
И цѣлый день бродилъ въ лѣсахъ,
Душой теряясь въ необъятныхъ
Зеленоватыхъ небесахъ.

И, радуясь, душа стремилась
Рѣшить одно: зачѣмъ живу?
Зачѣмъ хочу сказать кому-то,
Что тянетъ въ эту синеву,

Что предестъ этихъ чистыхъ красокъ
Словами выразить нѣтъ силъ,
Что только небо — только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ?

НА ВИНОГРАДНИКѢ.

На виноградникѣ нельзя дышать. Лоза
Пожухла, сморщилась. Лучистый отблескъ моря
И бѣлизна шоссе слѣпятъ огнемъ глаза,
А дача на холмѣ, на голомъ косогорѣ.

Скрываюсь въ домъ. О, рай! Прохладно и темно,
Всѣ ставни заперты... Но нѣтъ, и здѣсь не скрыться:
Прямой горячій лучъ блеститъ сквозь щель въ окно —
И понемногу тьма рѣдѣетъ, золотится.

Еще мгновеніе — и приглядишься къ ней,
И будешь чувствовать, что за стѣною — море,
Что за стѣной — шоссе, что нѣтъ нигдѣ тѣней,
Что вся земля горитъ въ сіяющемъ просторѣ!

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Тьма затопляетъ лунный блескъ,
За тучу входитъ мѣсяцъ полный,
Холоднымъ вѣтромъ дышатъ волны
И все растетъ ихъ шумный плескъ.

Вотъ на мгновенье разступился
Зловѣщій мракъ, и, точно ртуть,
По гребнямъ волнъ засеребрился
Дрожащій отблескъ — лунный путь.

Но какъ за нимъ сгустились тучи!
Какъ черный небосклонъ великъ!..
О, ночь! Сокрой во тьмѣ свой ликъ,
Свой взоръ тревожный и могучій!

ШТИЛЬ.

На плоскомъ взморьѣ — мертвый зной и штиль.
Слѣпитъ горячій свѣтъ, струится воздухъ чистый,
Расплавленной смолой сверкаетъ черный киль
Рыбацкаго челна на мели золотистой.

Съ нестройнымъ крикомъ голыхъ татарчатъ
Сливается порой пронзительный и жалкій,
Зловѣщій визгъ серебряной рыбалки.
Но небо ясно, отмели молчатъ.

Разлитъ заливъ зеркальностью безбрежной,
И глубоко на золотѣ песка,
Подъ хрусталемъ воды, сіяетъ бѣлоснѣжный
Недвижный отблескъ маяка.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Все море — какъ жемчужное зеркало,
Сирень съ отливомъ млечно-золотымъ.
И какъ тепло передъ закатомъ стало,
И какъ душистъ надъ саклей тонкій дымъ!

Вонъ чайка сѣла въ бухточкѣ скалистой:
Какъ поплавокъ... Взлетаетъ иногда —
И видно, какъ струею серебристой
Сбѣгаетъ съ лапокъ розовыхъ вода.

У береговъ въ водѣ застыли скалы,
Подъ ними свѣтитъ жидкій изумрудъ.
А тамъ, вдали — и жемчугъ и опалы
По золотистымъ яхонтамъ текутъ.

СЪ ОСТРОГОЙ.

Костеръ трещитъ. Въ фелюкѣ свѣтъ и жаръ.
Въ водѣ стоятъ и сереблятся шуки,
Бѣлѣтъ дно... Бери трезубецъ въ руки
И не спѣши. Ударъ! Еще ударъ!

Но поздно. Страсть — какъ сладостный кошмаръ,
Но силъ ужъ нѣтъ, противны кровь и муки...
Гаси, гаси — вали съ борта фелюки
Костеръ въ Лимань... И чадъ, и дымъ, и паръ!

Теперь легко, прохладно. Выступаютъ
Туманныя созвѣзды въ полутьмѣ.
Волна качаетъ, рыбы засыпаютъ...
И вверхъ лицомъ ложусь я на кормѣ.

Плыть — до зари, но въ морѣ путь не скученъ.
Я задремлю подъ ровный стукъ уключинъ.

ОКЕАНИДЫ.

Въ полдневный зной, когда на щепень,
На валуны прибрежныхъ сваль,
Кипя, встаетъ за гребнемъ гребень,
Крутятся, идетъ за валомъ валъ, —

Когда изгибъ прибоя блещетъ
Зеркально-вогнутой грядой
И въ немъ сіяетъ и трепещетъ
Отъ гребня отблескъ золотой, —

Какъ весель ты, о, буйный хохоть,
Звенящій смѣхъ Океанидъ,
Подъ этотъ влажный шумъ и грохотъ
Летящихъ въ пѣнѣ на гранить!

Какъ звучно море подъ скалами
Дробить на солнцѣ зеркала
И въ пѣнѣ, вмѣстѣ съ зеркалами,
Клубить ихъ бѣлыя тѣла!

Д Ю Н Ы.

За сизыми дюнами — сѣверный тусклый туманъ.

За сизыми дюнами — сѣрая даль океана.

На зыби холодной, у берега — черный бакланъ,
На зыби маячитъ высокая шейка баклана.

За сизыми дюнами — сѣверъ. Вдали иногда

Проходятъ, какъ тѣни, норвежскія старыя шхуны —

И снова все пусто. Холодное небо, вода,
Туманъ синеватый и дюны.

НА БѢЛЫХЪ ПЕСКАХЪ.

На бѣлыхъ пескахъ отъ прилива
Немало осталось къ зарѣ
Сверкающихъ лужъ и затоновъ —
Зеркальныхъ полосъ въ серебрѣ.

Немало камней самоцвѣтныхъ
Осталось на дюнахъ нагихъ,
И смотреть, какъ ангелъ лазурный,
Весеннее утро на нихъ.

А къ западу сумракъ тѣснится,
И съ сумракомъ, въ сизый туманъ,
Свивается сонный, утрюмый,
Тяжелый удавъ — Океанъ.

С Т О Н Ъ.

Какъ розовое море — даль пустынь.
Какъ синій лотосъ — озеро Мерида.
„Встань, сонный рабъ, и свой шалашъ покинь:
Ужъ озлатилась солнцемъ пирамида“.

И рабъ встаетъ. Отъ жесткаго одра.
Идетъ подъ зной и пламень небосклона.
Разсвѣтъ горитъ. И въ пышномъ блескѣ Ра
Вдали звучать стенанія Мемнона.

ВЪ ГОРНОЙ ДОЛИНѢ.

Блѣдно-зеленяя грустныя звѣзды...
Помню темнѣющій лѣсъ,
Сырость и сумерки въ горной долинѣ,
Холодъ осеннихъ небесъ.

Жадно и долго стремился я, звѣзды,
Къ вамъ, въ вышину...
Что же я встрѣтилъ? Нагіе граниты,
Сумерки, страхъ, тишину...

Блѣдны и грустны вы, горныя звѣзды:
Вы созерцаете смерть.
Что же влечетъ къ вамъ? Зачѣмъ же такъ тянетъ
Ваша бездонная твердь?

КАМЕННАЯ БАБА.

Отъ зноя травы сухи и мертвы.
Степь — безъ границъ, но даль синѣетъ слабо.
Вотъ остовъ лошадиной головы.
Вотъ снова — Каменная Баба.

Какъ сонны эти плоскія черты!
Какъ первобытно-грубо это тѣло!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Мнѣ улыбаешься несмѣло.

О, дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцемъ?
— Не Богъ, не Богъ насъ создалъ. Это мы
Боговъ творили рабскимъ сердцемъ.

МИСТИКУ.

Въ холодный залъ, луною освѣщенный,
Ребенкомъ я вошелъ.

Тѣнями рамъ старинныхъ испещренный,
Блестѣлъ вощенный полъ.

Какъ въ алтарѣ, высоки окна были,
А тамъ, въ саду — луна,
И бѣлый снѣгъ, и въ пудрѣ снѣжной пыли —
Столѣтняя сосна.

И въ страхѣ я въ дверяхъ остановился:
Какъ въ алтарѣ,
По залу ладанъ сумрака дымился,
Сквозя на серебрѣ.

Но взглядъ упалъ на небо: небо ясно,
Луна чиста, свѣтла —
И страхъ исчезъ... Какъ часто, какъ напрасно
Дѣтей пугаетъ мгла!

Теперь давно мистическаго храма
Мнѣ жалокъ темный бредъ:
Когда идешь надъ бездной — надо прямо
Смотрѣть въ лазурь и свѣтъ.

ЭСХИЛЪ.

Я содрогаюсь, глядя на твои
Черты нѣмыя, полныя могучей
И строгой мысли. Съ древней простотой
Изваянь ты, о, старецъ. Безконечно
Далеки дни, когда ты жилъ, и миломъ
Теперь тѣ дни намъ кажутся. Ты страшенъ
Ихъ древностью. Ты страшенъ тѣмъ, что ты,
Незримый въ мѣрѣ двадцать пять столѣтій,
Незримо въ немъ присутствуешь донинѣ,
И предъ твоею славой легендарной
Безсильно Время. — Рокъ неотвратимъ,
Все въ мѣрѣ предначертано Судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвенье
Дѣла всѣхъ дѣлъ. Но ты предъ Адрастеей

Склонилъ чело суровое съ такимъ
Величіемъ, съ такою мощью духа,
Какая подобаетъ лишь богамъ
Да смертному, дерзнувшему впервые
Возславить духъ и дерзновење смертныхъ!

САМСОНЪ.

Былъ ослѣпленъ Самсонъ, былъ Господомъ обиженъ,
Былъ чадами грѣха поруганъ и униженъ
И приведенъ на пиръ. Тамъ, опустивъ къ землѣ
Незрячіе глаза, онъ слушалъ смѣхъ и клики,
Но мгла текла предъ нимъ — и въ этой жуткой мглѣ
Шылали грозные архангельскіе лики.
Они росли, какъ смерчъ, — и вдругъ разверзлась твердь,
Прорѣзалъ тьму глаголь: „Возстань, мой рабъ любимый!“
И просіялъ слѣпецъ красой непостижимой,
Затрепеталъ, какъ кедръ, и поблѣднѣлъ, какъ смерть.
О, не плѣнитъ его теперь Ваала хохоть,
Не обольститъ очей ни пурпуръ ни виссонъ! —
И цѣлый міръ потрясъ громовый гулъ и грохотъ:
Зане былъ слѣпъ Самсонъ.

ОРМУЗДЪ.

Ни алтарей, ни истукановъ,
Ни темныхъ капищъ. Міръ одѣтъ
Въ покровы мрака и тумановъ:
Боготворите только Свѣтъ.

Владыка Свѣта весь въ единомъ —
Въ борьбѣ со Тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Возненавидьте только Тьму.

Ночь третью міра властно править.
Но мудрый жаждетъ вѣрить Дню:
Онъ въ мірѣ радость солнца славить,
Онъ поклоняется Огню.

И, возложивъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приносить въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, всевидящій Датаръ!

У БЕРЕГОВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

Здѣсь царство Амазонокъ. Были дики
Ихъ буйныя забавы. Много дней
Звучали здѣсь ихъ радостныя клики
И ржаніе купавшихся коней.

Но вѣкъ нашъ — мигъ. И кто укажетъ нынѣ,
Гдѣ на пески ступала ихъ нога?
Не вѣтеръ ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагіе берега?

Давно унесъ, развѣялъ вѣтеръ южный
Ихъ голоса отъ этихъ береговъ...
Давно слизалъ, размылъ прибой жемчужный
Съ сырыхъ песковъ слѣды подковъ...

П О Т О П Ъ.

Халдейскіе мифы.

Когда ковчегъ былъ конченъ и наполненъ,
И я, царь Касисадра, Кисутросъ,
Зарылъ въ Сиппаръ хартіи закона,
Раздался съ неба голосъ: „На закатѣ
На землю хлынетъ ливень. Затвори
Въ ковчегѣ дверь“. И вотъ настало время
Войти въ ковчегъ. Со страхомъ ждалъ я ночи
И въ страхѣ затворилъ я дверь ковчегъ,
И въ страхѣ поручилъ свою судьбу
Бусуркургалу, кормчему. А утромъ
Поднялся вихрь — и тучи охватили
Изъ края въ край всю землю. Роману
Гремѣлъ среди небесъ. Нэбò и Сарру
Согласно надвигались по долинамъ
И по горамъ. Нергалъ далъ волю вѣтру.
Нинипъ наполнилъ рѣки, и несли
Смерть и погибель Геніи. До неба
Достигли воды. Свѣтъ потухъ во мракѣ,
И братъ не видѣлъ брата. Сами боги
Къ вершинамъ Анну въ страхѣ поднялись
И на престолахъ плакали, и съ ними
Истара горько плакала. Шестъ дней
И семь ночей свирѣпствовали въ мірѣ
Вихрь, ураганъ и вѣтеръ — наконецъ,
Съ разсвѣтомъ дня, смирились. Воды пали

И ливень стихъ. Я плакаль о погибшихъ,
Носясь по волѣ волнъ — и предо мною,
Какъ бревна, трупы плавали. Я плакаль,
Открывъ окно и увидавши солнце.

А Г Н И.

Лежу во тьмѣ, сраженный злою силой.
Лежу и жду, недвижимый и нѣмой:
Идутъ, поютъ надъ вырытой могилой,
Несутъ огни, — вѣщаютъ жребій мой.
Звенять въ щиты, зовутъ меня домой,
Въ стоустый вопль сливаютъ плачъ унылый.
Но мнѣ легко: ты, Агни свѣтлокрылый,
Спасешь меня, разъединишь со тьмой.
Смотрите, братья, недруги и други,
Какъ богъ, гудя, охватить мой костеръ,
Отсвѣчивая золотомъ въ кольчугѣ!
Смирите скорбь рыдающихъ сестеръ:
Богъ взялъ меня и жертвою простеръ,
Чтобъ возродить на свѣтозарномъ Югѣ!

СТОЛПЪ ОГНЕННЫЙ.

Въ пустынѣ раскаленной мы блуждали,
Томительно намъ знойный день свѣтилъ,
Во мгlistыя сверкающія дали
Туманный столпъ предъ нами уходилъ.
Но пала ночь — и скрылся столпъ туманный,
Миражъ исчезъ, свободнѣй дышитъ грудь —
И пламенемъ къ землѣ обѣтованной
Намъ Ягве указываетъ путь!

Д Е Н Ъ Г Н Ъ В А.

Апокалипсисъ, VI.

...И Агнецъ снялъ четвертую печать.
И услыхалъ я голосъ, говорившій:
„Возстань, смотри!“ И я взглянулъ: конь блѣденъ,
На немъ же мощный всадникъ — Смерть. И Адъ
За нею шелъ, и власть у ней была
Надъ четвертую земли, да умерщвляетъ
Мечомъ и голодомъ, моромъ и звѣрями.

И пятую Онъ снялъ печать. И видѣлъ
Я подъ престоломъ души убіенныхъ,
Вопившія: „Доколѣ, о, Владыко,
Не судишь ты живущихъ на землѣ
За нашу кровь?“ — И были имъ даны
Одежды бѣлоснѣжныя, и было
Имъ сказано: да почиютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ умрутъ,
Какъ и они, за словеса Господни.

Когда же снялъ шестую Онъ печать,
Взглянулъ я вновь, и вотъ — до основаній
Потрясса міръ, и солнце стало мрачно,
Какъ вретище, и ликъ луны—какъ кровь;
И звѣзды устремились внизъ, какъ въ бурю
Незрѣлый плодъ смоковницы, и небо
Свилось, какъ свитокъ хартіи, и горы,
Колеблясь, съ мѣста двинулись; и всѣ
Цари земли, вельможи и владыки,
Богатые и сильные, рабы
И вольные—всѣ скрылися въ пещеры,
Въ ущелья горъ, и говорятъ горамъ
И камнямъ ихъ: „Падите и сокройте
Насъ отъ лица Сидящаго во славѣ
И гнѣва Агнца: ибо настаетъ
Великій день Его всеильной кары!“

СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ.

Апокалипсисъ, I.

Я, Іоаннь, вашъ братъ и соучастникъ
Въ скорбяхъ и царствѣ Господа, былъ изгнанъ
На Патмосъ за свидѣтельство Христа.

Я осѣненъ былъ духомъ въ день воскресный
И слышалъ за собою какъ бы трубный
Могучій гласъ: „Я Альфа и Омега“.

И обратился, дабы видѣть очи
Того, кто говоритъ, и, обратившись,
Увидѣлъ семь свѣтильниковъ златыхъ.

И среди ихъ пламениковъ — мужа,
Подирсмъ облеченнаго по стану
И въ поясѣ изъ золота — по персамъ.

Глава его и волосы сіяли,
Какъ горный снѣгъ, какъ бѣлая ярина,
И точно пламень огненный — глаза.

Стопы его — халколиванъ горящій,
Какъ будто раскаленные въ горнилѣ,
И гласъ Его былъ шумомъ многихъ водъ.

Семь звѣздъ въ Его десницѣ, мечъ струился
Изъ устъ Его, и ликъ Его — какъ солнце,
Блистающее въ славѣ силъ своихъ.

И, увидавъ, я палъ предъ Нимъ, какъ мертвый.

С О Н Ъ.

Изъ кн. пророка Данила.

Царь! вотъ твой сонъ: блисталъ передъ тобою
Среди долинъ огромный истуканъ,
Поправшій землю глиняной стопою.

Червонный ликъ былъ истукану данъ,
Изъ серебра имѣлъ онъ грудь и длани,
Изъ мѣди — бедра мощныя и станъ.

Но пробилъ часъ, назначенный заранѣ —
И сорвался въ долину самъ собой
Тяжелый камень съ дальней горной грани.

Царь! пробилъ часъ, назначенный судьбой:
Тотъ камень палъ, смѣшавъ металлы съ глиной,
И поднялъ прахъ, какъ пыль надъ молотбой.

Богъ сокрушилъ металла блескъ въ единый
И краткій мигъ: развѣялъ безъ слѣда,
А камень сталъ великою вершиной.

Онъ овладѣлъ вселенной. Навсегда.

Э Л Ъ Б У Р С Ъ.

Иранскій мифъ.

На льдахъ Эльбурса солнце всходитъ.
На льдахъ Эльбурса жизни нѣтъ.
Вокругъ него на небосводѣ
Течетъ алмазный кругъ планетъ.

Туманъ, всползающій на скаты,
Вершинъ не въ силахъ достигнуть:
Однимъ небеснымъ Газатамъ
Къ вѣнцу земли доступенъ путь.

И Митра, чье святое имя
Благословляетъ вся земля,
Восходитъ первый между ними
Зарей на льдистыя поля.

И свѣтитъ ризою златотканной,
И озираетъ съ высоты
Истоки рѣкъ, пески Ирана
И горъ волнистыя хребты.

А Т Л А Н Т Ъ.

...И долго, долго шли мы плоскогорьемъ,
Межъ дикихъ скалъ—все выше, выше, къ небу,
По спутаннымъ кустарникамъ, въ туманѣ,
То закрывавшемъ солнце, то, какъ дымъ,
По вѣтру проносившемся предъ нами —
И вдругъ обрывъ, бездонное пространство
И глубоко въ пространствѣ—необъятный,
Туманно восходящій къ горизонту
Своей воздушно-зыбкою равниной
Лилово-синій южный Океанъ!

И Сатана спросилъ, остановившись:
„Ты вѣришь ли въ преданія, въ легенды?“

Еще былъ мартъ, и только-что мы вышли
На высшій изъ утесовъ надъ обрывомъ,
Навстрѣчу намъ пахнуло зимней бурей,
И увидалъ я съ горной высоты,
Что пышность южныхъ красокъ въ Океанѣ
Ея дыханьемъ мгlistымъ смягчена,
И что въ горахъ, къ востоку уходящихъ
Излучиной хребтовъ своихъ, бѣлѣютъ,
Сквозь тусклость отдаленія, снѣга —
Заоблачные царственные края
Въ холодныхъ вѣчныхъ саванахъ своихъ.

И Духъ спросилъ: „ты вѣришь ли въ Атланта?“

Крѣпясь, стоялъ я на скалѣ, а вѣтеръ
Сорвать меня пытался, проносясь
Съ звенящимъ завываньемъ въ низкорослыхъ,
Измятыхъ, искривленныхъ бурей соснахъ,
И доносилъ изъ глубины глухой
Широкій шумъ—шумъ Вѣчности—протяжный
Шумъ дальнихъ волнь... И, какъ орелъ, впервые

Взмахнувшій изъ родимаго гнѣзда
Надъ ширью Океана, былъ я счастливъ
И упоенъ твоею перевозанной
Непостижимой силою, Атлантъ!
— О, да, Титанъ, я вѣрилъ, жадно вѣрилъ.

ЗОЛОТОЙ НЕВОДЪ.

Волна ушла—блестятъ, какъ золотыя,
На солнцѣ валуны.
Волна идетъ—какъ изъ стекла литые,
Идутъ бугры волны.
По нимъ скользить, колышется медуза,
Живой морской цвѣтокъ...
Но вотъ волна изнемогла отъ груза
И пала на песокъ.
Зеркальной зыбью блещетъ и дробится,
А солнце подъ водой
По валунамъ скользить и шевелится,
Какъ неводъ золотой.

НОВОСЕЛЪЕ.

Весна! Темнѣетъ надъ ауломъ,
Свѣтъ фіолетовый мелькнулъ—
И горный кряжъ стократнымъ гуломъ
Отвѣтилъ на громовый гудъ.
Весна! Справляя новоселье,
Она веселый катитъ громъ
И будить звучное ущелье,
И сыплетъ съ неба серебромъ.

ДАГЕСТАНЪ.

Насторожись, стань крѣпче въ стремена.
Въ ущельѣ мракъ, шумящія каскады.
И до небесъ скалистыя громады
Встаютъ въ концѣ ущелья—какъ стѣна.
Надъ ихъ челомъ—далекихъ звѣздъ алмазы.
А на груди, въ зловѣщей темнотѣ,
Лежитъ аулъ: драконъ тысячеглазый
Гнѣздится въ высотѣ.

ПОСЛУШНИКЪ.

Грузинская пѣсня.

„Братъ, какъ пасмурно въ кельѣ!
Бѣлый снѣгъ лежитъ въ ущельѣ.
Но на скатѣ, на льдинѣ
Видѣлъ я подснѣжникъ синій“.

— „Братъ, ты бредишь, ты блѣденъ!
Горный край суровъ и бѣденъ.
Монастырь нашъ высоко.
До весны еще далеко“.

„Не пугайся, братъ милый!
Скоро смолкнетъ бредъ унылый—
Къ ночи вьюга пустыни
Занесетъ подснѣжникъ синій!“

Х А Я - Б А Ш Ъ.

(Мертвая голова)

Ночь идетъ,—молись, слуга Пророка.
Ночь идетъ—и Хая-Башъ встаетъ.
Вѣтеръ съ горъ, онъ крѣпнетъ—и широко,
Какъ саазъ, туманный боръ поетъ.

Ты уже высоко,—отъ аула
Ты уже далеко. А въ бору
Зимней стужей съ Хая-Башъ пахнуло,
Задымились сосны на вѣтру.

Васъ у перевала только двое —
Ты да конь. А боръ померкъ, дымить.
Звонкій вѣтеръ въ крѣпкой синей хвоѣ
Все звончѣй и сумрачнѣй шумить.

Гдѣ ты заночуешь? Зябнетъ тѣло,
Зябнетъ сердце... Конь не пилъ съ утра...
Видишь ли сквозь сосны? Поблѣла
Хая-Башъ, гранитная гора.

Тамъ нависло небо низко, низко,
Тамъ снѣга и зимняя тоска...
А ужъ если своды неба близко —
Значить, смерть близка.

НА ОБВАЛѢ.

Печальный берегъ! Сизыя твердыни
Гранитныхъ стѣнъ до облака встають,
А ниже—хаосъ каменный пустыни,
Лавина щебня, дьявола пріютъ.

Но нищета смиренна. Одинок
Она ушла на берегъ—и къ скалѣ
Прилипла сакля... Вѣрный рабъ Пророка
Довольствуется малымъ на землѣ.

И вотъ—жилъе. Надъ хижиной убогой
Дымокъ синѣетъ... Прыгаетъ коза...
И со скалы, нависшей надъ дорогой,
Блестятъ агатомъ дѣтскіе глаза.

ВЪ КРЫМСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Синѣетъ снѣговой просторъ,
Померкла степь. Бѣлѣ снѣга
Мерцаетъ дѣвственная Вега
Надъ дальнимъ станомъ крымскихъ горъ.
Ужъ сумракъ палъ, какъ пепелъ сизый,
Какъ дымъ угасшаго костра:
Лишь свѣтится багряной ризой
Престоль Аллы—Шатеръ-Гора.

АЛУШТА НОЧЬЮ.

„Крымскіе сонеты“ Мицкевича.

Повѣялъ вѣтерокъ, прохладною лаская.
Свѣтильникъ міра палъ съ небесъ на Чатырдахъ,
Разбился, расточилъ багрянецъ на скалахъ
И гаснетъ. Тьма растетъ, молчаніемъ пугая.

Чернѣютъ гребни горъ, въ долинахъ ночь глухая,
Какъ будто въ полуснѣ журчатъ ручьи впотьмахъ;
Ночная пѣснь цвѣтовъ—дыханье розъ въ садахъ—
Беззвучной музыкой плыветъ, благоухая.

Дремлю подъ темными крылами тишины.
Вдругъ метеоръ блеснулъ—и, ослѣпляя взоры,
Потопомъ золота залилъ лѣса и горы.

Ночь! одалиска ночь! Ты навѣваешь сны,
Ты гасишь лаской страсть, но лишь она утихнетъ—
Твой искрометный взоръ тотчасъ же снова вспыхнетъ!

А Й Я - С О Ф І Я.

Свѣтильники горѣли, непонятный
Звучалъ языкъ, — Великій Шейхъ читалъ
Святой Коранъ, — и куполъ необъятный
Въ угрюмомъ мракѣ пропадалъ.

Кривую саблю вскинувъ надъ толпою,
Шейхъ поднималъ ликъ, закрылъ глаза — и страхъ
Царилъ въ толпѣ, и мертвою, слѣпою
Она лежала на коврахъ...

А утромъ храмъ былъ свѣтелъ. Все молчало
Въ смиренной и священной тишинѣ,
И солнце ярко куполъ озаряло
Въ непостижимой вышинѣ.

И голуби въ немъ, рѣя, ворковали,
И съ вышины, изъ каждаго окна,
Просторъ небесъ и воздухъ сладко звали
Къ тебѣ, Любовь, къ тебѣ, Весна!

КЪ ВОСТОКУ.

Вотъ и скрылись, позабылись снѣжныхъ горъ чалмы.
Зной пустыни, путь къ востоку, мертвые холмы.

Каменистый, красно-сѣрый, мутный океанъ
На востокъ уходитъ, въ знойный, въ голубой туманъ.

И все жарче, шире вѣетъ изъ степей теплынь,
И все суше, слаще пахнетъ горькая полынь.

И холмы все безнадежныѣй. Глина, роговикъ...

День тутъ свѣтелъ, безконеченъ, вечеръ синь и дикъ.

И едва стемнѣетъ, смеркнетъ, гдѣ-то между скалъ,
Какъ дитя, какъ джинъ пустыни, плачется шакаль,

И на мягкихъ крыльяхъ совки трепетно парятъ,

И на тускломъ небѣ звѣзды сумрачно горятъ.

ПУТЕВОДНЫЕ ЗНАКИ.

Онъ ставитъ путеводные знаки.

Коранъ.

Богъ для ночныхъ паломниковъ въ Могребѣ

Зажегъ огни — святая звѣзды Иса.

Привѣтъ тебѣ, сверкающая въ небѣ

Алмазно-синяя роса!

Путь по пескамъ отъ Газы до Арима
Богъ оживилъ привѣтами, какъ встарь.
Привѣтъ вамъ, камни — четки пилигрима—
Въ пустынѣ ведшіе Агарь!

Костями Богъ усѣялъ всѣ дороги,
Какъ слѣдъ гіенъ среди ущелій Ти.
Привѣтъ вамъ, почивающіе въ Богѣ,
Намъ проторившіе пути!

ПАСТУХИ.

Просвѣтляйтесь на закатѣ.

Коранъ.

Тонетъ солнце, рдянымъ углемъ тонетъ
За пустыней сизой. Дремлетъ, клонитъ
Головы баранга. Близокъ часъ:

Мы проводимъ солнце, обувь скинемъ
И свершимъ подъ звѣзднымъ, темно-синимъ
Милосердымъ небомъ свой намазъ.

Пастухи пустыни, что мы знаемъ!
Мы, какъ сказки дѣтства, воспоминаемъ
Минареты нашихъ отчихъ странъ.

Разверни же, Вѣчный, надъ пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звѣздъ небесныхъ — нашъ Коранъ!

И, склонивъ колѣни, мы закроемъ
Очи въ сладкомъ страхѣ, и омоемъ
Лица холодѣющимъ пескомъ,

И возвысимъ голосъ, и съ мольбою
Въ прахѣ разольемся предъ Тобою,
Какъ волна на берегу морскомъ.

МИРАЖЪ.

Мы дали тебѣ Ковсерь.

Коранъ.

Здѣсь царство сновъ. На сотни верстъ безлюдны
Солончаковъ нагіе берега.
Но воды въ нихъ — небесно-изумрудны,
А шелкъ песковъ бѣлѣе, чѣмъ снѣга.

Въ шелкахъ песковъ лишь сизыя полыни
Растить Аллахъ для кочевыхъ отаръ.
Но небеса здѣсь несказанно сини,
И солнце въ нихъ—какъ адскій огонь, Сакаръ.
И въ знойный часъ, когда миражъ зеркальный
Сольетъ весь міръ въ одинъ великій сонъ,—
Въ безбрежный блескъ, за грань земли печальной,
Въ сады Джиннать уносить душу онъ.
А тамъ течетъ, тамъ льется за туманомъ
Рѣка всѣхъ рѣкъ, лазурная Ковсеръ,
И всей землѣ, всѣмъ племенамъ и странамъ
Сулитъ покой. Терпи, молись—и вѣрь.

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ КААБЫ.

Онъ драгоценной яшмой былъ когда-то,
Онъ былъ неизреченной бѣлизны—
Какъ цвѣтъ садовъ блаженнаго Джинната,
Какъ горный снѣгъ въ дни солнца и весны.
Духъ Гавріиль для старца Авраама
Его нашель среди песковъ и скалъ,
И гении хранили двери храма,
Гдѣ онъ жемчужной грудой сверкалъ.
Но шли вѣка—со всѣхъ концовъ вселенной
Къ нему неслись молитвы, и рѣкой
Текли во храмъ, далекій и священный,
Сердца, обремененныя тоской...
Аллахъ! Аллахъ! Померкъ твой даръ безцѣнный—
Померкъ отъ слезъ и горести людской!

МУДРЫМЪ.

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки,
Герой врагу безумный далъ отпоръ,
Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
Какъ искрометный метеоръ.
А трусь—живетъ. Онъ тоже мечь делѣетъ,
Онъ точитъ мѣткій дротикъ, но тайкомъ.
О, да, онъ —мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣетъ:
Какъ огонекъ подъ кизякомъ.

ЗЕЛЕНЫЙ СТЯГЪ.

Ты почишь въ ларцѣ, въ драгоценномъ ковчегѣ,
Ветхій деньми, Эски,
Ты, сзывавшій на брань и святые набѣги
Черезъ моря и пески.

Ты уснулъ, но твой сонъ—золотыя видѣнья.
Ты сквозь сорокъ шелковъ
Дышишь запахомъ розъ и дыханіемъ тлѣнья—
Ароматомъ вѣковъ.

Ты покоишься въ мирѣ, о, слава Востока!
Но сердца покорилъ
Ты навѣкъ. Не тебя ль надъ главою Пророка
Воздвигалъ Гавріилъ?

И не ты ли царишь надъ Востокомъ донинѣ?
Развернися, возстань—
И возстанетъ Исламъ, какъ самумы пустыни,
На священную брань!

Проклятъ тотъ, кто велѣній Корана не слышитъ.
Проклятъ тотъ, кто угасъ
Для молитвы и битвъ,—кто для жизни не дышитъ,
Какъ безплодный Геджасъ.

Ангель Смерти сойдетъ въ гробовыя пещеры,—
Ангель Смерти сквозь тьму
Вопрошаетъ у мертвыхъ ихъ символы вѣры:
Что мы скажемъ Ему?

СВЯЩЕННЫЙ ПРАХЪ.

Пыль, по которой Гавріилъ
Свой путь незримый совершаетъ
Въ полночный часъ среди могилъ,
Цѣлитъ и мертвыхъ воскрешаетъ.

Прахъ, на который пала кровь
Погибшихъ въ битвѣ за свободу,
Благоговѣнье и любовь
Внушаетъ мудрому народу.

Прильни къ нему, благослови
Мигъ созерцанія святыни—
И въ битву мести и любви
Возстань, какъ ураганъ пустыни.

ЗА ИЗМѢНУ.

Вспомни тѣхъ, что покинули
страну свою ради страха смерти.

Коранъ.

Ихъ Господь истребилъ за измѣну несчастной отчизнѣ,
Онъ костями ихъ тѣлъ, черепами усѣялъ поля.
Воскресилъ ихъ пророкъ: онъ просилъ имъ у Господа жизни.
Но позора земли никогда не прощаетъ Земля.

Двѣ легенды о нихъ прочиталъ я въ легендахъ Востока.
Милосерда одна: воскрешенные пали въ бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили въ пустынномъ и дикомъ краю.

Въ день возстанья изъ мертвыхъ одежды ихъ черными стали,
Въ знакъ того, что на нихъ—замогильнаго тлѣнїя слѣдъ,
И до гроба ихъ лица, склоненныя долу въ печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвѣтъ.

А В Р А А М Ъ.

Коранъ, VI.

Былъ Авраамъ въ пустынѣ темной ночью
И увидалъ на небесахъ звѣзду.
„Вотъ мой Господь!“—вскликнулъ онъ. Но въ полночь
Звѣзда зашла—и свѣтъ ея померкъ.

Былъ Авраамъ въ пустынѣ предъ разсвѣтомъ
И восходящій мѣсяцъ увидалъ.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но мѣсяцъ
Померкъ и закатился, какъ звѣзда.

Былъ Авраамъ въ пустынѣ раннимъ утромъ
И руки къ солнцу радостно простеръ.
„Вотъ мой Господь!“—воскликнулъ онъ. Но солнце
Свершило день и закатилось въ ночь.

Богъ правый путь повѣдалъ Аврааму.

НОЧЬ АЛЬ-КАДРА.

Въ эту ночь ангелы сходятъ
съ неба. И до зари царить въ
эту ночь миръ.

Коранъ.

Ночь Аль-Кадра... Сошлись, слились вершины
И выше къ небесамъ воздвиглись ихъ чалмы.

Пѣлъ муэззинъ... Еще алѣютъ льдины,
Но изъ тѣснинъ, съ долинъ ужъ дышитъ холодъ тьмы.

Ночь Аль-Кадра... По темнымъ горнымъ склонамъ
Еще спускаются, слоятся облака.

Пѣлъ муэззинъ... Передъ Великимъ Трономъ
Уже течетъ, дымясь, Алмазная Рѣка.

И Гавріиль—неслышно и незримо—
Обходитъ спящій міръ... Господь, благослови

Незримый путь святого пилигрима
И дай землѣ Твоей ночь мира и любви!

САТАНА БОГУ.

И когда мы сказали ангеламъ:
падите ницъ передъ Адамомъ, всѣ
пали, кромѣ Эблиса, сотвореннаго
изъ огня.

Коранъ.

Я—изъ огня, Адамъ—изъ мертвой глины,

И Ты велишь мнѣ предъ Адамомъ пасть!
Что жъ, сѣй въ огонь листову сухой маслины—
Смирятъ листовою его живую страсть.

О, не смиришь! Я только выше вскину

Свой красный стягъ. Смотри: ужъ Твой Адамъ
Охваченъ мной!— Я выжгу эту глину,

Я, какъ гончарь, закалъ и звукъ ей дамъ.

ДЖИНЫ.

Стынутъ пески въ тишинѣ и молчаніи ночи...
Вдругъ зашумѣло сухимъ и холоднымъ пескомъ,
Пыль заклубилась, сверкнули несмѣтные очи,
Вѣтромъ пахнуло—и снова затихло кругомъ.

Звѣзды горять надъ безлюдной землею,
Царственно блещеть святое созвѣздіе Иса...
Вдругъ потемнѣло—и огненно-красной змѣею
Кто-то прорѣзалъ надъ темной землей небеса.

Путникъ, не бойся! Въ пустынь чудеснаго много:
Это не вихри, а джины тревожатъ ее,
Это архангель, слуга милосердаго Бога,
Въ демоновъ ночи метнулъ золотое копье.

Демоны всюду преграды куютъ человѣку—
Имъ ненавистна святая дорога во храмъ.
Но не страшись: на разсвѣтѣ увидишь ты Мекку
И облечешься въ ирамъ.

ЗЕЙНАБЪ.

Зейнабъ, свѣжестъ очей! Ты—арабскій кувшинъ:
Чѣмъ душнѣе въ палаткахъ пустыни,
Чѣмъ стремительнѣй дуетъ палящій хамсинъ,
Тѣмъ вода холоднѣе въ кувшинѣ.

Зейнабъ, свѣжестъ очей! Ты строга и горда:
Чѣмъ безумнѣе любишь—тѣмъ строже.
Но сладка, о, сладка ледяная вода,
А для путника—жизни дороже!

СКЛОНЪ ГОРЪ.

Склонъ горъ, сады и минареть.
Къ звѣздамъ стремятся кипарисы,
Спитъ море. Теплый лунный свѣтъ
Позолотилъ холмы и мысы.

И кротокъ этотъ свѣтъ: насталь
Часъ мертвой тишины—ужъ клонить
Луна свой ликъ, ужъ между скаль
Протяжно полуночникъ стонеть.

И замеръ ароматъ садовъ.
Узорный блескъ подъ ихъ вѣтвями
Сталь угасать среди цвѣтовъ,
Сплетаясь съ длинными тѣнями.

И неподвижно Ночь сидить
Надъ тихимъ моремъ: на колѣно
Облокотилася,—глядитъ
На валуны, гдѣ таетъ лѣна.

Передразсвѣтный лунный свѣтъ
Чуть золотить холмы и мысы.
Свѣчей желтѣетъ минаретъ,
Чернѣютъ маги-кипарисы,
Блестя, ушелъ въ морской просторъ
Заливъ зеркальными луками,
Таинственно вершины горъ
Мерцаютъ вѣчными снѣгами.

БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ.

Въ пустынь красной надъ Пророкомъ
Летѣлъ архангелъ Гавріиль
И жгучій зной въ пути далекомъ
Смягчалъ сіяньемъ бѣлыхъ крыль.

И я въ пути, и я въ пустынь.
И я, не смѣя отдохнуть,
Какъ Магометъ къ святой Мединѣ,
Держу къ завѣтной цѣли путь.

Но зной не жжетъ—твоимъ привѣтомъ
Я и донынѣ осѣненъ:
Миръ серебристымъ, нѣжнымъ свѣтомъ
Передо мною напоенъ.

ГРОБНИЦА САФІИ.

Горный ключъ по скатамъ и оврагамъ,
Полусонный, убѣгаетъ внизъ.
Какъ чернецъ, надъ бѣлымъ саркофагомъ
Въ синемъ небѣ замеръ кипарисъ.

Нѣжныя, какъ дѣвушки, мимозы
Льютъ подъ нимъ узоръ своихъ вѣтвей,
И цвѣтутъ, благоухаютъ розы
На кустахъ, гдѣ плачетъ соловей.

Ниже—дикій берегъ и туманный,
Еле уловимый горизонтъ:
Тамъ просторъ воздушный и безгранный,
Голубая бездна—Геллеспонтъ.

Миръ тебѣ, о, юная! Смирено
Я цѣлую бѣлое тюрбэ:
Пять вѣковъ безсмертна и неглѣнна
На Востокѣ память о тебѣ.

Счастливъ тотъ, кто жизнью міръ плѣняетъ.
Но стократъ счастливѣй тотъ, чей прахъ
Вѣру въ жизнь безсмертную вселяетъ
И цвѣтетъ легендами въ вѣкахъ!

ТЭМДЖИДЪ.

Онъ не спитъ, не дремлетъ.

Коранъ.

Въ тихомъ старомъ городѣ Скутари,
Каждый разъ, какъ только надлежитъ
Быть срединѣ ночи,—раздается
Грустный и задумчивый Тэмджидъ.

На срединѣ между раннимъ утромъ
И вечернимъ сумракомъ, встаютъ
Дервиши Джелвети и на башнѣ
Древній гимнъ, святой Тэмджидъ поютъ.

Спятъ сады и спятъ гробницы въ полночь,
Спятъ Скутари. Все, что спитъ, молчитъ.
Но подъ звѣзднымъ небомъ, съ темной башни
Не для спящихъ этотъ гимнъ звучитъ:

Есть глаза, чей скорбный взглядъ съ тревогой,
Съ тайной мукой въ сумракъ устремленъ,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призываютъ благодатный сонъ.

Тяжела, темна стезя земная.
Но зачтется въ небѣ каждый вздохъ:
Спите, спите! Онъ не спитъ, не дремлетъ,
Онъ васъ помнитъ, милосердый Богъ.

Т А Й Н А.

Элифъ. Ламъ. Мимъ.

Коранъ.

Онъ на клинокъ дохнулъ—и жало
Его сирійскаго кинжала
Померкло въ дымкѣ голубой:
Подъ дымкой ярче заблестали
Узоры золота на стали
Своей червонною рѣзьбой.

„Во имя Бога и Пророка.
Прочти, слуга небесъ и рока,
Свой бранный кличъ: скажи, какимъ
Девизомъ твой клинокъ украшенъ?“
И онъ сказалъ: „Девизъ мой страшенъ.
Онъ—тайна тайнъ: Элифъ. Ламъ. Мимъ“.

„Элифъ, Ламъ, Мимъ? Но эти знаки
Темны, какъ путь въ загробномъ мракѣ:
Сокрыль ихъ тайну Мохаммедъ“...

„Молчи, молчи!—сказалъ онъ строго,—
Нѣтъ въ мирѣ Бога, кромѣ Бога,
Сильнѣе тайны—силы нѣтъ“.

Сказалъ, коснулся ятаганомъ
Чела подъ шелковымъ тюрбаномъ,
Окинулъ жаркій Атмейданъ
Лѣнивымъ взглядомъ хищной птицы—
И тихо синія рѣсницы
Опять склонилъ на ятаганъ.

П Т И Ц А.

Мы привязали въ шеѣ каждого его птицу.

Коранъ.

На всѣхъ на васъ—на каждой багряницѣ,
На каждомъ пыльномъ рубищѣ раба—
Есть амулетъ, подобный вѣщей птицѣ,
Есть тайный знакъ, и этотъ знакъ—Судьба.

Отъ древности, когда Онъ путь свой началъ,
Онъ совершалъ его среди гробовъ:
Онъ, проходя, Свои слѣды означилъ
Зловѣщей бѣлизною череповъ.

Хамсинъ на нихъ горячей мглою дуетъ,
Песокъ, струясь, бѣжитъ по ихъ костямъ.
Всѣмъ чуждая, на нихъ сова почувствъ
Среди могильныхъ ямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1906—11 г.

ЗА ГРОБОМЪ.

Я не тушилъ священнаго огня.
Книга Мертвыхъ.

Въ подземный міръ введетъ на судъ Отца
Сынъ, Ястребъ-Горь. Шакаль-Анубисъ будетъ
Класть на вѣсы и взвѣшивать сердца:
Богъ Озирисъ, богъ мертвыхъ, строго судить.

Я погребенъ, какъ рабъ, въ песокъ пустынь.
Пройдутъ вѣка—и Сиріусъ, надъ Ниломъ
Теперь огнемъ горящій, станетъ синь,
Да свѣтитъ онъ спокойнѣе могиламъ.

И міръ забудетъ, темнаго, меня!
И на вѣсахъ потянетъ сердце мало.
Но я страдалъ. Я не тушилъ огня.
И я взгляну безъ страха въ ликъ Шакала.

ПАНИХИДА.

Ограда, крестъ, зеленая могила,
Роса, просторъ и тишина полей.
— Благоухай, звенящее кадило,
Дыханіемъ рубиновыхъ углей!

Сегодня годъ. Послѣдніе напѣвы,
Послѣдній вздохъ, послѣдній ѳиміамъ...
— Цвѣтите, зрѣйте, новые посѣвы,
Для новыхъ жатвъ! Придетъ чередъ и вамъ.

ЗАБВЕНІЕ.

Растеть, растеть могильная трава,
Зеленая, веселая, живая.

Омыла плиты влага дождевая,
И мохъ покрылъ ненужныя слова.

По вечерамъ заплакала сова,
Къ моей душѣ забывчивой взывая,
И старый склепъ, руина гробовая,
Таить укорь... Но ты, земля, права!

Какъ нѣжны на алѣющемъ закатѣ
Кремли далекихъ синихъ облаковъ!
Какъ вырѣзаны крылья вѣтряковъ
За темною долиною на скатѣ!

Земля, земля! Весенній сладкій зовъ!
Ужель есть счастье даже и въ утратѣ?

ТЕЗЕЙ.

Тезей уснулъ въ вѣнкѣ изъ миртъ и лавра.

Зыбь клонить мачту въ черныхъ парусахъ.
Зеленымъ золотомъ горитъ звѣзда Кентавра
На южныхъ небесахъ.

Забывъ о ней, гребцы склоняютъ вѣжды,
Поютъ въ дремотѣ сладкой... О, Тезей!

Вновь пропиталъ Кентавръ ткань праздничной одежды
Настоемъ травъ и ядомъ змѣй.

Мы въ радости доверчивы, какъ дѣти.

Насъ тѣшитъ миртъ, пьянитъ побѣдный лавръ...
Одинъ Эгей не спалъ надъ моремъ въ звѣздномъ свѣтѣ,
Когда всходилъ Кентавръ.

ХРИСТОСЪ.

По алтарямъ пустымъ и бѣлымъ
Весенній вѣтеръ дулъ на насъ,
И кто-то сверху капалъ мѣломъ
На золотой иноностасъ.

И звучный гулъ бродилъ въ колоннахъ,
Среди лѣсовъ. И по лѣсамъ
Мы шли въ широкихъ балахонахъ,
Съ кистями, въ куполь, къ небесамъ.

И часто, вмѣстѣ съ малярами,
Тамъ пѣли пѣсни. И Христа,
Что слушалъ насъ въ веселомъ храмѣ,
Мы написали не спроста.

Намъ все казалось, что подѣ эти
Простыя пѣсни вспомнить Онъ
Порогъ на солнцѣ въ Назаретѣ,
Верстакъ и кубовый хитонъ.

ГЕРМОНЪ.

Великій Шейхъ, сѣдой и мощный другъ!
Ты видишь все: пустыню Джаулана,
Геннисаретъ, долины Иордана
И Божій домъ, ветхозавѣтный Лузь.

Какъ бѣлый шелкъ сіяетъ твой бурнусъ
Надъ синевой далекаго Ливана,
И самъ Христосъ, смиренный Исусъ,
Дышалъ тобою, радость каравана.

Въ скалистыхъ нѣдрахъ спитъ Геннисаретъ
Подъ сѣрою стѣной Тиверіады.
Повсюду жаръ, палящій блескъ и свѣтъ
И допотопныхъ кактусовъ ограды:

На пыльную дорогу въ Назаретъ
Ты вѣчно вѣешь сладостью прохлады.

Сирія. Весна 1907 г.

ІЕРУСАЛИМЪ.

1.

Это было весной. За восточной стѣной
Былъ горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
Макъ кропиль огоньками траву.

И сказалъ проводникъ: „Господинъ! Я—еврей
И, быть-можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
Это все, что осталось намъ“.

Я спросилъ: „На цвѣты?“ И услышалъ въ отвѣтъ:
„Господинъ! Это—праотцевъ слѣдъ,
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ, какъ весна,
Краснымъ макомъ восходитъ она“.

2.

Въ полдень былъ я на кровлѣ. Кругомъ, подо мной,
Тоже кровлей—единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песокъ,—возлежалъ
Древній городъ—и зноемъ дышалъ.

Одинокая пальма вставала надъ нимъ
На холмѣ опахаломъ своимъ,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видѣлъ страну.

Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
Въ дымкѣ сизаго мглистаго сна,
И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу—
Ленту Мертвой воды—бирюзу

3.

„Отъ Галгала до Газы,—сказалъ проводникъ,—
Край отцовъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
Иудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.

Врагъ разрушилъ Сіонъ. Городъ тлѣлъ и сгоралъ—
И пророкъ Іеремія собралъ
Теплый прахъ—прахъ золы—въ погасавшемъ огнѣ
И разсѣялъ его по странѣ:

Да родить край отцовъ только камень и макъ!
Да исчахнетъ въ немъ всяческій злакъ!
Да пребудетъ онъ голъ, иссушенъ, нелюдимъ—
До прихода Рѣченнаго Имъ!“

ПРОВОДЫ.

Забилъ буграми жемчугъ, залюбился,
Взрывая малахиты подъ рулемъ.
Земля плыветъ. Отходить, отдѣлился
Высокій бортъ. И мы назадъ плывемъ.

Моль опустѣлъ. На соръ и зерна жита,
Свистя, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожить корма, и длинный жезлъ бугшприта
Отходить и чертитъ по небесамъ.

Вотъ онъ закрылся мачтами, трубою,
Вотъ показался слѣва. Вдалекѣ
Онъ ужъ завидѣлъ море. Надъ водою
Уносить якорь въ глинь и песокъ.

Прощай, прощай! Знакомые, чужіе—
Всѣ на кормѣ, и всѣхъ, какъ близкихъ, жаль...
И день и ночь—безбрежная стихія,
И день и ночь—за синей далью даль.

А мнѣ куда?—Мартъ, сумерки... Къ вечернѣ
Звонятъ въ порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вонъ огонекъ въ тавернѣ...
Но нѣтъ, домой! Я пьянъ и безъ вина!

ХРАМЪ СОЛНЦА.

Шесть золотистыхъ мраморныхъ колоннъ,
Безбрежная зеленая долина,
Ливанъ въ снѣгу—и неба синій склонъ.

Я видѣлъ Нилъ и Сфинкса-исполина,
Я видѣлъ пирамиды: ты сильнѣй,
Прекраснѣй, допотопная руина!

Тамъ глыбы желто-пепельныхъ камней,
Забытыя могилы въ океанѣ
Нагихъ песковъ. Здѣсь—храмы первыхъ дней.

Патріархально-царственные ткани—
Снѣговъ и скалъ продольные ряды—
Лежатъ, какъ пестрый талесъ, на Ливанѣ.

Подъ нимъ луга, зеленые сады
И сладостный, какъ горная прохлада,
Шумъ быстрой малахитовой воды.

Подъ нимъ оазисъ древняго Номада,
И древнія священныя мѣста
Вѣнчаетъ золотая колоцнада.

Руина Храма Солнца, ты пуста!
Но ты—истокъ познаній человѣка,
Порогъ его исканія, врата.

Ты—колыбель младенческаго вѣка,
Нашъ первый слѣдъ и первый іероглифъ—
И въ бездну я взлянулъ изъ Баальбека:

Тамъ—даль и мгла. Туманно-синій Миѳъ.

Сирія. Весна 1907 г.

ТРОНЪ СОЛОМОНА.

На письма исчезнувшихъ народовъ
Похожи руны Времени—значки
Вдоль старыхъ стѣнъ и полутемныхъ сводовъ,
Гдѣ завелись точильщики-жучки.

Царь Соломонъ повелѣвалъ вѣтрами,
Былъ магъ, мудрецъ. „Не даромъ сѣялъ Я,—
Сказалъ Господь.—Какими же дарами
Вѣнчать тебя, царь, магъ и судія?“

„Сѣвъ славныхъ дѣлъ вѣнчаетъ солнце славы,—
Отвѣтилъ царь.—Вотъ геніи пустынь
Покорны мнѣ. Но геніи лукавы,
Они не чтутъ ни долга, ни святынь.

„Тронъ Мудрости я имъ велѣлъ построить,
Но я умру—и, бросивъ трудъ, въ Геджасъ
Уйдутъ они. Ты могъ мнѣ жизнь утроить:
Сокрой отъ нихъ моей кончины часъ“.

„Да будетъ такъ“,—сказалъ Господь. И годы
Текли въ трудъ. И былъ оконченъ тронъ:
Изъ яшмы древней царственной породы,
Изъ бѣлой яшмы былъ изваянъ онъ.

Подъ трономъ лвы, надъ трономъ кондоръ горный,
На тронѣ—царь. И ты сокрылъ, Творецъ,
Что на копьѣ склоняется въ упорной,
Глубокой думѣ—высохшій мертвецъ.

Но рухнетъ онъ! Древко копья изъ кедра,
Оно—какъ сталь. Но ужъ стучать жучки!
Стучать, стучать—и разсыпаютъ щедро
Зловѣщіе, могильные значки.

ПОДЪ ХЕВРОНОМЪ.

На пути подъ Хеврономъ,
Въ каменистой широкой долинѣ,
Гдѣ по скатамъ и склонамъ
Вѣковыя маслины сѣрѣли на глинѣ,
Поздней ночью я слышалъ:
Плачь ребенка—шакала...
Изъ-подъ черной палатки я вышелъ,

И душа моя долго искала
Хоть единой мнѣ близкой души въ полумракѣ...
Но уснули верблюды, собаки
И арабы въ палаткѣ... Свѣтили
Молчаливыя звѣзды надъ старой,
Позабытой землею... Въ могилѣ
Почиваль Авраамъ съ Исаакомъ и Саррой...
И темно было въ древней гробницѣ Рахили.

КАИНЪ

Баальбекъ воздвигъ въ
безуміи Каинъ.

Сирійск. преданія.

Родъ приходитъ, уходитъ,
А земля пребываетъ вовѣкъ...
Нѣтъ, онъ строить, возводитъ
Храмъ безсмертныхъ племенъ—Баальбекъ.

Онъ—убійца, проклятый,
Но изъ Рая онъ дерзко шагнулъ.
Страхомъ Смерти объятый,
Все же первый въ лицо ей взглянулъ.

Жадно ищущій Бога,
Первый бросилъ проклятье Ему.
И, достигнувъ порога,
Паль, сраженный; увидѣвши—тьму.

Но и въ тьмѣ онъ возславить
Только Знаніе, Разумъ и Свѣтъ—
Башню Солнца поставитъ,
Вдавить въ землю незыблемый слѣдъ.

И глаза великана
Красной кровью свирѣпо горятъ,
И долины Ливана
Подъ великою ношей гудятъ.

Синекудрый, весь бурый,
Изъ пустыни и зноя литой,
Опоясанъ онъ шкурой,
Шкурой льва золотой и густой.

Онъ сѣпнуть, онъ швыряетъ,
Онъ скалу на скалу громоздитъ.
Онъ дрожить, умираетъ...
Но Творцу отомститъ, отомститъ!

ЦВѢТНЫЯ СТЕКЛА.

Люблю цвѣтныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столѣтнихъ липъ,
Звенящей люстры сѣрый коконъ
И половицъ прогнившихъ скрипъ

Люблю неясный винный запахъ
Изъ шифоньерокъ и отъ книгъ
Въ стеклянныхъ невысокихъ шкапахъ,
Гдѣ рядомъ Сю и Патерикъ.

Люблю ихъ синія странички,
Ихъ четкій шрифтъ, простой наборъ...
И серебро иконъ въ божничкѣ,
И въ горкѣ матовый фарфоръ

И васъ, и васъ, дагеротипы,
Черты давно поблекшихъ лицъ!
И сумракъ отъ столѣтней липы,
И скрипъ прогнившихъ половицъ.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ.

Дѣвушки-русалочки, нынче нашъ послѣдній день!
Свѣтъ за лѣсомъ занимается, поблѣднѣли небеса,
Собираются съ дубинами мужики изъ деревень
На опушку у зеленаго холоднаго овса.

Мы изъ рѣчки—на долину,
Изъ долины—по отвѣсу,
По березовому лѣсу—
На равнину,
На востокъ, на ранній свѣтъ,
На серебряный разсвѣтъ,
На овсы—
Вдоль по жемчугу по сизому росы!

Дѣвушки-русалочки, звонко стало по лугамъ.
Заблѣла рѣчка въ сумракѣ, въ алѣющемъ пару.
Пнями пахнетъ лѣсъ березовый по откосамъ, берегамъ,
Густъ и зеленъ онъ, кудрявый, поутру!

Поутру вода тепла,
Холодна трава сѣдая—
А въ лѣсахъ она густая—
Да ужъ скоро соберутся изъ села!

Мы изъ рѣчки—на откосы,
На опушку—изъ березъ,
Набѣгу растреплемъ косы,
Упадемъ съ разбѣга въ росы—
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и, на зло людямъ,
Мять овесъ.

Дѣвушки-русалочки, стойте, поглядите на разсвѣтъ!
Бѣль-востокъ алѣетъ, ширится—широко зарей въ поляхъ.
Ни души-то нѣту, милыя,—только ранній алый свѣтъ,
Да холодный крупный жемчугъ на стебляхъ.

Мы, нагія,
Всѣмъ чужія,
На опушкѣ, на полянѣ,
Блѣдны, по поясъ въ пару...
Намъ пора, сестрицы, къ нянѣ,
Ко двору!
Жарко въ небѣ солнце Божье
На Петровъ играетъ день,
До Ильи сулитъ бездожье,
Пыль, сухмень.
Ночью омутъ нашъ, сестрицы,
Темень, слѣпъ,
Ночью знойныя зарницы
Зарятъ хлѣбъ.

ПУГАЛО.

На задворкахъ, за ригами
Богатыхъ мужиковъ,
Стоитъ оно, родимое,
Одиннадцать вѣковъ.
Подъ шапкою лохматою—
Дубинка-голова.
Крестомъ по вѣтру треплются
Пустые рукава.
Старновкой—чистымъ золотомъ!—
Набитъ его чекменьъ,
На зависть на великую
Сосѣднихъ деревень...

Онъ, огородъ-то, выпаханъ,—
Ужъ есть и лебеда,
И глинка означается,—
Да это не бѣда!

Не много дѣль и пугалу...
Да развѣ огородъ
Такое ужъ сокровище?—
Пугался бы народъ!

СЛѢПОЙ.

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
Держась рукой за плечико мальчишки.

И звонкимъ альтиомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Поетъ-вопитъ мальчишка—о прекрасномъ
Объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ,
Подъ мрачный и гудящій басъ калѣки.

„Вы пожалѣйте,—плачетъ альти,—бездомныхъ!
Вы пожалѣйте, люди, сырыхъ, темныхъ!“
И басъ грозить: „Въ аду, въ огнѣ сгорите.
На пропитанье сырыхъ сотворите“.

И, угрожая, властнымъ, мѣрнымъ шагомъ
Идетъ къ избушкѣ ветхой надъ оврагомъ,
Надъ скучной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищетъ грошикъ завалящій
И жалко плачетъ, сморщивая брови,
Объ окаянной грѣшницѣ Прасковѣ.

НАСЛѢДСТВО.

Въ угольной—солнце, запахъ кипариса...
Въ ней круглый годъ не выставляли рамъ.
Покой любила тетушка Лариса,
Тепло, уютъ... И тихо было тамъ.

Полъ мягко устланъ—коврики, попоны...
Все старомодно—кресла, туалетъ,
Комодъ, кровать... Въ углу на югъ—иконы,
И сколько ихъ въ божничкѣ,—счету нѣтъ!

Но, тетушка, о чемъ вы имъ молились,
Когда шептали въ требникъ и псалтырь
Да свѣчи жгли? Зачѣмъ не удалились
Вы заживо въ могилу,—въ монастырь?

Пріемышу съ молоденькой женою
Дала пріютъ... „Скучненько намъ втроемъ,
Да чтò же дѣлать-съ! Давитъ тишиною
Васъ домикъ мой? Такъ не живите въ немъ!“

И молодые сѣли, укатили...
А тетушка скончалась въ тишинѣ
Лишь прошлый годъ... Вотъ филинъ и въ могилѣ,
Я Крезомъ сталь... Да что-то скучно мнѣ!

Домъ развалился, темень, гниль и жалокъ,
Варокъ раскрытъ, въ саду—мужицкій скотъ,
Дворъ въ лопухахъ... И сколько бойкихъ галокъ
Сидитъ у трубъ!.. Но вотъ и „старый“ ходъ.

Попрежнему дверь въ залу туалетомъ
Заставлена въ угольной. На столахъ
Алѣетъ пыль. Вечернимъ низкимъ свѣтомъ
Изъ оконъ солнце блещетъ въ зеркалахъ.

А въ образничкѣ—суздальскіе лики
Угодниковъ. Ужъ сняли за долги
Оклады съ нихъ. Они угрюмы, дики
И смотрятъ другъ на друга, какъ враги.

Богъ съ ними! Съ паутиною, пенькою
Я вырываю раму. Изъ щелей
Бѣгутъ двухвостки. Садамъ и рѣкою
Въ окно пахнуло... Такъ-то веселѣй!

Садъ вечерѣетъ. Слаще и свѣжѣе
Запахло въ немъ. Прозрачный мѣсяцъ всталъ.
Въ угольной ночью жутко... Да Кощеи
Мнѣ ни почемъ: я тетушку видалъ!

РЫБАЛКА.

Вода за холодные сѣрые дни въ октябрѣ
На отмеляхъ спала—прозрачная стала и чистая.
Въ пескѣ обнаженномъ оттиснулась лапка лучистая:
Рыбалка сидѣла на утренней ранней зарѣ.

Въ болотѣ лѣсномъ, подѣ высокимъ коричневымъ шпажникомъ,
Гдѣ цѣпкая тина съ листвою купавъ сплетена,
Все лѣто жила, тосковала о дружкѣ она,
О дружкѣ, убитой заѣзжимъ охотникомъ-бражникомъ.

Зарею она улетѣла на дальній Дунай—
И горе забудеть. Но жизнь дорожить и рыбалкою:
Ей надо помучить кого-нибудь пѣсенкой жалкою—
И Груня жалкуеть, поеть... Вспоминай, вспоминай!

ПУГАЧЪ.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающіе золотомъ зрачки.

Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ—и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.

Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ и золь.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилья
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

НА ПЛЮЩИХЪ.

Поль навощенъ, блеститъ паркетомъ.
Столовая озарена
Полуденнымъ горячимъ свѣтомъ.
Спитъ котъ на солнцѣ у окна:

Мурлыкаетъ и томно щуритъ
Янтарь зрачковъ, какъ леопардъ,
А бабушка—въ качалкѣ, куритъ
И думаетъ: „Итакъ, ужъ мартъ!“

„А тамъ и праздники, и лѣто,
И снова осень“... Вдругъ въ окно
Влетѣло что-то,—вдоль буфета
Мелькнуло свѣтлое пятно,

Зажглось, блеснувъ, въ паркетномъ воскѣ—
И вновь исчезло... Что за шутъ?
А! это улицей подростки,
Какъ солнце, зеркало несутъ.

И снова думы: „Отлѣпиться
Не успѣваешь—года нѣтъ...“
А въ окна, сквозь гардины, льются
Столбы лучей, горячій свѣтъ,

И дымъ, лѣнивою куделью
Сливаясь съ свѣтлой полосой,
Синѣетъ, таетъ... какъ за елью
Въ далекой просѣлкѣ, весной.

КОШКА.

Кошка въ крапивѣ за домомъ жила.
Домъ обветшалый молчалъ, какъ могила.
Кошка въ него по ночамъ приходила
И замирала напротивъ стола.

Столь обращенъ къ образамъ—позабыли,
Столь, какъ стоялъ, такъ остался. Въ углу
Каплями воскъ затвердѣлъ на полу—
Это горѣвшія свѣчи оплыли.

Помнишь? Лежить старичокъ-холостякъ:
Кротко закрыты рѣсницы—и кротко
Въ черненькій галстукъ склонилась бородка...
Свѣчи пылаютъ, дрожить нависающій мракъ...

Темень теперь флигелекъ по ночамъ.
Кошка проходитъ и свѣтитъ глазами.
Уголь мерцаетъ во тьмѣ образами.
Вѣтеръ шумитъ по печамъ.

БАБА-ЯГА.

Гулкій шумъ въ лѣсу нагоняетъ сонъ—
Къ ночи на морѣ палъ сырой туманъ.
Окруженъ со всѣхъ съ четырехъ сторонъ
Темной осенью островокъ Буянъ.

А еще темнѣй—мой холодный срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй.
А въ окно глядитъ только бурый дубъ,
Подъ которымъ смерть закопалъ Кощей.

Я состарилась, изболѣлась вся—
Десять сотъ годовъ берегу ларецъ
Будь огонь въ свѣтцѣ—я бѣ погрѣлася,
Будь дрова въ печи—похлебала бѣ щецъ.

Да огонь—въ моряхъ мореходу вѣсть,
Да на много верстъ слышенъ дымъ отъ лыкъ...
Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

ДЯДЬКА.

За окнами—снѣга, степная гладь и ширь
На переплетахъ рамъ—слѣды ночной пурги...
Какъ тихъ и скученъ домъ! Какъ съезжился снѣгирь
Отъ стужи за окномъ.—Но вотъ слуга. Шаги.

По комнатамъ идетъ сѣдой костлявый дѣдъ,
Несетъ вечерній чай: „Опять глядишь въ углы?
Небось, все писемъ ждешь, депешъ да эстафетъ?
Не жди. Ей не до насъ. Теперь въ Москвѣ—балы“.

Смутясь, глядитъ барчукъ на строгиа очки,
На сѣдину бровей, на розовую плѣшь...
— Да нѣтъ, старикъ, я такъ... Сыграемъ въ дурачки,
Пораньше ляжемъ спать... Какихъ ужъ тамъ депешъ!

КТО-ТО.

Проснусь, проснусь—за окнами, въ саду,
Все тотъ же снѣгъ, все тотъ же блескъ полярный.
А въ залѣ—сумракъ... Слушаю и жду:
И вотъ опять—таинственный, коварный,
Чуть слышный трескъ... Конечно, полъ, иль мышъ.
Но какъ насторожишься, какъ слѣдишь
За кѣмъ-то, притаившимся у двери
Въ повисшей безъ движенія портьерѣ!
Но онъ молчитъ, онъ замеръ... Тюль гардинъ
Сквозитъ въ голубоватомъ лунномъ блескѣ,
Да чуть мерцаютъ—искорками льдинъ—
Подъ люстрою стеклянная подвѣски.

ГЕЙМДАЛЬ.

Онъ пилъ изъ ключа мудрости.

Геймдаль искалъ родникъ божественный...

Геймдаль, ты мудрости алкалъ—
И вотъ насталь твой часъ торжественный
Въ лѣсахъ, среди гранитныхъ скалъ.

Они молчать, лѣса полночные,
Ручьи, журча, едва текутъ,
И звѣзды позднія, восточныя
Ихъ вѣщей говоръ стерегутъ.

И шлемъ ты снялъ—и холодъ счастья
По волосамъ твоимъ прошелъ:
Мигъ обрученья, мигъ причастія,
Какъ смерть, былъ сладокъ и тяжелъ.

Теперь ты мудръ. Ты жаждалъ знанія—
И все забылъ. Великъ и простъ,
Ты слышишь мховъ произрастаніе
И дрожь земли при свѣтѣ звѣздъ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

На сѣверѣ есть розовые мхи,
Есть серебристо-шелковыя дюны...
Но темныхъ сосенъ звонкіе верхи
Поютъ, поютъ надъ моремъ, точно струны.

Послушай ихъ. Стань, прислонись къ соснѣ:
Сквозь грозный шумъ ты слышишь ли ихъ нѣжность?
Но и она—въ пѣвучемъ полуснѣ...
На сѣверѣ отрадна безнадежность.

ТРЯСИНА.

Болото тихой сѣверной страны
Въ осеннихъ сумеркахъ таинственнѣй погоста.
Цвѣтутъ цвѣты. Мы не поймемъ ихъ роста
Изъ заповѣдныхъ нѣдръ, ихъ сонной глубины.

Порой, грустя, мы вспоминаемъ что-то...
Но что? Мы и землѣ и Богу далеки...
Въ гробахъ трясинъ рождаются огоньки...
Во тьмѣ рождается свѣтъ... Мы—огоньки болота.

ОДИНЪ.

Онъ на западъ глядитъ—солнце къ морю спускается,
Свѣтитъ по морю краснымъ огнемъ.

Онъ застылъ на скалѣ—ветхій плащъ развѣвается
Отъ холоднаго вѣтра на немъ.

Опираясь на мечъ, онъ глядитъ на багровую
Чешую безпредѣльныхъ зыбей.

Но не видитъ онъ волнъ—только думу суровую
Означаютъ изгибы бровей.

Древенъ мѣръ. Онъ древнѣй. Плащъ Одина какъ вретище,
Ржа вѣковъ—на желѣзномъ мечѣ...

Черный воронъ Хугинъ, скорбной Памяти дѣтище,
У него на плечѣ.

САТУРНЪ.

Разсѣяныя огненные зерна
Произрастаютъ въ мѣрѣ безъ конца.
При видѣ звѣздъ душа на мигъ покорна:
Непостижимъ и вѣченъ трудъ Творца.

Но къ полночи восходитъ на востокѣ
Мертвецъ Сатурнъ—и блещетъ, какъ свинецъ...
Воистину зловѣщи и жестоки
Твои дѣла, Творецъ!

ЛЕНЪ.

Присѣла на могильникѣ Савурѣ
Старуха-Смерть, глядитъ на людный шляхъ.
Цвѣтущій ленъ полоскою лазури
Синѣетъ на поляхъ.

И говоритъ старуха-Смерть: „Здорово,
Прохожіе! Не надо ли кому
Льняного погребальнаго покрова?—
Не дорого возьму“.

И говоритъ Савуръ-курганъ: „Не каркай!
И саванъ—прахъ. И саванъ обреченъ
Истлѣть въ землѣ, чтобъ снова выросъ яркій
Небесно-синій ленъ“.

СЪ КОРАБЛЯ.

Для жизни жизнь! Вонъ пѣнныя буруны
У сизыхъ каменистыхъ береговъ.
Вонъ красный киль давно разбитой шкуны...
Но кто жалѣетъ мертвыхъ рыбаковъ?
Въ сырѣмъ пескѣ на солнцѣ сохнуть кости...
Но радость неба, свѣтъ и бирюза,
Еще свѣжѣй при утреннемъ нордъ-остѣ—
И блескъ костей лишь радуетъ глаза.

ДИКАРЬ.

Надъ стремью скалъ—чернѣющій орелъ.
За стремью—синь, туманное поморье.
Онъ какъ во снѣ къ своей добычѣ шелъ
На этомъ поднебесномъ плоскогорьѣ. |
Съ отвѣсныхъ скалъ летѣли внизъ кусты,
Но дерзость ихъ безумца не страшила:
Ему хотѣлось большей высоты—
И бездна смерти бездну довершила.
Ты знаешь, какъ глубоко въ синеву
Уходитъ грифъ, ужаленный стрѣлою?
И онъ напрягъ тугую тетиву —
И зашумѣли крылья надъ скалою,
И потонулъ въ бездонномъ небѣ грифъ,
И кровь, звѣздой упавшую оттуда
На берега, на известковый рифъ,
Смыль океанъ волною изумруда.

ОБВАЛЪ.

Въ степи, съ обрыва на сто миль
Морская ширь открыта взорамъ.
Внизу, въ стремнинѣ—глина, пыль,
Щепа и кости съ мелкимъ соромъ.
Гудѣли ночью тополя,
Въ дремотѣ море бушевало—
Вдругъ тяжко охнула земля,
Весь берегъ дрогнулъ отъ обвала!

Сегодня тамъ стоять, глядятъ
И алой, бѣлой павиликой
На солнцѣ зонтики блестятъ
Надъ бездной пѣнистой и дикой.

Никто не зналъ, что здѣсь—погость,
Да и теперь—кому онъ нуженъ!
Весенній вѣтеръ свѣжъ и простъ,
Онъ только съ молодостью друженъ!

Внизу—щепа, гробы въ пыли..
Да море берегъ косить, косить
Серпами волнъ—и отъ земли
Далеко соръ ея уносить!

У Т Р О.

И скрипъ и визгъ надъ бухтой, наводненной
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытьѣ, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ ряяхъ крыльями тугими,
Иль бѣлою яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучъ, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканить грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплеть въ море золотомъ кипящимъ.

Вдоль этихъ плоскихъ знойныхъ береговъ
Лежатъ пески, торчатъ кусты дзарига.
И моря пышноцвѣтное индиго
Равниною глядитъ изъ-за песковъ.

Нѣтъ даже чаекъ. Слабо проползаетъ
Шуршащій краббъ. Желтѣютъ кости рыбъ.
И береговъ красящій изгибъ
Въ лиловыхъ полтонахъ исчезаетъ.

ЛЕТАРГІЯ.

Въ поляхъ—сухіе стебли кукурузы,
Слѣды колесъ и блеклая ботва.
Въ прозрачныхъ бухтахъ—блѣдныя медузы
И красная подводная трава.

Поля и осень. Море и нагіе
Обрывы скалъ. Вотъ ночь, и мы идемъ
На темный берегъ. Въ морѣ—летаргія
Во всемъ великомъ таинствѣ своемъ.

„Ты видишь воду?“—„Вижу только ртутный
Туманный блескъ. Мы на краю земли“.
И нити звѣздъ висятъ подъ нами—въ мутной
Бездонно-фосфорической пыли.

СТРИЖИ.

Костель-маякъ, примѣта мореходу
На ребрахъ горъ, скалистыхъ и нагихъ,
Звонитъ зимой, въ туманъ и непогоду,
А нынче—штиль; закатъ и чистъ, и тихъ.

Одни стрижи,—какъ только надъ горою
Начнетъ гранить вершины розовѣть, —
Скользятъ въ пролетахъ башни и порою
Чуть слышно будятъ мѣдь.

НА РЕЙДѢ.

Люблю сухой, горячій блескъ червонца,
Когда его уронять съ корабля
И онъ, скользнувъ лучистой каплей солнца,
Прорѣжетъ волны у руля.

Склонясь съ бортовъ, съ невольною улыбкой
Всѣ смотрятъ внизъ. А онъ уже исчезъ.
Вверхъ по кормѣ струится глянецъ зыбкій
Отъ волнъ, отъ солнца и небесъ.

Какъ жаръ горятъ червонной мѣдью гайки
Подъ серебристымъ тентомъ корабля.
И плаваютъ на снѣжныхъ крыльяхъ чайки,
Косясь на волны у руля.

БАЛАГУЛА.

Балагула убѣгаетъ и трясетъ меня.

Рыжій Айзикъ правитъ парой и сосетъ тютюнъ.

Алый макъ во ржи мелькаетъ—лепестки огня.

Золотятся, лютятся нити телеграфныхъ струнъ.

„Айзикъ, Айзикъ, вы заснули!“—„Ха! А развѣ панъ
Ѣдетъ въ городъ съ интересомъ? Панъ—поэтъ, артистъ!“
Правда, правда. Чтò мнѣ этотъ грязный Аккерманъ?
Степь привольна, день прохладенъ, воздухъ сухъ и чистъ.

Былъ я сыномъ, братомъ, другомъ, мужемъ и отцомъ,
Былъ въ довольствѣ... Все на смарку! Все не то, не то!
Заплачу за путь вѣнчальнымъ золотымъ кольцомъ,
А потомъ... Потомъ въ таверну: вывезетъ лото!

ДІЯ.

Штиль въ безгранично-свѣтломъ Акъ-Денизѣ.

Зацвѣлъ миндаль. Въ аулѣ тишина

И теплый блескъ. Въ мечети на карнизѣ,

Воркуя, ходятъ, ходятъ турмана.

Пригрѣтый лаской солнечнаго свѣта,

Сегодня въ полдень слаще и грустнѣй,

Задумчивѣй, чѣмъ прежде, съ минарета

Пѣлъ муэззинъ... И все слѣдилъ за ней.

Дышалъ онъ моремъ, тонкимъ ароматомъ

Садовъ въ цвѣту, тепломъ небесъ, земли...

А Дія шла по каменистымъ скатамъ,

По голышамъ межъ саклями—къ Али...

Къ Али? О, нѣтъ. На скатѣ подъ утесомъ

Журчитъ фонтанъ. Идутъ оттуда внизъ

Уступы крышъ по каменнымъ откосамъ

И безграничный видець Акъ-Денизъ.

Она ужъ тамъ. Но весель и спокоенъ

Взглядъ карихъ глазъ. Легка, какъ горный джипъ,

Подъ шелковымъ бешметомъ дѣтски-строенъ

Высокій станъ... Она нальетъ кувшинъ,

На камнѣ сброситъ красныя папучи

И будетъ мыть, топтать въ водѣ бѣлье...

— Журчи, журчи, звени, родникъ пѣвучій,

Она глядится въ зеркало твое.

Ей нравится ея босая ножка
Въ стеклѣ воды... Ей нравится сурьма
Ея бровей... Ей нравится немножко
Пока одно: она сама.

ИЗЪ АНАТОЛІЙСКИХЪ ПѢСНЕЙ.

ДѢВИЧЬЯ.

Свѣжій вѣтеръ дуетъ въ сумеркахъ
На скалистый островокъ.
Закачалась чайка сѣрая
Подъ скалой, какъ поплавокъ.
Подъ крыло головку спрятала
И забылась въ полуснѣ.
Я бы тоже позабылася
На качающей волнѣ!
Поздно ночью въ саклю темную
Грусть и скуку принесешь.
Поздно ночью съ милымъ встрѣтишься,
Да и то когда заснешь!

РЫБАЦКАЯ.

Лѣтомъ въ морѣ легкая вода,
Бѣлые сухіе паруса,
Иглами стальными въ невода
Сыплется подъ баркою хамса.
Осенью не весель Трапезондъ!
Въ морѣ вьюга, холодъ и туманъ,
Ходить головами горизонтъ,
Въ пѣну зарывается баканъ.
Тяжела студеная вода,
Буря въ ночь осеннюю дерзка,
Да на волю гонить изъ гнѣзда
Лютая голодная тоска!

ЗАКОНЪ.

Во имя Бога, вѣчно всеблагого!
Онъ, давшій для писанія тростникъ,
Сказалъ: блюди написанное слово
И дѣлай то, что обѣщаль языкъ.

Принявъ законъ, прими его вериги.
Иль оттолкни—иль всей душою чти:
Не будь осломъ, который носитъ книги
Лишь потому, что ихъ велятъ нести.

МАНДРАГОРА.

Цвѣтокъ Мандрагора изъ могилъ расцвѣтаетъ,
Надъ гробами зарытыхъ возлѣ висѣлицъ черныхъ.
Мертвый соками тлѣнья Мандрагору питаетъ —
И она расцвѣтаетъ въ травахъ дикихъ и сорныхъ.
Братъ Каинъ, взрастившій Мандрагору изъ яда!
Богъ убійцу, быть-можетъ, милосердно осудить.
Но палачъ—не убійца: онъ—исчадіе Ада,
И цвѣтокъ, полный яда, Богъ тебѣ не забудетъ!

НАПУТСТВІЕ.

„За погостомъ Скутари, за чернымъ
Кипарисовымъ лѣсомъ...“—„О, мать!
Страшно воздухомъ этимъ тлетворнымъ
Молодому дышать!“

„Тамъ шалашъ, въ шалашѣ—прокаженный...“
—„Пощади, свѣжесть сердца!..“—„Склонись
До земли и рукой обнаженной
Гнойной язвы коснись“.

—„Мать! Зачѣмъ? Развѣ душу и тѣло
Я не отдалъ тебѣ?“—„Замолчи.
Ты идешь на великое дѣло:
Ждутъ тебя палачи.“

„Тверже стали, орлиного когтя
Безнадежное сердце. Склонись—
И рукой, обнаженной до локтя,
Смертной язвы коснись“.

РОЗЫ ШИРАЗА.

Пой, соловей! Онѣ томятся:
Въ шатрахъ узорчатыхъ мимозъ,
На ихъ рѣсницахъ серебрятся
Алмазы томныхъ крупныхъ слезъ.

Садъ въ эту ночь—какъ садъ Ирема.
И сладострастна, и блѣдна,
Какъ въ шакнизирѣ, тайникъ гарема,
Въ узоръ вѣтвей глядитъ луна.

Бѣлѣть мѣль стѣны неясно.
Но тамъ, гдѣ свѣтъ, его атласъ
Горитъ такъ зелено и страстно,
Какъ изумрудъ змѣиныхъ глазъ.

Пой, соловей! Томятъ желанья.
Цвѣты молчатъ—нѣтъ словъ у нихъ:
Ихъ сладкій зовъ—благоуханья,
Алмазы слезъ—покорность ихъ.

СЪ ОБЕЗЬЯНОЙ.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредеть худой согнувшійся хорватъ
По дачамъ утромъ. Въ юбокѣ обезьянка
Бѣжитъ за нимъ, смѣшно поднявши задъ.

И дѣтское и старческое что-то
Въ ея глазахъ печальныхъ. Какъ цыганъ,
Сожженъ хорватъ. Пыль, солнце, зной, забота...
Далеко отъ Одессы на Фонтанъ!

Ограды дачъ еще въ живомъ узорѣ—
Въ тѣни акацій. Солнце изъ-за дачъ
Глядитъ въ листву. Въ аллеяхъ блещетъ море...
День будетъ дологъ, свѣтелъ и горячъ.

И будетъ сонно, сонно. Черешницы
Стекломъ свѣтиться будутъ. Промелькнетъ
Велосипедъ безшумнымъ махомъ птицы,
Да прогремитъ въ нѣмецкой фурѣ ледъ.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вонъ кіоскъ: большой стаканъ воды
Дастъ съ томною улыбкою еврейка...
Но путь далекъ... Сады, сады, сады...

Звѣрокъ усталъ,—взоръ старичка-ребенка
Томитъ тоской. Хорватъ отъ жажды пьянъ.
Но пьетъ звѣрокъ: лиловая ладонка
Хватаетъ жадно пѣнистый стаканъ.

Поднявши брови, тянетъ обезьяна,
А онъ жуетъ засохшій бѣлый хлѣбъ
И медленно отходить въ тѣнь платана...
Ты далеко, Загребъ!

СТАМБУЛЬ.

Облѣзлые худые кобели

Съ печальными, молящими глазами—
Потомки тѣхъ, что изъ степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Былъ побѣдитель славенъ и богатъ
И затопилъ онъ шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьградъ,
И предался, какъ сытый левъ, покою.

Но дни летятъ, летятъ быстрее птицъ!
И вотъ уже въ Скутари на погостѣ
Чернѣтъ лѣсъ, и тысячи гробницъ
Бѣлѣютъ въ кипарисахъ, точно кости.

И прахъ вѣковъ упалъ на прахъ святынъ,
На славный городъ, нынѣ полудикій,
И вой собакъ звучитъ тоской пустынь
Подъ византійской ветхой базиликой.

И пусть Сераль, и смолкъ его фонтанъ,
И высохли столѣтнія деревья...
Стамбуль, Стамбуль! Послѣдній мертвый станъ
Послѣдняго великаго кочевья!

МЕКАМЪ.

Мекамъ—восторгъ, священное радѣнье,
Стремленіе желанное постичь.

Мекамъ—тоска, блаженное томленье
И творчества беззвучный жадный кличъ.

Къ мечтѣ безумецъ руки простираетъ
И алчетъ Бога видѣть наяву.

Завѣтъ гласитъ: „узрѣвшій—умираетъ“.
Но смерть есть приближенье къ божеству.

Благословенна сладостная мука
Трудовъ моихъ! Я творчеству отдамъ
Всю жизнь мою: на разстоянье лука
Ведеть меня къ желанному мекамъ.

МАГОМЕТЪ ВЪ ИЗГНАНІИ.

Джины близъ Тайифа пролетали
Въ сумерки, долиной каменистой.
Чу! Пророкъ!—Его слова звучали,
Какъ источникъ сладостный и чистый.

На камняхъ, среди кустовъ дзарига,
Онъ сидѣлъ и говорилъ, тоскуя:
„Я одинъ. Мнѣ тяжело Божье иго.
Я вдали отъ тѣхъ, кого люблю я!“

И сказали джины: „Недостойно
Быть Пророку слабымъ и усталымъ!“
И Пророкъ печально и спокойно
Отвѣчалъ: „Я жаловался скаламъ“.

БЕЗСМЕРТНЫЙ.

Ангель Смерти въ Судный День умретъ:
Истребить живущихъ—и со стономъ
Прилетитъ къ Аллаху—и простретъ,
Бездыханный, крылья передъ трономъ.

Ангель Мести, грозный судія!
На твоёмъ стальномъ клинкѣ изсѣченъ
Грозный кличъ: „Безсмертенъ только Я.
Трепещите! Ангель Мести вѣченъ“.

КАИРЪ.

Англійскіе солдаты съ цитадели
Глядятъ за Ниль, на западъ. Отъ Али
До пирамидъ, среди долинъ, въ пыли,
Лежитъ Каиръ. Онъ сухъ и сѣръ въ апрѣлѣ.

Билъ барабанъ и плакалъ муэzzинъ.
Въ шафранно-сизой мути, за пустыней,
Померкъ закатъ. И душень мутно-синій
Вечерній воздухъ. Близится хамсинъ.

Веселыми несмѣтными огнями
Горитъ Каиръ. А сфинксъ отъ пирамидъ
Глядитъ въ ночную бездну—на Апитъ
И темъ вѣковъ. Богъ Ра въ могилѣ. Въ ямѣ

И С Т А Р А.

Луна, богъ Синъ, ее зарей встрѣчаетъ.
Она свой путь свершаетъ на быкъ,
Ее тіара звѣздная вѣнчаетъ,
Стрѣла и лукъ лежатъ въ ея рукѣ.

Царица битвъ, она рѣшаетъ битвы,
Судья царей, она неправымъ мститъ—
И ужъ ни дымъ, ни оиміамъ молитвы
Ея очей тогда не обольститъ.

Но вотъ весна. Среди рѣчного пара
Свой блѣдный ликъ подъемлетъ Синъ, луна —
И какъ нѣжна становится Истара!

Откинувъ лукъ, до чреслъ обнажена,
Таинственна и сладостна, какъ чара,
Съ какой мольбой ждетъ страстныхъ ласкъ она!

ЕГИПЕТЪ.

Ра-Озирисъ, владыка дня и свѣта,
Хвала тебѣ! Я, богъ пустыни, Сетъ,
Горжусь врагомъ: ты, побѣждая Сета,
Въ его странѣ царилъ пять тысячъ лѣтъ.

Ты славенъ былъ, твоя ладья воспѣта
Была стократъ. Но за ладьей вослѣдъ
Шелъ богъ пустынь, богъ древняго завѣта —
И вотъ, о, Ра, плоды твоихъ побѣдъ:

Безносый сфинксъ среди полей Гизеха,
Лѣнивый Нилъ да глыбы пирамидъ,
Руины Оивъ, гдѣ гулко бродитъ эхо,
Да письменна въ куски разбитыхъ плитъ,
Да обелискъ въ блестящей политурѣ,
Да пыль песковъ на пламенной лазури.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Къ оракулу и капищу Сиваха
Шелъ Александръ. Дыханіемъ костра
Дулъ вѣтеръ изъ пустыни. Тучи праха
Темнили свѣтъ и рвали ткань шагра.

Изъ-подъ шатра съ верблюда, въ тучахъ пыли,
Онъ различалъ своихъ проводниковъ:
Два ворона на синихъ крыльяхъ плыли,
Борясь съ косыми вихрями песковъ

И вдругъ упали вихри. И верблюды
Остановились: медленно идетъ
Песками змѣй, весь черный. Изумруды
Горятъ на немъ. Глаза—какъ мутный ледъ.

Идетъ—и вотъ ихъ двое: онъ, Великій,
И змѣй, дрожащій въ солнечномъ огнѣ,
Рогатый, мутноглазый, черноликій,
Весь въ самоцвѣтахъ пышныхъ, какъ въ бронѣ.

„Склони чело и дай дорогу змѣю!“ —
Вѣщаетъ змѣй. И замеръ царь... О, да!
Кто назоветъ вселенную своею?
Кто властелиномъ будетъ? И когда?

Онъ, символъ и зловѣщій стражъ Востока,
Онъ тоже царь: кто жъ приметъ власть боговъ?
— Не вы, враги. Грядущій богъ далеко.
Но Онъ придетъ, другъ темныхъ рыбаковъ!

ДЖОРДАНО БРУНО.

„Ковчегъ подъ предводительствомъ осла —
Вотъ міръ людей. Живите во Вселенной.
Земля—вертепъ обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизмѣнной.

„Ты, мать-земля, душѣ моей близка —
И далека. Люблю я смѣхъ и радость,
Но въ радости моей—всегда тоска,
Въ тоскѣ всегда—таинственная сладость!“

И вотъ онъ посохъ странника беретъ:
Простите, келій сумрачные своды!
Его душа, всѣмъ чуждая, живетъ
Теперь однимъ: дыханіемъ свободы.

„Вы всѣ рабы. Царь вашей вѣры—Звѣрь:
Я свергну тронъ слѣпой и мрачной вѣры.
Вы въ капищѣ: я распахну вамъ дверь
На блескъ и свѣтъ въ лазурь и бездну Сферы.

„Ни безднѣ безднѣ, ни жизни грани нѣтъ.
Мы остановимъ солнце Птолемея —
И вихрь міровъ, несмѣтный сонмъ планетъ,
Предъ нами развернется, пламенѣя!“

И онъ дерзнулъ на все—вплоть до небесъ.
Но разрушенье—жажда созиданья,
И, разрушая, жаждаль онъ чудесъ —
Божественной гармоніи Созданья.

Глаза сіяютъ, дерзкая мечта
Въ міръ откровеній радостныхъ уносить.
Лишь въ истинѣ—и цѣль и красота.
Но тѣмъ сильнѣе сердце жизни просить.

„Ты, дѣвочка! ты, съ ангельскимъ лицомъ,
Поющая надъ старой звонкой лютней!
Я могъ твоимъ быть другомъ и отцомъ...
Но я одинъ. Нѣтъ въ мірѣ безпріютнѣй!

„Высоко несъ я стягъ своей любви.
Но есть другія радости, другія:
Оледянивъ желанія свои,
Я только твой, познаніе—софія!“

И вотъ опять онъ странникъ. И опять
Глядитъ онъ вдаль. Глаза блестятъ, но строго
Его лицо. Враги, вамъ не понятъ,
Что Богъ есть Свѣтъ. И онъ умретъ за Бога.

„Міръ—бездна безднѣ. И каждый атомъ въ немъ
Проникнуть Богомъ—жизнью, красотою.
Живя и умирая, мы живемъ
Единою, всемірною Душою.

„Ты, съ лютнею! Мечты твоихъ очей
Не эту ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвѣздія ночей!
Вы только этой Радостью дышали“.

И маленькій тревожный человѣкъ
Съ блестящимъ взглядомъ, яркимъ и холоднымъ,
Идетъ въ огонь. „Умершій въ рабскій вѣкъ
Безсмертіемъ вѣнчается—въ свободномъ!“

„Я умираю—ибо такъ хочу.
Развѣй, палачъ, развѣй мой прахъ, презрѣнный!
Привѣтъ Вселенной, Солнцу! Палачу!—
Онъ мысль мою развѣетъ по Вселенной!“

Ц И К А Д Ы.

Прибрежный хрящъ и голые обрывы
Степныхъ равнинъ луной озарены.
Хрустальный звонъ сливается съ небомъ нивы.

Какъ свѣтлый дождь, кропитъ онъ бурьяны,
Стоитъ въ цвѣтахъ, колосьяхъ—и не будитъ
Безстрастной предразсвѣтной тишины.

Ночь стелетъ тѣнь и влажный берегъ студитъ,
Ночь тянетъ вдаль свой неводъ золотой—
И скоро блескъ померкнетъ и убудетъ.

Но степь цвѣтетъ. Какъ колосъ налитой,
Полна душа. Земля зоветъ: спѣшите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

Отъ блѣдныхъ звѣздъ, раскинутыхъ въ зенитѣ,
И до земли, гдѣ стынетъ лунный сонъ,
Текутъ хрустально-трепетныя нити.

Изъ сонма жизней сотканъ этотъ звонъ.

ПРОМЕТЕЙ ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Вокругъ пещеры гуль. Надъ нами мракъ. Во мракѣ,
Краснѣя, свѣтятся глаза моей собаки.
Огонь, и въ нихъ огонь! Изъ-подъ глухой стѣны,
Гдѣ сбилось стадо козъ, они устремлены
За входъ, въ слѣпую ночь, на клики чадъ Нерее,
Туда, гдѣ съ пѣны волнь, что прядаютъ, бѣлѣя,
Срываетъ брызги вихрь, гдѣ блещутъ космы гривъ,
Дымящихся внутри, и буйный ихъ приливъ
Снѣгами топить брегъ.—Вотъ грохотъ колесницы
Идетъ торжественно надъ темной высотой:
Я гложу, я слѣжу крутящіяся спицы,
Что мечутъ на бѣгу свой отблескъ золотой,
И слѣпну отъ огня.—Привѣтъ тебѣ, Державный!
Теперь тебя твой врагъ привѣтствуетъ какъ равный!

ЗВѢЗДОПОКЛОННИКИ.

Миръ не забудетъ вѣры древнихъ лѣтъ.

Звѣздопоклонники пустыни,
На вашихъ лицахъ—блѣдный зной планетъ,
Вы камни чтите, какъ святыни.

Вашъ край до шлака пламенемъ сожженъ.
Вашъ Богъ чертилъ столь грозныя скрижали,
Что никогда его именъ
Вы даже мыслить не дерзали.

Какъ сонъ прошли Христось и Магометь.
Вы и донынѣ не забыли
Ночныхъ служеній таинству планетъ
И безыменной древней Силѣ.

Б О Г Ъ.

Дуль съ моря чистый вѣтеръ, мѣсяць рогомъ
Стоялъ за длинной улицей села.
Сидѣли колонисты по порогамъ,
И кирка блѣдно-бѣлою была.

Дуль сильный вѣтеръ, ночь была тепла;
На отмеляхъ, на берегу отлогомъ
Волна, шумя, вела бесѣду съ Богомъ,
Не поднимая соннаго чела.

И мѣсяць наклонялся къ балкѣ темной,
Грустя, свѣтилъ на скаты, на погость.
А Богъ былъ ясенъ, радостенъ и простъ.

Онъ въ вѣтрѣ былъ, въ моей душѣ бездомной—
И содрогался синимъ блескомъ звѣздъ
Въ лазури неба чистой и огромной.

ВЪ АРХИПЕЛАГѢ.

Осенній день въ лиловой крупной зыби
Блисталъ, какъ мѣдь. Эоль и Посейдонъ
Вели въ снастяхъ пѣвучій, долгій стонъ,
И нашъ корабль нырять, подобно рыбѣ.

Вдали былъ мысъ. Высоко на изгибѣ,
Сквозя, вставалъ чуть желтый рядъ колоннъ.
Но пѣсня рей меня клонила въ сонъ—
Корабль нырять въ лиловой крупной зыби.

И что мнѣ въ томъ, что это старый храмъ,
Что на мысу—забытый портикъ Феба?
Запомнилъ я лишь рядъ колоннъ да небо.

Дымъ облаковъ курился по горамъ,
Пустынный мысъ былъ схожъ съ ковригой хлѣба.
Я жилъ во снѣ. Боговъ творилъ я самъ.

ГОРНЫЙ ЛѢСЪ.

Тихъ горный лѣсъ. Въ долину тѣнь сползла.
Сосною пахнетъ. Чисто и глубоко
Зарю небо. Млечный змѣй потока
Шуршитъ слышнѣй вдоль бѣлаго русла.
Слышнѣй звенить далекой плачь козла.
Острѣй стрекочетъ легкая сорока.
Гора, весь день глядѣвшая съ востока,
Свой алыи пикъ высоко унесла.
На ней молились Волчьему Зевесу.
Не разъ, не разъ съ вершины этихъ скалъ
И дымъ вставалъ, и пѣли гимны лѣсу,
И мѣдный ножъ въ рукахъ жреца сверкалъ.
Я тихо подыалъ древнюю завѣсу.
Я въ храмъ отцовъ забытый путь искалъ.

СОБАКА.

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклѣй
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный дворъ, на снѣгъ, прилипшій къ рамѣ,
На метлы гулкихъ, дымныхъ тополей.
Вдыхая, ты свернулся потеплѣй
У ногъ моихъ—и думаешь... Мы сами
Томимъ себя—тоской иныхъ полей,
Иныхъ пустынь... за пермскими горами.
Ты вспоминаешь то, что чуждо мнѣ:
Сѣдое небо, тундры, льды и чумы
Въ твоей студеной дикой сторонѣ.
Но я всегда дѣлю съ тобою думы:
Я человекъ; какъ богъ, я обреченъ
Познать тоску всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

МОГИЛА ВЪ СКАЛѢ.

То было въ полдень, въ Нубіи, на Нилѣ.
Пробили входъ, затеплили огни —
И на полу преддверія, въ тѣни,
На голубомъ и тонкомъ слоѣ пыли,
Нашли живой и четкой слѣдъ ступни.

Я, путникъ, видѣлъ это. Я въ могилѣ
Дышалъ тепломъ сухихъ камней. Они
Сокрытое пять тысячъ лѣтъ хранили.

Хранили день,—быть-можетъ, только часъ,
Иль даже мигъ,—когда въ послѣдній разъ
Вздохнулъ здѣсь тотъ, кто узкою стопою
Въ атласный прахъ вдавилъ свой узкій слѣдъ.

Тотъ мигъ воскресъ! И на пять тысячъ лѣтъ
Умножилъ жизнь, мнѣ данную судьбою.

ЛЮЦИФЕРЪ.

Въ святой Софіи голуби летали,
Гнусилъ мулла. Эректеонъ былъ нѣмъ.
И боги гомерическихъ поэмъ
Въ пустыхъ музеяхъ стыли и скучали.

Великій Сфинксъ, исполненный печали,
Лежалъ въ пескахъ. Израиль, чуждый всѣмъ,
Сбиралъ, рыдая, ржавыя скрижали.
Христосъ покинулъ жадный Виолеемъ.

Вотъ Рай, Ливанъ. Разсвѣтъ горитъ багряно.
Снѣгъ горъ—какъ шелкъ. По скатамъ изъ пещеръ
Текутъ стада. Въ лугахъ—моря тумана...

Миръ Авеля! Дни чистыхъ дѣтскихъ вѣръ!
Изъ-за нагихъ хребтовъ Антиливана
Блится, угасая, Люциферъ.

ВЪ ДѢТСТВѢ

Я помню сумракъ каменныхъ аркадъ,
Въ срединѣ свѣтъ—и красный блескъ атласа
Въ сквозномъ узорѣ старыхъ царскихъ вратъ,
Подъ золотой стѣнной иконостаса.

Я помню куполь грубо-голубой:
Тамъ Саваоѣ съ простертыми руками,
Надъ скудною старушечьей толпой,
Царилъ межъ звѣздъ, повитыхъ облаками.

Былъ вечеръ, мартъ, сіяла синева
Изъ узкихъ оконъ, въ куполь пробитыхъ,
Мертво звучали древнія слова.

Весенній отблескъ былъ на скользкихъ плитахъ—
И грозная сѣдая голова
Текла межъ звѣздъ, туманами повитыхъ.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

Тѣ часики съ эмалью, что въ потьмахъ
Бѣжали такъ легко и торопливо,
Давнымъ-давно умолкли. И крапива
Растетъ въ саду на мусорныхъ холмахъ.

Тотъ маятникъ лучистый, что спесиво
Соразмѣрялъ съ футляромъ свой размахъ,
Лежитъ въ пыли чердачнаго архива.
И склепъ хранить ужъ безыменный прахъ.

Но мы служили праведно и свято.
Въ' полночный часъ насъ звѣзды серебрятъ,
Днемъ солнце озлащаетъ—до заката.

Позеленѣлъ нашъ мѣдный циферблатъ.
Но стрѣлку нашу въ дискъ циферблата
Ведетъ самъ Богъ. Со всей вселенной въ ладъ.

О С Т Р О В Ъ.

Ноябрь, сырая полночь. Городокъ,
Весь мѣловой, весь блѣдный подъ луною,
Подавленъ безотвѣтной тишиною.
Приливный шумъ торжественно-широкъ.

На мачтѣ коменданта флагъ намокъ.
Вверху, надъ самой мачтой, надъ сквозною
И мутной мглой, бѣгущей на востокъ,
Скользить луна зеркальной бѣлизною.

Иду къ обрывамъ. Шумъ грознѣетъ. Свѣтъ
Становится тусклѣе и печальнѣй.
Волна качаетъ сваи подъ купальней.

Вдали—сѣдая бездна. Моря нѣтъ.
И валуны, кипя въ кипящей пѣнѣ,
Блестятъ внизу, какъ спящіе тюлени.

ДО СОЛНЦА.

Какъ стая птицъ, въ пустынѣ одиноко
Бѣлѣтъ фортъ. За нимъ—пески, страна
Нагихъ бугровъ. На золотѣ востока
Четка и фіолетова она.

Рейдъ солнца ждетъ. Изъ черныхъ трубъ „Марокко“
Восходитъ дымъ. Зеленая волна
Стальной сажей, блестками полна,
Качаетъ мѣрно, плавно и широко.

Вотъ первый лучъ. Всѣ окна на борту
Зажглись огнемъ. Вотъ паръ взлетѣлъ—и трубы
Призывно заревѣли въ высоту.

Поднявъ весло, гребецъ оскалилъ зубы:
Какъ нѣжно плачетъ колоколъ въ порту
Подъ этотъ ревъ торжественный и грубый!

ПОЛДЕНЬ.

Горитъ хрусталь, горитъ рубинъ въ винѣ,
Звѣздой дрожитъ на скатерти въ салонѣ.
Послѣдній островъ тонетъ въ небосклонѣ,
Гдѣ зной и блескъ слились въ горячемъ снѣ.

На бакѣ бризъ. Тамъ, на носу, на фонѣ
Сухихъ небесъ, на жуткой крутизнѣ,
Сидитъ ливіецъ въ бѣломъ балахонѣ,
Глядитъ на снѣгъ, кипящій въ глубинѣ.

И влажный шумъ надъ этой влажной бездной
Клонитъ въ дрему. И острый ржавый носъ,
Не торопясь, своей броней желѣзной
Въ снѣгу взрѣзаетъ синій купоросъ.

Сквозь купоросъ, сквозь радугу отъ пыли,
Струясь, краснѣтъ киноваръ на килѣ.

БОГЪ ПОЛДНЯ.

Я черныхъ козъ пасла съ меньшей сестрой
Межъ красныхъ скалъ, колючихъ травъ и глины.
Заливъ былъ синь. И камни, грѣя спины,
На жаркомъ солнцѣ спали подъ горой.

Я прилегла въ сухую тѣнь маслины
Съ корявой серебристою корой—
И Онъ сошелъ, какъ мухъ звенящій рой,
Какъ сѣть сквозной горячей паутины.

Онъ озарилъ мнѣ ноги. Обнажилъ
Ихъ до колѣнъ. На серебрѣ рубашки
Горѣлъ огнемъ. И навзничъ положилъ.

Его объятія сладостны и тяжки.
Онъ мнѣ сосцы загаромъ окружилъ
И научилъ варить настой ромашки.

ПОСЛѢДНІЯ СЛЕЗЫ.

Изнемогла, въ качалкѣ задремала
Подъ дачный смѣхъ. Синѣли небеса.
Зажглась звѣзда. Потомъ свѣжѣе стало.
Взошла луна—и смолкли голоса.

Текла и млѣла въ морѣ полоса.
Стекло балконной двери заблестало.
И вотъ, она проснулась и устало
Поправила сухіе волоса.

Подумала. Полюбовалась далью.
Взяла ручное зеркальце съ окна—
И зеркальце сверкнуло синей сталью.

Ну да, виски бѣлѣютъ: сѣдина.
Бровь поднята, измучена печалью.
Свѣтло глядитъ холодная луна.

ГАЛЬЦІОНА.

Когда въ волнѣ мелькнулъ онъ мертвымъ ликомъ,
Къ нему на сердце кинулась она—
И высоко, съ двойнымъ звенящимъ крикомъ,
Двухъ бѣлыхъ чаекъ вынесла волна.

Когда, зимой, на этомъ взморьѣ дикомъ
Крутая зыбь мутна и солона,
Онѣ скользятъ въ ея пучину съ крикомъ—
И высоко выносить ихъ волна.

Но есть семь дней: смолкаетъ Гальціона—
И для нея щадитъ пловцовъ Эоль:
Какъ серебро, свѣтло морское дно,
Чернѣетъ степь, на солнцѣ дремлетъ волъ.
Семь мирныхъ дней проводитъ Гальціона
Въ камняхъ, въ гнѣздѣ. И внуковъ ждетъ Эоль.

Р Ы Б А Ч К А.

— Кто тамъ стучитъ? Не встану. Не открою
Намокшей двери въ хижинѣ моей.
Тревожна ночь осеннею порою—
Разсвѣтъ еще тревожнѣй и шумнѣй.

— „Тебя пугаетъ гуль среди камней
И скрежетъ мелкой гальки подъ горою?“
— Нѣтъ, я больна. И свѣжестью сырою
По одѣялу дуетъ изъ сѣней.

— „Я буду ждать, когда угомонится
Отъ бури охмелѣвшая волна
И станетъ блеклымъ золотомъ струиться
Осенній день на лавку изъ окна“.

— Уйди! Я ночевала не одна.
Онъ былъ смѣлѣй. Онъ моря не боится.

МОРСКОЙ ВѢТЕРЪ.

Морского вѣтра свѣжее дыханье
Изъ темноты доходить, какъ привѣтъ.
На дачахъ глушь. И поздней лампы свѣтъ
Осенней ночи слушаетъ молчанье.

Сонъ съ колотушкой бродитъ—и о немъ
Скучаетъ кто-то, дальній, безпріютный.
Нѣтъ ни звѣзды. Одинъ Юпитеръ мутный
Горитъ въ выси мистическимъ огнемъ.

Волна и вѣтеръ съ темныхъ побережій
Доносятъ запахъ ржавчины—песковъ,
Сырыхъ ракушекъ, сгнившихъ тростниковъ.

Привѣтъ полночный, ласковый и свѣжій,
Мнѣ чьей-то вольной кажется душой:
Родной мечтаю и для земли—чужой.

ДОЛИНА ЮСАФАТА.

Отрада смерти страждущимъ дана.
Вы побѣлѣли, странники, отъ пыли—
Среди враговъ, въ чужихъ краяхъ вы были!
Здѣсь, въ темныхъ склепахъ, миръ и тишина.

Гора полдневнымъ солнцемъ сожжена.
Русло Кедрона вѣтры изсушили.
Но въ прахъ отцовъ вы посохи сложили—
Васъ обрѣла родимая страна.

Въ ней спятъ цари, пророки и левиты.
Въ блаженные обители ея
Всѣхъ, что въ плѣну и что мечомъ убиты,
Сбираетъ Милосердый Судія.

По жесткимъ склонамъ каменные плиты
Стоять раскрытой книгой бытія.

КАРАВАНЪ.

Звонъ за оградой, нѣжный, полусонный,
Звонъ бубенцовъ подобенъ роднику:
Течетъ, течетъ... Листва и цвѣтъ лимонный,
Чуть золотясь, склонились къ гамаку.

Давно затихъ базаръ неугомонный.
Луна сквозь садъ сіяетъ по песку...
Они идутъ подъ лепетъ однотонный.
Вожакъ прилежъ на жесткую луку.

Вотъ потянуло вѣтромъ—и свѣжѣе
Вдохнула ночь... Какъ сладко спать въ сѣдлѣ,
Прильнувъ лицомъ къ верблюжьей теплой шеѣ!

Луна зашла. Поетъ пѣтухъ въ Рамлѣ.
И млечной синью горы Іудеи
Свой зыбкій кряжъ означили во мглѣ.

ІЕРИХОНЪ.

Скользятъ, текутъ огни зеленыхъ мухъ.
Надъ Мертвымъ моремъ знойно и туманно
Отъ блеска звѣздъ. Песокъ вдали—какъ манна.
И смутный гулъ, дрожа, колдуетъ слухъ.

То ропотъ жабъ. Онъ длится неустанно,
Зоветь, томить... Но часъ полночный глухъ.
Внимаетъ имъ, быть-можетъ, только Духъ
Среди камней въ пустынѣ Іоанна.

Тамъ, между звѣздъ, чернѣетъ острый пикъ
Горы Поста. Чуть теплится лампадка.
Внизу—истома. Приторно и сладко

Мимозы пахнутъ. Сахарный тростникъ
Горитъ отъ мухъ... И дремлетъ Лихорадка,
Подъ жабій бредъ откинувъ блѣдный ликъ.

БЕДУИНЪ.

За Мертвымъ моремъ—пепельныя грани
Чуть видныхъ горъ. Полдневный часъ, обѣдъ.
Онъ выкупалъ кобылу въ Іорданѣ
И сѣлъ курить. Песокъ какъ мѣдъ нагрѣтъ.

За Мертвымъ моремъ, въ солнечномъ туманѣ,
Течетъ миражъ. Въ долинѣ—зной и свѣтъ,
Воркуетъ дикій голубь. На герани,
На олеандрахъ—вешній алый цвѣтъ.

И онъ дремотно поетъ, воспѣвая
Зной, олеандръ, герань и тамариксъ.
Сидитъ какъ ястребъ. Пѣгая абая
Сползаетъ съ плечъ... Поэтъ, разбойникъ, гиксъ!
Вонъ закурилъ—и радъ, что съ тонкимъ дымомъ
Сравнить въ стихахъ вершины за Сиддимомъ.

ПИЛИГРИМЪ.

Сталь на коверъ, у якорныхъ цѣпей,
Босой, сѣдой, въ коротенькомъ халатѣ,
Въ большой чалмѣ. Свѣжѣетъ на закатѣ,
Ночь впереди—и тѣло радо ей.

Сталь и простеръ ладони въ муть зыбей:
Какъ рабъ хранить завѣтный грошъ въ заплатѣ,
Хранить душа одну мечту—о платѣ
За трудъ земной—и все скупѣй, скупѣй.

Орлиный клювъ, глаза совы, но кротки
Теперь они: глядятъ туда, гдѣ синь
Святой страны, гдѣ слезы звѣздъ—какъ четки
На смуглой кисти Ангела Пустынь.

Открыто все: и сердце и ладони...
И блещутъ, блещутъ слезы въ небосклонѣ.

ВЕЧЕРЪ

О счастьеѣ мы всегда лишь вспоминаемъ.
А счастье всюду. Можетъ-быть, оно —
Вотъ этотъ садъ осенній за сараемъ
И чистый воздухъ, льющійся въ окно.
Въ бездонномъ небѣ легкимъ бѣлымъ краемъ
Встаетъ, сіяетъ облако. Давно
Слѣжу за нимъ... Мы мало видимъ, знаемъ,
А счастье только знающимъ дано.
Окно открыто. Пискнула и сѣла
На подоконникъ птичка. И отъ книгъ
Усталый взглядъ я отвожу на мигъ.
День вечерѣетъ, небо опустѣло.
Гуль молотилки слышенъ на гумнѣ...
Я вижу, слышу, счастливъ. Все во мнѣ.

ГРОБНИЦА РАХИЛИ.

„И умерла, и схоронилъ Иаковъ
Ее въ пути...“ И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.
Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполь гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственною блѣдностью одѣтъ.
Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣломъ
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ женственномъ и бѣломъ...
Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

ИСТОЧНИКЪ ЗВѢЗДЫ.

СИРІЙСКІЙ АПОКРИФЪ.

Въ ночь рожденія Исы,
Святого, любимаго Богомъ,
Отъ востока къ закату
Звѣзда уводила волхвовъ.

Въ ночь рожденія Исы
По горнымъ тропамъ и дорогамъ
Шли волхвы караваномъ
На таинственный зовъ.

Камнемъ крови, рубипомъ
Горѣла звѣзда передъ ними,
Протекала, склонялась—
И стала, служенье свершивъ:

За долиной, на склонѣ—
Шатры и огни въ Рефаимѣ,
А въ долинѣ—источникъ
Подъ вѣтвями оливъ.

И волхвы, славословя,
Склонились предъ тѣми огнями
И сказали: „Мы видимъ
Святого селенья огни“.

И верблюды припали
Къ холодной водѣ межъ камнями:
Слѣдъ копытъ и донынѣ
Тамъ, гдѣ пили они.

А звѣзда покатила
И пала въ источникъ чудесный:
Кто достоинъ—кто видитъ
Въ источникѣ темномъ звѣзду?

Только чистыя дѣвы,
Невѣсты съ душой ненеѣстной,
Обрученныя Богу,
Но и то—разъ въ году.

СЛѢДЪ.

Его обдуваетъ съ юга и сѣвера.

Имру-уль-Кайсъ.

...Ушли съ разсвѣтомъ. Опустѣли
Песчаные бугры.
Ползъ синій дымъ. И угли кровью рдѣли,
Тамъ, гдѣ вчера чернѣли ихъ шатры.
Я слѣзъ съ сѣдла—и пряный запахъ дыма
Меня обвѣялъ теплотой.
При блескѣ солнца былъ невыразимо
Красивъ огонь прозрачно-золотой.

...Долина сѣрая, нагая,
Какъ пахъ осла. Въ колодцѣ гниль и грязь.
Изъ-за бугровъ моря текутъ, сверкая
И мутно серебрясь.

Но тутъ семь дней жила моя подруга:
Я сѣлъ на холмъ, гдѣ былъ ея наметъ.
Тутъ вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и юга—
Онъ милый слѣдъ не замететь.

...Ночь тишиной и мракомъ истомила.
Когда конецъ?
Ночь, какъ верблюдъ, легла и отдалила
Отъ головы крестецъ.

Песокъ остылъ. Холодный, безотвѣтный,
Скользитъ въ рукѣ, какъ змѣй...
Горитъ, играетъ перстень самоцвѣтный—
Звѣзда любви моей.

ЗА ДАМАСКОМЪ.

Щебечутъ пестрокрылыя чекканки
На глиняныхъ могильныхъ бугоркахъ.
Дорога въ Мекку. Древнія стоянки
Въ пустынѣ, въ зноѣ и пескахъ.

Гдѣ вы, хаджи? Гдѣ ваши дромадеры?
Вдали слюдой блестятъ солончаки.
Кругомъ погость. Бугры рогаты, сѣры,
Какъ голыхъ сѣделъ арчаки.

СПОРЪ.

— Счастливы мы, ессалийцы! Черное, съ розовой пѣной,
Пахнетъ нагрѣтой землей наше густое вино.
Хлѣбъ отъ вина лиловѣетъ. Кусокъ овечьяго сыру,
Влажно-соленый, крутой, горную свѣжесть хранить.

„Критъ позабылъ ты, хвастунъ! Мастика хмельнѣе и слаще:
Палуба ходить, скользитъ, парусъ сіяетъ, какъ снѣгъ,
Пляшутъ зеленыя волны—и пьяная цѣпь рулевая,
Скрежеща, вдоль бортовъ ползаетъ ржавой змѣей“.

СМЕРТЬ.

Въ апрѣльскій жаркій полдень, по кремнистой
Дорогѣ межъ цвѣтущими садами,
Пришелъ монахъ, высокій францисканецъ,
Къ монастырю надъ синимъ южнымъ моремъ.
Ползучія гирлянды розъ, глициній
И золотое кружево мимозы
Висѣли на оградѣ, а за нею
По мрамору скользили пятна свѣта.
„Кто тамъ?“—сказалъ привратникъ изъ-за двери.
— „Братъ во Христѣ“,—отвѣтилъ францисканецъ.
„Кого вамъ надо?“—„Брата Габріэля“.
„Онъ нынче занятъ—пишетъ Воскресенье“.
Тогда монахъ сорвалъ съ ограды розу,
Швырнулъ во дворъ—и съ недовольнымъ видомъ
Пошелъ назадъ. А роза за оградой
Разсыпалась на мраморъ чернымъ пепломъ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

Какъ въ гору, шли мы въ зыбь, въ слѣпящій блескъ заката.
Холмилась и росла лиловая волна.
Съ холма на холмъ лилось оранжевое золото
И глубь небесъ была прозрачно-зелена.

Дымъ изъ жерла трубы летѣлъ назадъ. Въ упругомъ
Кимвальномъ пѣньи рей дрожалъ холодный гулъ.
И солнца ликъ мертвѣлъ. Громада моря кругомъ
Объяла горизонтъ. Везувій потонулъ.

И до бортовъ вставалъ и, упадая, мѣрно
Шумѣлъ разверстыи валъ. И гребень, закипѣвъ,
Сквозилъ и розовѣлъ, какъ пѣнное Фалерно,—
И малахитъ скользилъ въ кроваво-черный зѣвъ.

ВЪ МЕССИНСКОМЪ ПРОЛИВѢ.

На темномъ рейдѣ струнный ладъ,
Огни и пѣсни въ Катанеѣ...
Въ дни скорби любимъ мы нѣжнѣе,
Канцоны сладостнѣй звучать.

И величаво-одинокъ
На звѣздномъ небѣ конусъ Этны,
Гдѣ таетъ блѣдный, чуть замѣтный,
Чуть розовѣющій вѣнокъ.

15. IV. 1909 г.

КОЛИБРИ.

Трава пестритъ—какъ разглядѣть змѣю?
Зеленый лѣсъ раскинулъ въ жаркомъ свѣтѣ
Сквозную тѣнь—узорчатая сѣти...
Онѣ живутъ въ невѣдѣннѣ, въ раю.

Поютъ, ликують, спорятъ голосами,
Огнемъ хвостовъ... Но стѣитъ невпопадъ
Взглянуть въ траву—и прынетъ пестрый гадъ:
Онѣ мѣтко бьютъ раскосыми глазами.

ВИНО.

— На Яйлѣ зазеленѣли буки,
Покраснѣла стройная сосна:
Отчего на сѣверѣ, въ разлукѣ
Чувствуетъ душа, что тамъ весна?

„Въ дни, когда на лозахъ виноградныхъ
Распустится цвѣту суждено,
Въ погребахъ и темныхъ и прохладныхъ
Бродитъ золотистое вино“.

СТАРИННЫЕ СТИХИ.

— Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Слѣва мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Справа островъ темнѣлъ—пропадали вдали
Дюны скудной родимой зимы.

Старый домъ рыбака голубою стѣной
Тамъ мерцалъ надъ кипящей волной...
Но въ завѣтномъ окнѣ не видалъ я огня:
Ты забыла, забыла меня!

„Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Позднѣй мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Золотая текла по волнамъ полоса—
И, какъ въ сказкѣ, неслись паруса.“

Лебединою грудью бѣлѣли они,
И мерцали на мачтахъ огни...
Но въ свѣтлицѣ своей не зажгла я огня:
Ты забудешь, забудешь меня!“

ВАЛЬСЪ.

Похолодѣли лепестки
Раскрытыхъ губъ, по-дѣтски влажныхъ—
И залъ плыветъ, плыветъ въ протяжныхъ
Напѣвахъ счастья и тоски.

Сіянье люстръ и зыбь зеркалъ
Слились въ одинъ миражъ хрустальный—
И вѣтъ, вѣтъ вѣтеръ бальный
Тепломъ душистыхъ опахалъ.

ДАЧА.

Открыты окна. Въ бѣлой мастерской
Слѣды отъѣзда: соръ, клочки конверта.
Въ углу стоитъ прямой скелетъ мольберта.
Изъ оконъ тянетъ свѣжестю морской.

Дни все свѣтлѣй, все тише, золотистѣй—
И ни полямъ, ни морю нѣтъ конца.
Съ корявой, старой груши у крыльца
Спадаютъ розовые листья.

ПРОЩАНІЕ.

Поблекшій долъ подъ старыми платанами,
Иссохшіе источники и рвы
Усѣяны лиловыми тюльпанами
И золотомъ листвы.

Померкло небо, солнце закатилось,
Холодный вѣтеръ дуетъ. И слеза,
Что въ голубыхъ глазахъ твоихъ свѣтилася,
Блѣдна, какъ бирюза.

МАТЕРИ.

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, кроткій голосъ твой:
„Ангель-Хранитель надъ тобой!“

Бывало, раздѣваетъ няни
И полушопотомъ бранить,
А сладкій сонъ, глаза тумана
Къ ея плечу меня клонить.

Ты перекрестишь, поцѣлуешь,
Напомнишь мнѣ, что Онъ со мной,
И вѣрой въ счастье очаруешь...
Я помню, помню голосъ твой!

Я помню ночь, тепло кровати,
Лампадку въ сумракѣ угла
И тѣни отъ цѣпей лампадки...
Не ты ли ангеломъ была?

Н Я Н Я.

Въ старой темной дѣвичьей,
На пустомъ ларѣ,
Сѣла, согрѣвается...
Лунно на дворѣ,
Иней синимъ бисеромъ
На окнѣ блестить,
Надъ столомъ висячая
Лампочка коптитъ...
Что-то вспоминается?
Отчего въ глазахъ
Столько скорби, кротости?...
Лапти на ногахъ,
Голова закутана
Шалью набивной,
Полушубокъ старенькій...
„Здравствуй, другъ родной!
Что жъ ты не сказалася?“
Поднялась, трясетъ
Головою дряхлою
И къ рукѣ идетъ,
Кланяется низенько...
„Въ домъ иди“.— „Иду-съ“.
„Какъ живется-можется?“
— „Что-то не пойму-съ“.
„Какъ живешь, я спрашивалъ,
Все одна?“— „Одна-съ“.
„А невѣстка?“— „Въ городѣ-съ.
Позабыла насъ!“

„Какъ же ты съ внучатами?“

— „Такъ вотъ и живу-съ“.

„Насъ-то вспоминала ли?“

— „Всѣхъ какъ наяву-съ“.

„Да не то: не стыдно ли

Было не прійти?“

— „Боязно-съ: а ну-ко-ся

Да помрешь въ пути“.

И трясеть, съ улыбкою,

Грустной и больнои,

Головой закутанной,

И слѣдить за мной,

Ловить губъ движенія...

„Ну, идемъ, идемъ,

Тамъ и побесѣдуемъ

И чайку поьемъ“.

ПУСТОШЬ.

Миръ вамъ, въ землѣ почившіе!—За садомъ
Погость рабовъ, погость дворовыхъ нашихъ:
Двѣ десятины пустоши, волнистой
Отъ бугорковъ могильныхъ. Ни креста,
Ни деревца. Мѣстами уцѣлѣли
Лишь каменные плиты, да и то
Изъѣденныя временемъ, какъ оспой...
Теперь ихъ скоро выберутъ—и будутъ
Выпахивать то пористыя кости,
То суздальскія черныя иконки...

Миръ вамъ, давно забытые!—Кто знаетъ
Ихъ имена простыя? Жили—въ страхѣ,
Въ безвѣстности—почили. Иногда
Въ селѣ ковали цѣпи, засѣкали,
На поселенье гнали. Но стихалъ
Однообразный бабій плачь—и снова
Шли дни труда, покорности и страха...
Теперь отъ этой жизни уцѣлѣли
Лишь каменные плиты. А пройдетъ
Желѣзный плугъ—и пустошь всколосится
Густою рожью. Кости удобряютъ...

Миръ вамъ, неотомщенные!—Свидѣтель
Великаго и подлаго, безсильный
Свидѣтель звѣрствъ, разстрѣловъ, пытокъ, казни,

Я, чье чело отмѣчено навѣки
Клеймомъ раба, невольника, холопа,
Я говорю почившимъ: „Спитс, спите!
Не вы одни страдали: внуки вашихъ
Владыкъ и повелителей испили
Не меньше васъ изъ горькой чаши рабства!“

1907 г.

ВДОВЕЦЪ.

Желѣзный крюкъ скрипитъ надъ колыбелью,
Луна глядитъ въ окно на колыбель:
Луна склоняетъ ликъ и по ущелью,
Сквозь сумракъ, тянетъ млечную кудель.

Въ горахъ свѣтло. На дальнемъ горномъ кряжѣ,
Весь на виду, чернѣетъ скитъ армянъ.
Но встанетъ мгла изъ этой блѣдной пряжи—
Не разглядить засады караванъ.

Пора, пора,—ужь стекла запотѣли!
Разбойникъ я... Да вотъ, на смѣну мнѣ,
Самъ Ангелъ сна подходитъ къ колыбели,
Чуть серебрясь при меркнувшей лунѣ.

ХРИСТЯ.

Христя угощаетъ куколъ на стговорѣ—
За степною хатой, на сухихъ бахчахъ.
Степь въ горячемъ блескѣ млѣветъ, точно море,
Тыквы свѣтятъ мѣдью въ солнечныхъ лучахъ.

Собрались сосѣдки къ „старой бабѣ“ Христѣ,
Пропиваютъ дочку—чай и водку пьютъ.
Дочка—въ разноцвѣтной плахтѣ и въ монистѣ,
Всѣ ее жалѣютъ—и поютъ, поютъ!

Подъ степною хатой, въ жаркомъ ароматѣ
Спѣлаго укропа, возятся въ золѣ
Желтые цыплята. Мать уснула въ хатѣ,
Бабка—въ темной клунѣ, тыквы—на землѣ.

НА ТОКУ.

Старикъ у хаты вѣялъ, подкидывалъ лопату,
Какъ разъ къ святому Спасу покончивъ съ молотъбой.
Старуха въ черной плахтѣ бѣлила мѣломъ хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовѣя, въ степную пыль садилось—
И тѣни ногъ столбами ложились на гумно,
А хата молодѣла—зардѣлась, застыдилась—
И празднично блестѣло протертое окно

БЕЗЪ ИМЕНИ.

Курганъ разрытъ. Въ тяжеломъ саркофагѣ
Онъ спитъ, какъ стражъ. Желѣзный мечъ въ рукѣ.
Поютъ надъ нимъ узорной вязью саги,
Беззвучныя, на звучномъ языкѣ.

Но ликъ сокрытъ—опущено забрало.
Но плащъ истлѣлъ на ржавленной бронѣ.
Былъ воинъ, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черномъ скакунѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

Здѣсь, въ старыхъ переулкахъ за Арбатомъ,
Совсѣмъ особый городъ... Вотъ и мартъ.
И холодно и низко въ мезонинѣ,
Немало крысъ, но по ночамъ—чудесно.
Днемъ—ростепель, капли, грѣетъ солнце,
А ночью подморозитъ, станетъ чисто,
Свѣтло—и такъ похоже на Москву,
Старинную, далекую. Усядусь,
Огня не зажигаю, возлѣ оконъ,
Облитыхъ луннымъ свѣтомъ, и смотрю
На садъ, на звѣзды рѣдкія... Какъ нѣжно
Весной ночное небо! Какъ спокойна
Луна весною! Теплятся, какъ свѣчи,
Кресты на древней церковкѣ. Сквозь вѣтви
Въ глубокомъ небѣ ласково сіяютъ,
Какъ золотые кованные шлемы,
Головки мелкихъ куполовъ...

Б У Д Н И.

Бѣгутъ, бѣгутъ листы раскрытой книги,
Бѣгутъ, струятся къ небу тополя,
Гуль молотилки слышится изъ риги—
Дохнули въ шторы вольныя поля.

Помѣщикъ всталъ и, окна закрывая,
Глядитъ на югъ. Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лѣнь.
Въ горячемъ свѣтѣ весело и сухо
Вокругъ террасы лоснится сирень.
Зажглась рѣка, какъ зеркало. Старуха
Несетъ сажать махотки на плетень.
Кричитъ пѣтухъ. Въ крапиву за насѣдкой
Спѣшитъ десятокъ крохотныхъ цыплятъ.
И тѣни шторъ узорно-легкой сѣткой
По конскому лѣчебнику пестрятъ.

СИРОТКА.

Шла сиротка пыльною дорогою,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянулъ строго,
Къ мачехѣ велѣлъ ей воротиться.

Долгими дугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи
Повстрѣчался ангель, глянулъ кротко
И потушилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянулъ милосердно и любовно.

„Не трудись,—сказалъ Онъ,—не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь“
И увелъ сиротку въ рай небесный.

ВЪ РОЩѢ.

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ—живые бугорки.
Вдругъ пѣгая легавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ? — Плетенка съ костяникомъ!
А на березѣ дѣвочка—и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ

Дугой береза бѣлая склонилась—
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачалась на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ... Младенчески-безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый... Вся пестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла—
И жизньъ была какъ утро хороша.

Т У М А Н Ъ.

Сумрачно, скучно свѣтаетъ заря.
Пахнетъ листвою и мокрыми гумнами.
Воютъ и тянутъ за рогомъ псари
Гончія сворами шумными.

Тянутъ, стихаютъ—и тонуть слѣды
Въ темномъ туманѣ. Людская чуть курится.
Сонно въ осинникѣ квохчуть дрозды.
Чаща и дремлетъ и хмурится.

И до печальныхъ вечернихъ огней
Въ морѣ туманныхъ лѣсовъ, за долинами
Будетъ стонать все скучнѣй и скучнѣй
Рогъ голосами звѣриными.

Сиракузы. 25. III. 1909.

К Р У Ж Е В О.

Весь день мятель. За дверью, у сосѣда,
Стучать часы и каплетъ съ оконъ ледъ.
У барышни-сосѣдки съ мясоѣда
Поетъ щеголь. А барышня плететъ.

Сидитъ, выводитъ крестики и мушки—
Бѣла, какъ снѣгъ, скромна, какъ лень въ степи...
Темно въ уѣздной крохотной избушкѣ,
Наскучили гремучія коклюшки,
Весна идетъ... Да какъ же быть? Терпи!

Синѣетъ дымъ мятели, вьются галки
Надъ старой колокольней... День прошелъ,
А толку что?—Текутъ съ окна мочалки
И о веснѣ поетъ дуракъ щеголь.

С Т О Р О Ж Ъ.

И снова вечеръ, сухо позлатившій
Дороги, степь и удлинившій тѣнь;
И блѣдный ликъ, напротивъ солнца всплывшій;
И четко въ ясномъ воздухѣ застывшій
Среди бахчей курень.

Старъ сторожъ, старъ! И слабъ и видитъ плохо,
А вѣкъ бы жилъ!.. Такъ тихо въ курень,
Что слышенъ трескъ подсохшаго гороха...
Да что кому до старческаго вздоха
О догорѣвшемъ днѣ!

Б Е Р Е Г Ъ.

За окномъ весна сіяетъ новая.
А въ избѣ—последняя твоя
Восковая свѣчка—и тесовая
Длинная ладья.

Причесали, нарядили, справили,
Полотномъ закрыли блѣдный ликъ—
И ушли, до времени оставили
Твой нѣмой двойникъ.

У него ни имени, ни отчества,
Ни друзей, ни дома, ни родни:
Тихи гробового одиночества
Роковые дни.

Да пребудетъ въ мирѣ, да покоится!
Какъ душа свободная твоя,
Скоро, скоро въ синемъ морѣ скроется
Бѣлая ладья.

К О Л Д У Н Ъ.

Въ мелколѣсѣ пѣло глухо, строго.
Вмѣстѣ съ ночью туча надвигалась.
По кустамъ, на тучу шла дорога,
На вѣтру листва съ пескомъ мѣшалась...
Лѣшій зорко въ темь глядѣлъ съ порога.

Онъ сидѣлъ и слушалъ, какъ кукушки
Хриплымъ смѣхомъ гдѣ-то хохотали,
Какъ визжали совы—и съ опушки,
Послѣ блеска, гулы долетали...
Дѣдъ-колдунъ, какъ мертвый, спалъ въ избушкѣ.

Одностволка на столѣ лежала
Вмѣстѣ съ жесткой, черной коркой хлѣба.
Какъ бѣльмо, окошко отражало
Скудный отсвѣтъ пасмурнаго неба...
Надъ окномъ соломою шуршало.

И пока шуршало, дѣду снилось,
Что въ печуркѣ, гдѣ лежатъ онучи,
Загорѣлось: тлѣеть, задымилось...
И сухимъ огнемъ сверкали тучи
И въ окнѣ угрюмо муха билась.

С Ъ Н О К О С Ъ.

Среди двора, въ батистовой рубашкѣ,
Стоялъ барчукъ и, шурясь, звалъ: „Корней!..“
Корнея нѣтъ. Двѣ пѣгїя дворняжки,
Щенки, катались въ сѣнѣ. Все синѣй
Надъ крышами и садомъ небо млѣло,
Какъ сказочная сонная рѣка,
Все горячѣй палило зноемъ тѣло,
Все радостнѣй бѣлѣли облака,
И все душнѣй благоухало сѣно...
„Корней, сѣдлай!“—Но и Корней въ лѣсу:
Остались только скотница Елена
Да пчельникъ Дронъ... Вотъ Фоксъ замаялъ осу
И сѣно взрылъ. Вотъ снѣжный голубъ комомъ
Упалъ на крышу скотнаго варка...
Вездѣ открыты окна. А надъ домомъ
Такъ серебрится тополь, такъ ярка
Листва вверху, — какъ будто изъ металла,
И воробьи шныряютъ то изъ зала,
Въ тѣнистый палисадникъ, въ бересклетъ,
То снова въ заль... Покой, лазурь и свѣтъ.
Въ конюшнѣ полусумракъ и прохладно;
Навозомъ пахнетъ, сбруей, лошадьми,
Касаточки щебечутъ. И Ами,
Соскучившись, тихонько ржетъ и жадно

Косить свой глазъ лилово-золотой
Въ рѣшетчатую дверку. Стременами
Звенить барчукъ, поднявъ сѣдло съ уздой,
Кладеть, подпруги ловить,—и ушами
Прядеть кобылка, дѣлаясь стройнѣй
И выходя на солнце. Тамъ къ кадушкѣ
Склоняется—блескъ, небо видитъ въ ней
И долго пѣть. И солнце жжетъ подушки,
Луку, потникъ, играя въ серебрѣ...

А черезъ часъ заходятъ побирушки,
Слѣпой съ поводыремъ, и на дворѣ
Сидятъ какъ дома. Мальчикъ босоногій
Заглядываетъ въ окна, на порогѣ
Стоитъ и медлитъ; робко входитъ въ залъ,
Съ восторгомъ смотритъ въ свѣтлый мѣръ зеркаль,
Касается до клавишъ фортепьяно—
И, вздрогнувъ, замираетъ: звонко, странно
И весело въ хоромахъ! На балконѣ
Открыта дверь—и солнце жаркимъ свѣтомъ
Зажгло паркетъ, и глубоко паркетомъ
Зеркальный отблескъ двери отраженъ,
И воробьи крикливою станицей
Прносятся у самага стекла
За золотой, сверкающею птицей—
За иволгой, скользящей какъ стрѣла.

ЛИМОННОЕ ЗЕРНО.

Въ сырой избушкѣ шорника Лукьяна
Старуха-бабка въ донышкѣ стакана
Растила золотистое зерно.
Да, видно, намъ не ко двору оно.

Лукьянъ нетрезвъ, старуха какъ ребенокъ,
И вотъ однажды пестренькій цыпленокъ,
Пища, залѣзъ на лавку, на хомутъ,
Немножко изловчился—и капуть!

МУЖИЧОКЪ.

Ельничкомъ, березничкомъ—гдѣ душа захочетъ—
Въ Кіевъ пробирается Божій мужичокъ.
Смотритъ, нѣтъ ли ягодки? Горбится, бормочетъ,

Съѣсть и ухмыляется: я, молъ, дурачокъ.
„Али сладко, дѣдушка?“—„Грѣшень: сладко, внучекъ“.
„Что жъ, и на здоровье. А куда идешь?“
—„Я-то? А не вѣдаю. Въ родѣ вольныхъ тучекъ.
Со крестомъ да съ вѣрой всякій путь хорошъ“.
Ягодка по ягодкѣ—вотъ и слава Богу:
Сыты. А завидимъ бѣлые холсты,
Подойдемъ съ молитвою, глянемъ на дорогу,
Сдернемъ, сунемъ въ сумочку—и опять въ кусты.

ДВОРЕЦКІЙ.

Ночникъ горитъ въ холодномъ и угрюмомъ
Огромномъ залѣ скупо и темно.
Домъ окруженъ зловѣщимъ гуломъ, шумомъ
Столѣтнихъ липъ, стучащихся въ окно.

Дождь льетъ всю ночь. То чудится, что кто-то
Къ крыльцу подѣхалъ... То издалека
Несется крикъ... А тутъ еще забота:
Течетъ сквозь крышу, каплетъ съ потолка.

Опять вставай, опять возись съ тазами!
И все при этомъ скудномъ ночникѣ,
Съ опухшими и сонными глазами,
Въ подштаникахъ и ветхомъ сюртукѣ!

К Р И Н И Ц А.

Торчитъ журавль надъ шахтой подъ горой.
Зарей въ лугу краснѣетъ плахта,
Гремитъ ведро—и звучною игрою,
Глубокимъ гуломъ вторитъ шахта.

Въ ея провалѣ, темномъ и сыромъ —
Бездонный блескъ. Журавль склоняетъ шею,
Скрипитъ и, захлебнувшись серебромъ,
Опять возносится надъ нею.

Плыветъ, качаясь, тяжелое ведро,
Сверкаетъ жестъ—и медленно вдоль луга
Идетъ она—и стройное бедро
Подъ красной плахтой такъ упруго.

П Ъ С Н Я.

На пирахъ веселыхъ,
Въ деревняхъ и селахъ
Проводилъ ты дни.

Я въ лѣсу сидѣла
Да въ окно глядѣла
На кусты и пши.

Дѣвки пряли, шили,
Дѣти съ нянькой жили,
Я всегда одна—

Ласковѣй черницы,
Тише плѣнной птицы
И блѣднѣе льна.

Я ли не любила?
Я ли не молила,
Чтобъ Господь помогъ?

А года летѣли,
Волоса сѣдѣли...
И замолкъ твой рогъ.

Солнце предъ закатомъ
Бродить по палатамъ,
Вдоль дубовыхъ стѣнъ.

Да оно не грѣеть,
Да душа не смѣетъ
Кинуть долгій плѣнъ.

П Ъ С Н Я.

Зацвѣла на волѣ
Въ полѣ бирюза.
Да не смотрять въ душу
Милые глаза.

Помню, помню нѣжный,
Безмятежный ленъ.
Да далеко гдѣ-то
Зацвѣтаетъ онъ.

Помню, помню чистый
И лучистый взглядъ.
Да поднять рѣсницы
Люди не велятъ.

О ПЕТРЪ-РАЗБОЙНИКЪ.

Въ воскресеньѣ, раньше литургіи,
Раньше звона ранняго, сидѣли
На скамьѣ, подъ ветхой бѣлой хатой,
Мать да сынъ—и на море глядѣли.

— Милый сынъ, прости старухѣ старой:
Разскажи ей, отчего скучаешь,—
Головой, до времени чубарой,
Сумрачно и горестно качаешь?

Милый сынъ мой, въ праздникъ люди кротки,
Небо ясно, горы въ небѣ четки,
Синь заливъ, долины золотятся,
Сквозь весенній тонкій паръ глядятся.

— Былъ я, мать, въ темницѣ въ Цареградѣ,
Въ кандалахъ холодныхъ, на затворѣ,
За желѣзной ржавою рѣшеткой,
Да зато подъ ней шумѣло море.

Море пѣной разсыпало гребни
По камнямъ на мелкомъ сизомъ щебнѣ,
И на щебнѣ этомъ чьи-то дѣти,
Дѣти въ красныхъ фесочкахъ, играли...

— Милый сынъ! Не дѣти: чертенята.
— Мать, молчи. Я чахну отъ печали.

Въ воскресеньѣ, послѣ литургіи,
Послѣ полдня, къ мужу подходила
Статная нарядная хозяйка,
Ласково за столъ его просила.

Онъ сидѣлъ подъ солнцемъ, непокрытый,
Черный отъ загара и небритый,
Теръ полою краснаго жупана
По горячей стали ятагана.

— Господинъ! Чтò вижу? Ты—въ работѣ,
Дворъ не прибранъ, куры на ометѣ,
Осликъ бродить, кактусъ обгрызаетъ,
Янъ все утро съ крыши не слѣзаетъ.

Господинъ мой! Чѣмъ ты недоволенъ?
Ты ль не счастливъ, не богатъ, не воленъ?

— Былъ, жена, я въ пыткахъ и на дыбѣ,
Восемь лѣтъ изъ плѣна видѣлъ воду,
Бѣлый парусъ въ свѣтлыхъ искрахъ зыби,
Голубыя горы—и свободу...

— Господинъ! Свободу? Изъ темницы?
— Замолчи. Пиратъ вольнѣе птицы.

Въ воскресенье Божье, на закатѣ
Было пусто въ темной старой хатѣ...
Кто добромъ разбойника помянетъ?
Какъ-то онъ на Страшный Судъ предстанетъ?

ЗИМНЯЯ ВИЛЛА.

Мистраль качаетъ ставни. Цѣлый день
Печетъ дорожки солнце. Но за домомъ,
Гдѣ ледяная утренняя тѣнь,
Морозъ крупной лежитъ по водоемамъ.

На синевѣ и бѣлый новый домъ,
И бѣлая высокая ограда
Слѣпятъ глаза. И слышится кругомъ
Звенящій полусонный шелестъ сада.

Качаясь, пальмы клонятся. Ихъ жаль,—
Онѣ дрожать, имъ холодно отъ блеска
Далекихъ горъ... Проносится мистраль,
И домъ бѣлѣетъ слишкомъ рѣзко.

ПАМЯТИ —.

Ты мысль, ты сонъ. Сквозь дымную мятель
Бѣгутъ кресты—раскинутыя руки.]
Я слушаю задумчивую ель—
Пѣвучій звонъ... Все—только мысль и звуки!

То, что лежитъ въ могилѣ, развѣ ты?
Разлуками, печалью былъ отмѣченъ
Твой трудный путь. Теперь ихъ нѣтъ. Кресты
Хранятъ лишь прахъ. Теперь ты мысль. Ты вѣченъ.

СПОЛОХИ.

Взвѣвая легкія гардины
И раздувая свѣтъ зарницы,
Ночная близилась гроза.

Метался мракъ, зеркаль глубины
Ловили золото божницы
И чьи-то жуткіе глаза.

Я замерла, не понимая,
Въ какой я горницѣ. Крапива
Шумя бѣжала подѣ окномъ.

Зарница, яркая, нѣмая,
Мнѣ говорила торопливо
Все объ одномъ, все объ одномъ.

Впервые нынче мы не лгали,—
Дрожь отъ радости, впервые
Сняла я тяжкое кольцо—

И въ глубинѣ зеркаль мелькали
Покровы черно-гробовые
И чье-то блѣдное лицо.

ПРИ ДОРОГѢ.

Окно по ночамъ голубое,
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплющенный мѣсяцъ
Какъ тусклое блещетъ пятно.

Дѣдъ рано ложится, а внучкѣ
Неволя: лежи и не спи
Да думай отъ скуки. А долги
Осеннія ночи въ степи!

Вчера чумаки проходили—
Прильнула къ окну. Но была
Морозная полночь. Блестѣли
Колеса, рога у вола.

Хотѣла вскочить—побоялась.
И мѣсяцъ глядѣлъ какъ живой
На шляхъ, на шагавшія тѣни,
На борозды съ мерзлой ботвой.

У Каспія тони, тамъ хватить
Работы на всѣхъ—и давно
Ушла бы туда съ чумаками...
Да мило кривое окно.

Гелуанъ. 28. I. 1911.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ.

Ночью лампа на окнѣ стояла,
Свѣтъ бросала въ черный мокрый садъ:
Желтую лѣсовку озаряла
И цвѣтникъ, расцвѣтшій въ листопадъ.

Нянька у окна, на табуретѣ,
Штопала чулочки... Передъ сномъ,
Раздѣваясь, поглядѣли дѣти
На листву и мальвы подъ окномъ.

И пока дремали, забывались,
Думали о чемъ-то—въ первый разъ:
Сказкой неразсказанной казались
Домъ и садъ, и этотъ поздній часъ.

Домъ былъ старъ, какъ теремъ у Кощея,
Расцвѣтала пестрядь у стекла,
И на свѣтъ глядѣла ночь, чернѣя...
Но зачѣмъ ты, нянька, не спала!

Б Е Р Е З К А.

На перевалѣ дальнемъ, на краю
Пустыхъ небесъ, есть бѣлая березка:
Стволъ, искривленный бурями, и плоско
Раскинутые сучья.—Я стою,
Любуюсь ею, въ желтомъ голомъ полѣ.

Оно мертво. Гдѣ тѣнь, пластами соли
Лежитъ морозъ. Ужъ солнца низкій свѣтъ
Не грѣетъ ихъ. Ужъ ни листочка нѣтъ
На этихъ сучьяхъ буро-красноватыхъ,
Стволъ рѣзко-бѣлъ въ зеленой пустотѣ...

Но осень—миръ. Миръ въ грусти и мечтѣ,
Миръ въ думахъ о прошедшемъ, объ утратахъ.
На перевалѣ дальнемъ, на чертѣ
Пустыхъ полей, березка одинока.
Но ей легко. Ея весна—далеко.

Г О Д И В А.

Поэма А. Теннисона.

Я въ Ковентри ждалъ поѣзда, толкаясь
Въ толпѣ народа по мосту, смотрѣль
На три высокихъ башни—и въ поэму
Облекъ одну изъ древнихъ мѣстныхъ былей.

Не мы одни—плодъ новыхъ дней, послѣдній
Посѣвъ Временъ, въ своемъ нетерпѣливомъ
Стремленьи въ даль злословящій Былое,—
Не мы одни, съ чьихъ праздныхъ устъ не сходятъ
Добро и Зло, сказать имѣемъ право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правилъ
Назадъ тому почти тысячелѣтье,
Любила свой народъ и претерпѣла
Не меньше насъ. Когда налогомъ тяжкимъ
Графъ обложилъ свой городъ, и предъ замкомъ
Съ дѣтьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: „Подать намъ грозитъ
Голодной смертью!“—въ графскіе покои,
Гдѣ графъ, съ своей аршинной бородой
И полсаженной гривой, по залу
Шагалъ среди собакъ, пошла Годива
И, рассказавъ о вопляхъ, повторила
Мольбу народа: „Подати грозятъ
Голодной смертью!“. Графъ отъ изумленья
Раскрылъ глаза.—„Но вы за эту сволочь
Мизинца не уколете!“—сказалъ опъ.
„Я умереть согласна!“—возразила
Ему Годива. Графъ захохоталъ,
Петромъ и Павломъ громко побожился,
Потомъ по брилліантовой сережкѣ
Годивѣ шелкнулъ:—„Розказни!“—„Но чѣмъ же
Мнѣ доказать?“—отвѣтила Годива.
И жесткое, какъ длань Исава, сердце
Не дрогнуло:—„Ступайте,—молвилъ графъ,—
По городу нагая—и налоги
Я отмѣню“,—насмѣшливо кивнулъ ей
И зашагалъ среди собакъ изъ залы.

Такой отвѣтъ сразилъ Годиву. Мысли,
Какъ вихри, закружились въ ней и долго

Вели борьбу, пока не побѣдило
Ихъ Состраданье. Въ Ковентри герольда
Тогда она отпавила, чтобъ городъ
Узналъ при трубныхъ звукахъ о позорѣ,
Назначенномъ Годивѣ: только этой
Цѣною облегчить могла Годива
Его удѣлъ. Годиву любятъ,—пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступить за порогъ и ни единый
Не взглянетъ глазъ на улицу: пусть всѣ
Затворятъ двери, спустятъ въ окнахъ ставни
И въ часъ ея проѣзда будутъ дома.

Потомъ она поспѣшно поднялась
Наверхъ, въ свои покои, разстегнула
Орловъ на пряжкѣ пояса—подарокъ
Суроваго супруга—и на мигъ
Замедлилась, блѣдна, какъ лѣтній мѣсяцъ,
Полузакрытый облачкомъ... Но тотчасъ
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пятъ волну волосъ тяжелыхъ,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Внизъ по дубовымъ лѣстницамъ—и вышла,
Скользя, какъ лучъ, среди колоннъ, къ воротамъ,
Гдѣ ужъ стоялъ ея любимый конь,
Весь въ пурпурѣ, съ червонными гербами.

На немъ она пустилась въ путь—какъ Ева,
Какъ геній цѣломудрія. И замеръ,
Едва дыша отъ страха, даже воздухъ
Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ѣхала она.
Разинувъ пасть, лукаво вслѣдъ за нею
Косился жолобъ. Тявканье дворняжки
Ее кидало въ краску. Звукъ подковъ
Пугалъ, какъ грохотъ грома. Каждый ставень
Былъ полонъ дыръ. Причудливой толпою
Шпили домовъ глазѣли. Но Годива,
Крѣпясь, все дальше ѣхала, пока
Въ готическія арки укрѣпленій
Не засіяли цвѣтомъ бѣлоснѣжнымъ
Кусты густой цвѣтущей бузины.

Тогда назадъ поѣхала Годива—
Какъ геній цѣломудрія. Былъ нѣкто,
Чья низость въ этотъ день дала начало

Пословицѣ: ояъ сдѣлалъ въ ставнѣ шелку
И ужъ хотѣлъ, весь трепеща, прильнуть къ ней,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли,—да торжествуетъ вѣчно
Добро надъ зломъ. Годива же достигла
Въ невѣдѣнїи замка—и лишь только
Вошла въ свои покои, какъ ударилъ
И загудѣлъ со всѣхъ несмѣтныхъ башенъ
Стозвучный полдень. Въ мантии, въ коронѣ
Она супруга встрѣтила, сняла
Съ народа тяжесть податей—и стала
Съ тѣхъ поръ безсмертной въ памяти народа.
27. VI. 1906.

ИЗЪ „ЗОЛОТОЙ ЛЕГЕНДЫ“ ЛОНГФЕЛЛО.

І. Н О Ч Ь.

Колокольна Страсбургскаго собора.—Ночь.—Буря.
Люциферъ и Духи Воздуха пытаются свергнуть крестъ.

Люциферъ. Сбросьте! Сбросьте!

О, скорѣе

Сбросьте, духи, на земь тяжкій

Крестъ собора, на позоръ намъ

Вознесенный въ небеса!

Голоса. Мы безсильны!

Херувимы

И святые тѣснымъ сонмомъ

Заступили крестъ, повсюду

Отражая нашу рать!

Колокола. *Laudo Deum verum!*

Plebem voco!

Congrego clerum!

Люциферъ. Въ башню! Въ башню!

Овладѣйте

Колокольной—и со звономъ,

Съ гуломъ, шумомъ низвергайте

Съ башни мѣдь колоколовъ!

Голоса. Мы безсильны!

Ихъ кропили

Освященною водою!

Ихъ крестили! Наша ярость

Безполезна и жалка!

Колокола. Defunctos ploro!

Pestem fugo!

Festa decoro!

Люциферъ. Рвите рамы!

Бейте въ окна,

Въ пурпуръ, въ золото ихъ стекло —

Размечите ихъ, какъ листья

Предъ лицомъ осеннихъ бурь!

Голоса. Мы безсильны!

Жжетъ и блещетъ

Мечъ палящій Михаила,

Мечъ Того, Кто насъ, смятенныхъ,

Свергнулъ нѣкогда съ небесъ!

Колокола. Funera plango!

Fulgura frango!

Sabatta rango!

Люциферъ. Мѣтьте стрѣлы

Молній въ двери,

Въ латы сумрачныхъ порталовъ!

Сокрушите храмъ, разсѣйте

Прахъ и пепель мертвецовъ!

Голоса. Мы безсильны!

Страстотерпцы

И апостолы Иисуса,

Въ строгихъ мантияхъ, въ хитонахъ,

Стражей встали при дверяхъ!

Колокола. Excito lentos!

Dessipo ventos!

Raso cruentos!

Люциферъ. Родъ презрѣнный!

Малодушный!

Совершитъ вашъ трудъ—великій

Разрушитель, Время! Скройтесь

Въ ночь и мракъ!—Близка заря.

Голоса. Мчимся! Мчимся!

Съ вѣтромъ ночи,

Надъ полями, надъ лѣсами,

Надъ поселками нѣмыми,

Все, какъ смерть, губя въ пути! (Исчезаютъ).

Органъ и хоръ. Nocte surgentos!

Vigilimus omnes!

И. У Т Р О.

Ферма въ Оденвальдѣ.—Садъ.—Утро.—Принцъ Генри читаетъ:

Однажды утромъ,
По вѣковому сумрачному лѣсу,
Изъ древнихъ сѣрыхъ стѣнъ монастыря,
Съ задумчиво поникшей головою
И тихою молитвой на устахъ
Шель инокъ Феликсъ.

Быль зноенъ лѣтній воздухъ, а зеленый
Тѣнистый лѣсъ напоминалъ святую
И мирную обитель. Золстые
Лежали мхи среди деревьевъ, вѣтви
Какъ бы творили знаменье креста,
Качаясь и шепча свои молитвы,
И разливался сладкій нѣжный запахъ
Лѣсныхъ цвѣтовъ и виноградныхъ лозъ,
Тянувшихся по сучьямъ къ свѣту солнца.

Но инокъ Феликсъ
Быль погруженъ въ глубокое раздумье:
Его глаза
Покоились на книгѣ Августина,
Гдѣ онъ прочелъ
О дивномъ и незримомъ Божьемъ Градѣ
Въ далекой и невѣдомой странѣ.
„Всѣмъ сердцемъ вѣрю
Въ Твои дѣянья, Господи!—сказалъ онъ,—
Но не могу постигнуть ихъ“. И вдругъ
Въ лѣсу раздался голосъ,—дивный голосъ
Какой-то птицы, райски-бѣлоснѣжной,
Упавшей точно съ неба и запѣвшей
Столь сладостно, столь звучно, точно струны
Несмѣтныхъ арфъ. И Феликсъ,
Остановясь, закрылъ святую книгу
И долго, долго
Стоялъ въ лѣсу недвижный, восхищенный,
Доколѣ не увидѣлъ, какъ во снѣ,
Небеснаго убѣжища Блаженныхъ
И ангеловъ, ходящихъ въ Божьемъ Градѣ
По золотымъ, по звучнымъ плитамъ улицъ.
Онъ всей душой
Хотѣлъ поймать таинственную птицу,

Но птица по холмамъ и по доламъ
Все далѣе и далѣе летѣла—
И Феликсъ вмѣсто сладостнаго пѣнья
Вдругъ услыхалъ далекій звонъ, зовущій
Къ полуденной молитвѣ,—и поспѣшно
Въ обитель возвратился. Что жъ онъ видитъ?
Онъ узнаётъ знакомыя мѣста,
Шпиць колокольни, пасмурныя стѣны
Изъ сѣраго гранита, кельи, вышки,
Но, вглядываясь въ братію, не видитъ
Ни одного знакомаго: повсюду
Чужія непривѣтливыя лица,
И новые для слуха голоса
Поютъ хвалы подъ голоса органа.

И всѣмъ чужой,
Межъ старыми дубовыми скамьями,
Стоялъ въ толпѣ монаховъ инокъ Феликсъ.
„Я сорокъ лѣтъ
Живу въ лѣсной обители,—промолвилъ
Одинъ изъ нихъ,—но этого лица
За сорокъ лѣтъ я никогда не видѣлъ“.

Похолодѣвъ отъ страха, Феликсъ робко
Сказавъ въ отвѣтъ; „Окончивъ Первый Часъ,
Я нынче утромъ вышелъ за ворота
И долго шель, влекомый сладкимъ пѣньемъ
Какой-то бѣлоснѣжной дивной птицы,
Пока вдали
Не услыхалъ полуденнаго звона.
Я былъ какъ бы во снѣ:
Часы мнѣ показались краткимъ мигомъ“.

„Года!“—сказалъ монахъ,
Сидѣвшій за дубовой темной партой
Подъ каменной стѣною. Это былъ
Старѣйшій между всѣми. Онъ столѣтье
Провелъ въ лѣсу, въ святомъ служеньи Богу,
Онъ вспомнилъ голосъ Феликса, всмотрѣлся
Въ его лицо и медленно промолвилъ:
„Сто лѣтъ назадъ,
Когда я былъ послушникомъ, былъ въ этой
Обители, хранимой Богомъ, инокъ,
Весьма Ему угодный и носившій
Святое имя: Феликсъ. Это Феликсъ“.

И вынесли на свѣтъ
Изъ пыльнаго скрипторіума книгу,
Огромную, оправленную мѣдью
И темной кожей дикаго медвѣдя,
Въ которой отмѣчались имена
Всѣхъ иноковъ, здѣсь жившихъ и умершихъ,
И тамъ прочли
Все сказанное старцемъ: что столѣтье
Тому назадъ, въ такой-то день и мѣсяць,
Ушелъ изъ вратъ обители братъ Феликсъ
И подъ ея благословенный кровъ
Ужъ больше не вернулся—слылъ умершимъ.
И, прочитавъ, признали, что ему,
Цѣлѣнному безсмертной райской пѣсней,
Воистину казался вѣкъ мгновеньемъ.

1908 г.

КАИНЪ.

МИСТЕРІЯ БАЙРОНА.

Змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ
звѣрей сущихъ на земли, ихже
сотвори Господь Богъ.

Быт. 3, 1.

DRAMATIS PERSONAE:

Адамъ.
Каинъ.
Авель.
Ангель Господень.
Люциферъ.
Ева.
Ада.
Селла.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мѣстность близъ рая.—Восходъ солнца.

Адамъ, Ева, Каинъ, Авель, Ада, Селла—на молитвѣ.

Адамъ. Іегова, Вѣчный, Мудрый, Безконечный!

Ты, Кто воззвалъ единымъ мощнымъ словомъ

Изъ мрака свѣтъ—хвала Тебѣ и слава!

На утрѣ дня—хвала Тебѣ и слава!

Ева. Іегова! Ты, Кто далъ намъ день, и утро

Впервые отдѣлилъ отъ тьмы, и воды

Съ водами разлучилъ, и назвалъ небомъ

Твердь между водъ—хвала Тебѣ и слава!

Авель. Иегова! Ты, Кто, раздѣлилъ стихии
На землю, воду, воздухъ и огонь,
Кто, сотворивъ свѣтила дня и ночи,
Создалъ и тѣхъ, которые могли бы
Любить Тебя, любить Твои созданья
И ликовать—хвала, хвала Тебѣ!

Ада. Иегова, Богъ! Отецъ всей сущей твари,
Создавшій человѣка всѣхъ прекраснѣй,
Достойнѣй всѣхъ земной любви, дозвожь мнѣ
Любить его!—Хвала, хвала Тебѣ!

Селла. Иегова! Ты, Кто, все благословляя,
Все сотворивъ и все любя, дозволилъ
Войти въ Эдемъ и погубить насъ змію,
Храни насъ впредь! Хвала Тебѣ и слава!

Адамъ. Мой первенецъ, а что же ты молчишь?

Каинъ. Что дѣлать мнѣ?

Адамъ. Молись.

Каинъ. Вѣдь вы молились.

Адамъ. Отъ всей души.

Каинъ. И громко: я васъ слышалъ.

Адамъ. Какъ и Творецъ, надѣюсь я.

Авель. Аминь.

Адамъ. Но ты молчишь, сынъ Каинъ.

Каинъ. Это лучше.

Адамъ. Скажи яснѣй.

Каинъ. Мнѣ не о чемъ молиться.

Адамъ. И нѣ за что быть благодарнымъ?

Каинъ. Нѣтъ.

Адамъ. Но ты живешь?

Каинъ. Чтобъ умереть?

Ева. О, горе!

Плодъ древа запрещеннаго созрѣлъ.

Адамъ. И мы опять должны его вкусить.

Зачѣмъ, о, Боже, далъ Ты древо знанья?

Каинъ. Зачѣмъ ты не вкусилъ отъ древа жизни?

Тогда бъ Онъ не страшилъ тебя.

Адамъ. О, Каинъ!

Не богохульствуй: это рѣчи змія.

Каинъ. Что жъ, змій не лгаль! дало же древо знанье;

Другое—жизнь дало бы. Жизнь есть благо,

И знаніе есть благо. Какъ же можетъ

Быть зломъ добро?

Ева. Мой сынъ, ты говоришь,

Какъ я, свершая грѣхъ свой, говорила:

Не дай его мнѣ видѣть возрожденнымъ
Въ твоёмъ грѣхѣ. Я примирилась съ небомъ.
Не дай мнѣ зрѣть, здѣсь, за вратами Рая,
Свое дитя въ той сѣти, что сгубила
Въ Раю его родителей. Доволенъ
Будь тѣмъ, что есть: довольствуйся мы раемъ,
И ты бѣ теперь доволенъ былъ. О, сынъ мой!

Адамъ. Молитва наша кончена, идемте
Къ своимъ трудамъ урочнымъ, не тяжелымъ,
Но все жѣ необходимымъ: нивы щедро
Намъ воздаютъ за малый трудъ.

Ева. Сынъ Каинъ,
Смотри, какъ онъ покоренъ и какъ бодръ:
Бери примѣръ. (Адамъ и Ева уходятъ).

Авель. Братъ, не гнѣви печалью
Предвѣчнаго: печаль безплодна.

Ада. Каинъ,
Ты и на Аду хмуришься?

Каинъ. Нѣтъ, Ада!
Но я одинъ побуду. Авель, мнѣ
Не по себѣ; но это не надолго.
Иди же, братъ. И вы идите, сестры.
Не должно нѣжностью грубостью встрѣчать:
Я буду вслѣдъ за вами.

Ада. Если жѣ нѣтъ,
Я за тобой вернусь сюда.

Авель. Да будетъ
Миръ надъ тобою, братъ! (Авель, Селла и Ада уходятъ).

Каинъ (одинъ). И это жизнь!
Трудись, трудись! Но почему я долженъ
Трудиться? Потому, что мой отецъ
Утратилъ рай. Но въ чемъ же я виновенъ?
Въ тѣ дни я не рожденъ былъ,—не стремился
Рожденнымъ быть,—родившись, не люблю
Того, что мнѣ дало мое рожденье.
Зачѣмъ онъ уступилъ женѣ и змію?
А уступивъ, за что страдаетъ? Древо
Росло въ Раю и было такъ прекрасно:
Кто жѣ долженъ былъ имъ пользоваться? Если
Не онъ, такъ для чего оно росло
Вблизи его? У нихъ на всѣ вопросы
Одинъ отвѣтъ: „Его святая воля,
А Онъ есть благъ“. Всесилень, такъ и благъ?
Зачѣмъ же благость эта наказуетъ

Смерть сдѣлать ненавистною мнѣ, кромѣ
Врожденной намъ привязанности къ жизни,
Презрѣнной, но ничѣмъ не побѣдимой:
Живя, я проклинаяю часъ рожденья
И презираю самого себя.

Люциферъ. Но ты живешь и будешь жить: не думай,
Что прахъ земной, что плоть твоя есть сущность.
Прахъ твой умретъ, а ты вѣкъ пребудешь
Тѣмъ, чѣмъ ты былъ.

Кайнъ. Чѣмъ былъ? Но и не больше?

Люциферъ. Быть-можетъ, ты подобенъ будешь намъ.

Кайнъ. А вы?

Люциферъ. Мы вѣчны.

Кайнъ. Счастливы?

Люциферъ. Могучи.

Кайнъ. Я говорю, вы счастливы?

Люциферъ. Мы—нѣтъ.

А ты?

Кайнъ. Взгляни!

Люциферъ. О, жалкій прахъ! Ты смѣешь
Считать себя несчастнымъ?

Кайнъ. Я несчастенъ.

А ты съ твоимъ могуществомъ—кто ты?

Люциферъ. Тотъ, кто дерзалъ съ твоимъ Творцомъ рав-
няться

И кто тебя такимъ не сотворилъ бы.

Кайнъ. Да, ты глядишь почти-что Богомъ. Ты...

Люциферъ. Но я не богъ и, не достигнувъ бога,
Хочу одно: самимъ собой остаться.

Онъ побѣдилъ,—пусть царствуетъ!

Кайнъ. Кто—Онъ?

Люциферъ. Творецъ земли, Творецъ людей...

Кайнъ. И неба

И сущаго на небѣ. Такъ поютъ

Архангелы, такъ говоритъ родитель.

Люциферъ. Они поютъ и говорятъ лишь то,

Что имъ велятъ. Ихъ устрашаетъ участь

Быть въ мѣрѣ тѣмъ, чѣмъ мы съ тобою стали:

Ты—межъ людей, я—межъ бессмертныхъ духовъ.

Кайнъ. А мы съ тобой—кто мы?

Люциферъ. Мы существа,

Дерзнувшія сознать свое бессмертье,

Вглянуть въ лицо всесильному Тирану,

Сказать Ему, что зло не есть добро.

Онъ говоритъ, что создалъ насъ съ тобою —
Я этого не знаю и не вѣрю,
Что это такъ, — но, если Онъ насъ создалъ,
Онъ насъ не уничтожитъ: мы безсмертны!
Онъ долженъ былъ безсмертными создать насъ,
Чтобъ мучить насъ: пусть мучить! Онъ великъ,
Но Онъ въ своемъ величїи несчастнѣй,
Чѣмъ мы въ борьбѣ. Зла не рождаетъ благо,
А Онъ родить одно лишь зло. Но пусть
Онъ на Своемъ престолѣ величавомъ
Творить міры, чтобъ облегчить Себѣ
Ни съ кѣмъ не раздѣленное безсмертье,
Пусть громоздитъ на звѣзды звѣзды: все же
Онъ одинокъ, тиранъ безсмертный. Если бъ
Онъ самого Себя могъ уничтожить,
То это былъ бы лучший даръ изъ всѣхъ
Его даровъ. — Но пусть царить, пусть страждетъ!
Мы, духи, съ вами, смертными, мы можемъ
Хоть сострадать другъ другу; мы, терзаясь,
Мученія другъ другу облегчаемъ
Сочувствіемъ: оно весь міръ связуетъ;
Но Онъ! въ Своемъ величїи несчастный,
Въ несчастїи не знающій отрады,
Онъ лишь творить, чтобъ безъ конца творить!

Кл. инъ. Ты говоришь о томъ, что хоть неясно,
Но ужъ давно въ моемъ умѣ носилось:
Я никогда не могъ согласовать
Того, что видѣлъ, съ тѣмъ, что говорятъ мнѣ.
Мать и отецъ толкуютъ мнѣ о змѣѣ,
О древѣ, о плодахъ его; я вижу
Врата того, что было ихъ Эдемомъ,
И ангеловъ съ палящими мечами,
Изгнавшихъ насъ изъ Рая; я томлюсь
Въ трудахъ и думахъ; чувствую, что въ мірѣ
Ничтоженъ я, межъ тѣмъ какъ мысль моя
Сильна, какъ Богъ! Но я молчалъ, я думалъ,
Что я одинъ страдаю. Мой отецъ
Давно смирился; въ матери угасла
Та искра, что влекла ее къ познанию;
Братъ бдитъ стада и совершаетъ жертвы
Изъ первенцевъ отъ этихъ стадъ Тому,
Кто повелѣлъ, чтобъ намъ земля давала
Плоды лишь за тяжелый трудъ; сестра
Поетъ Ему хвалы еще до солнца,

И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимаетъ мыслей,
Меня гнетущихъ: я еще не встрѣтилъ
Ни въ комъ себѣ сочувствія! Тѣмъ лучше:
Я съ духами въ сообщество вступлю.

Люциферъ. Ты этого сообщества достоинъ.
Иначе ты не видѣлъ бы меня:
Довольно было бѣ змѣя.

Кайнъ. А! Такъ это
Ты соблазнитель матери?

Люциферъ. Ничѣмъ,
Помимо правды, я не соблазняю.
Вѣдь вы вкусили знанія, вѣдь были
Плоды на древѣ жизни? Развѣ я
Давалъ запретъ вкушать отъ нихъ? И я ли
Растилъ плоды запретные къ соблазну
Существъ, душой невинныхъ, любопытныхъ
Въ своей святой невинности? Я бѣ создалъ
Богами васъ, а Онъ лишилъ васъ Рая,
„Чтобъ вы отъ древа жизни не вкусили
И не были, какъ боги“.—Таковы
Его слова.

Кайнъ. Ты правъ. Я это слышалъ
Отъ тѣхъ, кому они звучали въ громѣ.

Люциферъ. Такъ кто жѣ злой духъ? Тотъ, кто лишилъ
васъ жизни,
Иль тотъ, кто вамъ хотѣлъ дать жизнь, и радость,
И знаніе?

Кайнъ. Имъ нужно было оба
Сорвать плода, иль не срывать совсѣмъ.

Люциферъ. Одинъ ужъ вашъ; стремитесь къ другому.

Кайнъ. Но какъ?

Люциферъ. Сопротивляясь. Угасить
Ничто не можетъ духа, если хочетъ
Духъ быть самимъ собой и средоточьемъ
Всего, что окружаетъ духъ; онъ созданъ,
Чтобъ царствовать.

Кайнъ. Не ты ли соблазнилъ
Отца и мать?

Люциферъ. Я? Жалкій прахъ! Зачѣмъ мнѣ
Васъ соблазнять? И какъ?

Кайнъ. Мнѣ говорили,
Что змѣй былъ духъ.

Люциферъ. Кто это говоритъ?

Не жалкое ль тщеславье человека,
Что силится свалить свое паденье
На насъ, на духовъ? Змій былъ змій, не больше,
Но и не меньше тѣхъ, что соблазнились.

Онъ тоже прахъ, но онъ мудрѣ ихъ,
Затѣмъ, что побѣдилъ ихъ. Развѣ сталъ бы
Я принимать подобье смертной твари?

К а и н ъ. Но тварь въ себѣ скрывала злого духа.

Л ю ц и ф е р ъ. Нѣтъ, тварь его лишь разбудила въ тѣхъ,

Съ кѣмъ говорилъ языкъ ея коварный.

Я говорю, что змій былъ только змій:

Спроси у херувимовъ, стерегущихъ

Запретный плодъ. Когда вѣка вѣковъ

Пройдутъ надъ вашимъ прахомъ безглагольнымъ,

Потомки ваши баснею украсятъ

Вашъ первый грѣхъ и мнѣ припишутъ образъ,

Который презираю я, какъ все,

Что предъ Творцомъ склоняется, создавшимъ

Все сущее въ живыхъ для поклоненья

Передъ Его безсмертіемъ угрюмымъ.

Но мы—мы знаемъ истину и станемъ

Провозглашать лишь истину. Адамъ

Плѣненъ былъ пресмыкающейся тварью.

Но духъ не пресмыкается: чему

Завидовать въ предѣлахъ тѣсныхъ Рая

Владыкѣ безпредѣльнаго пространства?

Но я съ тобою рѣчь веду о томъ,

Чего ты, несмотря на древо знанья,

Не можешь знать.

К а и н ъ. Но укажи мнѣ то,

Чего я не хотѣлъ бы знать, не жаждалъ?

Л ю ц и ф е р ъ. Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?

К а и н ъ.

Ее

Никто еще не видѣлъ

Л ю ц и ф е р ъ.

Испытать же

Придется всѣмъ.

К а и н ъ.

Отецъ мой говоритъ

О ней, какъ о чудовищѣ; мать плачетъ.

При словѣ „смерть“; братъ Авель къ небесамъ

Возводитъ очи; Селла потупляетъ

Свой къ землѣ, шепча молитву; Ада

Глядитъ въ мои.

Л ю ц и ф е р ъ.

А ты?

К а и н ъ.

Когда я слышу

Объ этой всемогущей и, какъ видно,
Ничѣмъ неотвратимой смерти, думы
Несмѣтныя въ моемъ умѣ тѣснятъ
И жгутъ его. Возможно ль съ ней бороться?
Я мальчикомъ со львомъ боролся въ играхъ
И такъ сжималъ въ объятіяхъ его,
Что онъ ревѣлъ и обращался въ бѣгство.

Люциферъ. Смерть не имѣетъ образа, но все,
Что носить видъ земныхъ существъ, поглотить.

Кайнъ. Я смерть считалъ за существо. Что можетъ
Столь злостнымъ быть, помимо существа?

Люциферъ. Спроси у Разрушителя.

Кайнъ. Какого?

Люциферъ. Иль у Творца—зови его, какъ хочешь.

Вѣдь Онъ творить затѣмъ, чтобъ разрушать:

Кайнъ. Я этого не зналъ еще, но думалъ.

Почти-что то же самое, какъ только
Я услышалъ о смерти. Я не знаю,
Что значитъ смерть, но смерть мнѣ представлялась
Всегда ужаснымъ чѣмъ-то. Я нерѣдко
Вперялъ свой взоръ во тьму пустынной ночи,
Ища ее; я видѣлъ чьи-то тѣни
У райскихъ стѣнъ, во мракѣ, гдѣ пылаютъ
Мечи въ десницѣ ангеловъ, и жадно
Слѣдилъ за тѣмъ, что мнѣ казалось смертью,
Весь трепеща отъ страха и желанья
Увидѣть то, предъ чѣмъ мы всѣ трепещемъ.
Но мракъ былъ пустъ, и я свой взоръ усталый
Отъ стѣнъ родного Рая отвращалъ
Къ свѣтиламъ горнимъ, къ синему ээиру,
Къ его огнямъ, столь нѣжнымъ и прекраснымъ.
Ужели и они умрутъ?

Люциферъ. Быть-можетъ;

Но надолго всѣхъ васъ переживутъ.

Кайнъ. Я радъ. Но смерть! Смерть мнѣ внушаетъ тре-
петъ.

Она есть нѣчто грозное: но что же?

Она намъ всѣмъ, виновнымъ и невиннымъ,

Какъ зло была объявлена: какое?

Люциферъ. Вновь прахомъ стать.

Кайнъ. Стать неподвижнымъ прахомъ

Еще не зло; но только бы не быть

Ничѣмъ инымъ!

Люциферъ. Презрѣнное желанье!

Презрѣннѣй, чѣмъ желанія Адама:

Тотъ хотѣ стремился къ знанью,

Каинъ. Но не къ жизни;

Иначе почему онъ не вкусилъ

Отъ древа жизни?

Люциферъ. Изгнанъ былъ изъ Рая.

Каинъ. Ужасная ошибка! Онъ былъ долженъ

Сперва сорвать плодъ жизни, но, не зная

Добра и зла, не вѣдалъ онъ и смерти.

Увы! Я смерть узналъ еще такъ мало,

Но ужъ страшусь... того, чего не знаю.

Люциферъ. А я, познавшій все, ужъ не страшусь

Ни передъ чѣмъ. Вотъ истинное знанье.

Каинъ. Наставь меня.

Люциферъ. Съ условіемъ.

Каинъ. Какимъ?

Люциферъ. Нади и поклонись мнѣ, какъ владыкѣ.

Каинъ. Ты развѣ Богъ?

Люциферъ. Не Богъ.

Каинъ. Такъ равный Богу?

Люциферъ. О, нѣтъ, я не имѣю ничего

Съ Нимъ общаго—и не скорблю объ этомъ.

Я соглашусь быть чѣмъ угодно—выше

Иль даже ниже—только не слугою

Могущества Иеговы. Я не Богъ,

Но я великъ: не мало тѣхъ, что сердцемъ

Чтутъ власть мою,—ихъ будутъ сонмы; будь же

Изъ первыхъ—ты.

Каинъ. Я никогда еще

Предъ Божествомъ отца не преклонялся,

Хотя нерѣдко Авель умоляетъ,

Чтобъ мы свершали жертвы Богу вмѣстѣ.

Зачѣмъ же мнѣ склоняться предъ тобой?

Люциферъ. Ты никогда предъ Нимъ не преклонялся?

Каинъ. Ты развѣ не слыхалъ меня? И развѣ

Ты самъ не зналъ объ этомъ? Ты всевѣдущъ.

Люциферъ. Но не поклонникъ Бога—мой поклонникъ.

Каинъ. Я не хочу сгибаться ни предъ кѣмъ.

Люциферъ. Ты все же мой: непоклоненье Богу

Есть поклоненье мнѣ.

Каинъ. Скажи яснѣе.

Люциферъ. Ты самъ поймешь—со временемъ.

Каинъ. Открой

Мнѣ тайну моего существованья.

Люциферъ. Иди за мной.

Каинъ. Мнѣ нужно на работу.

Я обѣщаль...

Люциферъ. Что обѣщаль?

Каинъ. Для жертвы

Набрать плодовъ.

Люциферъ. Не ты ли говорилъ,

Что предъ Творцомъ ни разу не склонялся?

Каинъ. Но Авель угросилъ меня. Вѣдь жертву

Свершу не я—скорѣе онъ. И Ада...

Люциферъ. Чѣмъ ты смущенъ?

Каинъ. Она моя сестра,

Мы рождены однимъ и тѣмъ же чревомъ

Въ одинъ и тотъ же день: она слезами

Исторгла обѣщанье у меня.

Я все готовъ перенести для Ады,

Я преклонюсь предъ чѣмъ угодно, лишь бы

Въ слезахъ ея не видѣть.

Люциферъ. Такъ иди

Вослѣдъ за мной.

Каинъ. Духъ, я иду.

Ада (входя). Братъ Каинъ!

Я за тобой: ужъ полдень,—наступаетъ

Часъ отдыха и радости, и намъ

Недостаетъ тебя. Ты не работалъ,

Но я твой трудъ исполнила; созрѣли

Твои плоды и блещутъ, точно солнце.

Идемъ.

Каинъ. Иль ты не видишь?

Ада. Вижу—ангелъ.

Мы видимъ ихъ нерѣдко. Онъ раздѣлитъ

Часъ нашего полдневнаго досуга?

Каинъ. Онъ не похожъ на ангеловъ, которыхъ

Мы видѣли.

Ада. Есть развѣ и другіе?

Но и ему мы будемъ рады—такъ же,

Какъ и другимъ: тѣ не гнушались нами.

Каинъ (Люциферу). Идешь ли ты?

Люциферъ. Иди за мной.

Каинъ. Я долженъ

Итти за нимъ.

Ада. И насъ покинуть?

Каинъ. Да.

Ада. И даже Аду?

Каинъ.

Ада!

Ада.

Такъ позволь мнѣ

Итти съ тобой!

Люциферъ. Нѣтъ, онъ пойдетъ одинъ.

Ада. Кто ты, разъединяющій такъ властно

Сердца людей?

Каинъ.

Онъ Богъ.

Ада.

А кто объ этомъ

Тебѣ сказалъ?

Каинъ.

Онъ говоритъ, какъ Богъ.

Ада. Такъ говорилъ и лживый змій.

Люциферъ.

Нѣтъ, Ада,

Змій вамъ не лгалъ: дало же древо знанья

Познаніе.

Ада.

На горе намъ!

Люциферъ.

О, да.

Но это горе—знаніе, и, значить,

Змій вамъ не лгалъ; онъ истиной прельстилъ васъ,

А истина, по существу, есть благо.

Ада. Но истина несетъ намъ только бѣды:

Изгнаніе изъ нашего пріюта,

Тяжелый трудъ, душевный гнетъ и страхъ,

Томленіе о прошломъ и надежды

На то, что не вернется. Не ходи

За этимъ духомъ, Каинъ! Примиришь

Съ своей судьбой, какъ мы съ ней примирились,

Люби меня, какъ я тебя люблю.

Люциферъ. Сильнѣй отца и матери?

Ада.

Сильнѣе!

Но развѣ это тоже смертный грѣхъ?

Люциферъ. Пока — не грѣхъ; но будетъ имъ — въ гря-

дущемъ,

Для вашего потомства.

Ада.

Какъ! Ужели

Любить Эноха дочь моя не будетъ?

Люциферъ. Не такъ, какъ Ада—Каина.

Ада.

О, Боже!

Ужель они не будутъ ни любить,

Ни жизнь давать созданьямъ, что возникли бѣ

Изъ ихъ любви, чтобъ вновь любить другъ друга?

Но развѣ не питаются они

Одною грудью? Развѣ не родился

Онъ, ихъ отецъ, въ одинъ и тотъ же часъ

Со мной отъ лона матери? И развѣ

Не любимъ мы другъ друга и любовью
Не множимъ тѣхъ, что будутъ такъ же нѣжно
Любить, какъ мы ихъ любимъ?—какъ люблю я
Тебя, мой братъ? Нѣтъ, не ходи за нимъ—
За этимъ духомъ: это духъ—намъ чуждый.

Люциферъ. Но я не говорилъ тебѣ, что ваша
Любовь есть грѣхъ: она преступной будетъ
Въ глазахъ лишь тѣхъ, что васъ замѣнятъ въ жизни.

Ада. Такъ, значитъ, добродѣтель и порокъ
Зависятъ отъ случайности? Тогда
Мы всѣ—рабы.

Люциферъ. Рабами даже духи
Могли бы стать, не предпочти они
Свободныхъ мукъ бряцанію на арфахъ
И низкимъ восхваленіямъ Іеговы
За то, что Онъ, Іегова, всемогущъ
И не любовь внушаетъ имъ, а ужасъ.

Ада. Кто всемогущъ, тотъ и всеблагъ.

Люциферъ. Такимъ ли
Онъ былъ въ Раю?

Ада. Врагъ! Не смущай меня
Своею красотою; ты прекраснѣй,
Чѣмъ демонъ змій, но такъ же лживъ.

Люциферъ. Правдивъ.
Спроси у вашей матери, у Евы:
Солгалъ ли змій?

Ада. О, мать! Твое паденье
Для чадъ твоихъ губительнѣе было,
Чѣмъ для тебя; ты провела хоть юность
Въ Эдемѣ, въ беззаботномъ и блаженномъ
Общениі съ блаженными; а насъ,
Не вѣдавшихъ Эдема, обступаютъ
Враги, что лишь присвоили себѣ
Слова Творца и соблазняютъ наши
Мятущаяся души нашей жадной,
Неутоленной мыслью, какъ тебя
Змій соблазнилъ на лонѣ беззаботныхъ,
Невинныхъ, юныхъ радостей твоихъ!
Безсмертному, стоящему предъ нами,
Я не могу отвѣтить, не могу
Проклясть его; я съ сладостной боязнью
Любуюсь имъ—и не могу бѣжать:
Въ его глазахъ—таинственная прелесть,
И я не въ силахъ взора отвести

Отъ этихъ глазъ; въ груди трепещетъ сердце,
Мнѣ страшно съ нимъ, но онъ влечётъ меня,
Влечетъ къ себѣ все ближе... Каинъ! Каинъ!
Спаси меня!

Каинъ. Не бойся: онъ не демонъ.

Ада. Но и не Богъ, не ангелъ Божій: я

Видала херувимовъ, серафимовъ;

Онъ не похожъ на нихъ.

Каинъ. Есть духи выше:

Архангелы.

Люциферъ. Еще есть выше.

Ада. Есть,

Но развѣ тѣ блаженны?

Люциферъ. Если рабство

Равняется блаженству—не блаженны.

Ада. Я слышала, что нѣжны—серафимы,

А мудры—херувимы. Духъ, ты—мудрый,

Ты—херувимъ, тебѣ любовь чужда.

Люциферъ. Когда любовь отъ знанья гибнетъ,—кѣмъ же

Быть долженъ тотъ, кого, узнавъ, не любишь?

Всезнающимъ и мудрымъ херувимамъ

Любовь чужда; такъ, значитъ, серафимы

Лишь по незнанью любятъ. Что любовь

Несовмѣстима съ знаніемъ, мы видимъ:

Примѣръ—судьба Адама. Выбирайте

Межъ знаньемъ и любовью,—вѣдь другого

Нѣтъ выбора. Адамъ уже избралъ:

Онъ почитаетъ Бога лишь изъ страха.

Ада. О, Каинъ! Избери любовь.

Каинъ. Съ любовью

Къ тебѣ, сестра, я былъ рожденъ. Но больше

Я ничего на свѣтѣ не люблю.

Ада. А мать, отецъ?

Каинъ. Они насъ не любили,

Срывая плодъ, лишившій насъ Эдема.

Ада. Мы не были въ то время рождены,

А если бы и были—неужели

Мы не должны любить ихъ такъ же нѣжно,

Какъ любимъ мы своихъ малютокъ, Каинъ?

Каинъ. Мои едва лепечущія крошки!

Будь я увѣренъ въ счастье ихъ, я могъ бы

Почти простить... Но это не простится

Черезъ тысячи столѣтій! Никогда

Любить не будутъ память челоуѣка,
Что сѣмя челоуѣческаго рода
И сѣмя зла посѣять могъ въ одинъ
И тотъ же часъ. Онъ палъ, но мало было
Ему своихъ страданій: онъ зачалъ
Меня, тебя, всѣхъ насъ,—пока немногихъ,
И весь безмѣрный, безконечный рядъ,
Мирьяды, сонмы тѣхъ, что народятся
Для новыхъ, горшихъ мукъ, и чѣмъ отцомъ
Быть долженъ я! Твоя любовь и юность,
Моя любовь и радость, мигъ блаженства,
Мгновеніе покоя, все, что любимъ
Мы въ дѣтяхъ и другъ въ другъ—все ведетъ
И насъ и ихъ путемъ грѣха и скорби,
Лишь изрѣдка даруя мигъ отрады,
Къ невѣдомому—смерти. Древо знанья
Насъ обмануло: грѣхъ свершенъ, но все ли
Познали мы о жизни и о смерти?
Мы знаемъ лишь одно: что мы несчастны.

Ада. Я не несчастна, Каинъ, и когда бы
Ты счастливъ былъ...

Каинъ. Будь счастлива одна,
Я не нуждаюсь въ томъ, что унижаетъ
Во мнѣ мой духъ.

Ада. Одна я не хочу
И не могу быть счастлива; но съ тѣми,
Что близки мнѣ, я думаю, могла бы!
Я не смущаюсь смерти, непонятной
И потому не страшной мнѣ, хотя
Она и страшной кажется, какъ часто
Приходится мнѣ слышать.

Люциферъ. Такъ одна
Ты счастлива не можешь быть?

Ада. Но кто же
Одинъ бы могъ быть счастливъ или добръ?
Одна! но мнѣ мое уединенье
Всегда грѣхомъ казалось, если я
Не чаяла, что скоро встрѣчусь съ близкимъ.

Люциферъ. Но Богъ твой одинокъ: такъ неужели
Не счастливъ Онъ, не добръ?

Ада. Онъ не одинъ:
Есть ангелы и смертные,—Онъ счастливъ,
Даруя счастье ангеламъ и смертнымъ.
Вѣдь радость въ томъ, чтобъ радовать другихъ.

Люциферъ. А твой отецъ,—давно ли изъ Эдема
Былъ изгнанъ онъ? А Каинъ? Ты сама?
Спокойна ли душа твоя?

Ада. Увы!

Но ты—вѣдь ты не ангель?

Люциферъ. Нѣтъ, не ангель.

А почему—спроси у всеблагаго,
Всесильнаго Создателя вселенной:
Онъ знаетъ тайну эту. Мы смирились,
Другіе воспротивились—и тщетно,
Какъ говорятъ намъ ангелы. По мнѣ же,
Не тщетно, нѣтъ,—разъ лучше быть не можетъ.
Есть въ духѣ мудрость,—мудрость же влечетъ
Духъ къ истинѣ, какъ сквозъ разсвѣтнѣй сумракъ
Вашъ взоръ влечетъ далекій блескъ денницы.

Ада. Она прекрасна; я ее люблю
За красоту.

Люциферъ. Боготворишь иль любишь?

Ада. Отецъ боготворитъ лишь одного
Незримаго.

Люциферъ. Незримое являетъ
Себя въ-прекрасныхъ символахъ. А эта
Звѣзда есть вождь небесной звѣздной рати.

Ада. Отецъ и Бога видѣлъ.

Люциферъ. Да. А ты?

Ада. Я видѣла Творца въ Его твореньяхъ.

Люциферъ. А въ существѣ?

Ада. Нѣтъ; развѣ лишь въ отцѣ,
Который есть подобіе Иеговы,
Иль въ ангелахъ, столь на тебя похожихъ.
Ихъ образъ лучезарнѣе, чѣмъ твой,
Хотя не такъ онъ властенъ и прекрасенъ:
Какъ тихій полдень, свѣтомъ напоенный,
Они на насъ взираютъ, ты же—ночь,
Ночной эфиръ, гдѣ облака, бѣлѣя,
Сквозятъ на темномъ пурпурѣ, а звѣзды
Лучистыми огнями испещряютъ
Таинственный и дивный сводъ небесъ.
Несмѣтныя, мерцающія нѣжно,
Но такъ къ себѣ влекущія, онѣ
Мои глаза слезами наполняютъ,
Какъ ты теперь. Ты кажешься несчастнымъ;
Не дѣлай насъ такими же! Ты видишь—
Я плачу о тебѣ.

Люциферъ. О, эти слезы!

Когда бъ ты знала, сколько ихъ прольется!

Ада. Мной?

Люциферъ. Всѣми.

Ада. Кѣмъ?

Люциферъ. Мирьядами мирьядтъ,
Мильонами мильоновъ,—всей землею,
Опустошенной, снова населенной,
И адомъ переполненнымъ, чье сѣмя
Въ твоей груди.

Ада. О, Каинъ! Этотъ духъ
Насъ проклинаетъ.

Каинъ. Онъ меня ведетъ.

Ада. Ведетъ—куда?

Люциферъ. Туда, гдѣ онъ пробудетъ
Лишь только часъ, но гдѣ увидитъ то,
Что создано несчетными вѣками.

Ада. Возможно ль это?

Люциферъ. Развѣ вашъ Создатель
Въ шесть дней не создалъ міръ вашъ изъ обломковъ
Былыхъ міровъ? И развѣ я, помощникъ
Въ Его созданьи міра, не могу
Въ часъ показать того, что создавалъ Онъ
Иль разрушалъ въ часы?

Каинъ. Веди меня.

Ада. Но черезъ часъ вернется онъ?

Люциферъ. Вернется.
Мы временемъ не связаны. Я вѣчность
Могу вмѣстить въ единое мгновенье
И превратить мгновенье въ вѣчность. Духи
Свое существованье измѣряютъ
Не тѣмъ, чѣмъ вы. Но это тайна.—Каинъ!
Иди за мной.

Ада. Но онъ ко мнѣ вернется?

Люциферъ. Да, женщина. Онъ первый и послѣдній,
За исключеньемъ только Одного,
Изъ этихъ мѣстъ вернется, чтобы сдѣлать
Ихъ міръ, еще безмолвный и пустынный,
Такимъ же населеннымъ, какъ и землю.

Ада. Гдѣ ты живешь?

Люциферъ. Въ пространствѣ. Гдѣ могу
Я обитать? Тамъ, гдѣ твой Богъ, иль Боги.
Все въ мірѣ раздѣлилъ я: вѣчность, время,
Жизнь, смерть, пространство, землю, небо

И то, что ни земля, ни небо—миръ,

Который населенъ и населится

Отъ тѣхъ, что населяли иль населятъ

То и другое: вотъ мои владѣнья.

Я раздѣлилъ съ Нимъ царство и владѣю

Еще и тѣмъ, гдѣ Онъ не властенъ. Если бъ

Я не былъ столь могущественъ, то развѣ

Я былъ бы здѣсь? Здѣсь ангелы витаютъ.

А д а. Но ангелы витали и въ Раю,

Гдѣ говорилъ лукавый змій.

Люциферъ.

Ты слышалъ

Призывъ мой, Каинъ? Если жаждемъ знанья,

Иди за мною—жажда утолится,

И даже безъ запретнаго плода,

Способнаго лишить тебя навѣки

Единственнаго блага, что оставилъ

Тебѣ мой Врагъ. Иди за мною, Каинъ.

Каинъ. Духъ, я иду.

(Люциферъ и Каинъ уходятъ).

А д а (вослѣдъ имъ). О, Каинъ! Братъ мой! Каинъ!

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Бездна пространства.

Люциферъ и Каинъ.

Каинъ. Не падая, я воздухъ попираю,

Хотя боюсь, что упаду.

Люциферъ.

Не бойся—

Довѣрься мнѣ, владыкѣ этой бездны.

Каинъ. Но развѣ вѣра въ духа не грѣховна?

Люциферъ. Сомнѣнье—гибель, вѣра—жизнь. Таковъ

Уставъ Того, Кто именуется бѣсомъ

Меня предъ сонмомъ ангеловъ, они же

Передаютъ названье это тварямъ,

Которымъ непонятно то, что выше

Ихъ жалкихъ чувствъ, которыя трепещутъ

Велѣній господина и считаютъ

Добромъ иль зломъ все, что прикажетъ Онъ.

Я въ рабствѣ не нуждаюсь. Ты увидишь

За тѣсною гранью маленькаго міра,

Гдѣ ты рожденъ, несмѣтные міры,
И я не обреку тебя на муки
За страхи и сомнѣнья. Будетъ день —
И человекъ, несомый водной хлябью,
Другому скажетъ: *въруй и гряди* —
И тотъ пойдетъ по хляби неврединю.
Я вѣры, какъ условія спасенья,
Не требую. Лети со мной, какъ равный,
Надъ бездною пространства, — я открою
Тебѣ живую лѣтопись міровъ
Прошедшихъ, настоящихъ и грядущихъ.

К а и н ъ. О, богъ, иль бѣсъ — кто бѣ ни былъ ты: что это?
Ужель земля?

Л ю ц и ф е р ъ. Ты не узналъ земли?
Той персти, изъ которой ты былъ созданъ?

К а и н ъ. Какъ! Этотъ кругъ, синѣющій въ зѣирѣ
Вблизи кружка, похожаго на то,
Что ночью освѣщаетъ нашу землю,
И есть нашъ Рай? А гдѣ же стѣны Рая?
И тѣ, что стерегутъ ихъ?

Л ю ц и ф е р ъ. Покажи
Мнѣ мѣсто Рая.

К а и н ъ. Это невозможно!
Чѣмъ дальше мы уносимся впередъ,
Тѣмъ кругъ земли становится все меньше
И, уменьшаясь, свѣтится вдали
Все ярче серебристымъ звѣзднымъ свѣтомъ.
Мы съ быстротою солнечныхъ лучей
Летимъ впередъ, и онъ ужъ начинаетъ
Теряться средъ безчисленнаго сонма
Окрестныхъ звѣздъ.

Л ю ц и ф е р ъ. Но что бы ты подумалъ,
Когда бѣ узналъ, что есть міры громаднѣй,
Чѣмъ міръ земной, что есть созданья выше,
Чѣмъ человекъ, что ихъ число несмѣтно,
Что всѣ они на смерть обречены
И всѣ живутъ, всѣ страждутъ?

К а и н ъ. Я бѣ гордился
Своимъ умомъ, постигнувшимъ все это.

Л ю ц и ф е р ъ. А если духъ твой скованъ отъ рожденья
Тяжелой, грубой плотью, если онъ,
Столь гордый тѣмъ, что знаетъ, жаждетъ новыхъ,
Все новыхъ, высшихъ знаній, а межъ тѣмъ
Не побѣдитъ ничтожнѣйшихъ, грубѣйшихъ,

Мерзѣйшихъ нуждъ, и высшею отрадой
 Считаешь только сладостный и грязный,
 Безъ мѣры истомляющій обманъ,
 Влекущій къ созиданію лишь новыхъ
 Несмѣтныхъ душъ, несмѣтныхъ тѣлъ, съ рожденья
 Приговоренныхъ къ смерти?

Каинъ. Духъ! я знаю
 О смерти только то, что смерть ужасна,
 Что смерть—нашъ общій горестный удѣлъ,
 Какъ слышалъ я отъ матери, которой
 Обязаны мы смертию вмѣстѣ съ жизнью.
 Но если такъ, дай умереть мнѣ, духъ!
 Вѣдь быть отцомъ созданій, обреченныхъ
 На жизнь среди страданій и на гибель,
 Не все ль равно, что смерть плодитъ и въ мірѣ
 Распространяетъ злодѣйство?

Люциферъ. Ты не можешь
 Весь умереть: есть нѣчто, что бессмертно.

Каинъ. Богъ это скрылъ, изгнавъ отца изъ Рая
 И заклеивъ зловѣщимъ знакомъ смерти
 Его чело. Но пусть во мнѣ погибнетъ
 Хоть смертное, чтобъ въ остальномъ я былъ
 Какъ ангелы.

Люциферъ. Я ангельскаго чина:
 Ты хочешь быть такимъ, какъ я?

Каинъ. Но кто ты?

Я вижу только мощь твою и то,
 Что ты мнѣ открываешь міръ, гнетущій
 Величіемъ мою земную мощь
 И все же не превысившій желаній
 И думъ моихъ.

Люциферъ. О, гордые желанья,
 Которыя такъ скромно раздѣляютъ
 Юдоль червей!

Каинъ. А ты,—ты раздѣляешь
 Обитатели съ бессмертными,—ты развѣ
 Не кажешься печальнымъ?

Люциферъ. Я печаленъ.
 Итакъ, скажи: ты хочешь быть бессмертнымъ?

Каинъ. Ты говоришь, что я имъ *долженъ* быть.
 Я этого не зналъ еще, но если
 Должно такъ быть, то я хочу извѣдать
 Бессмертіе заранѣ.

Люциферъ. Ты извѣдалъ.

Кайнъ. Когда и какъ?

Люциферъ. Страдая.

Кайнъ. Но страданья

Должны быть вѣчны?

Люциферъ. Это мы узнаемъ,—

Мы и твои потомки. Но взгляни:

Какъ все полно величія!

Кайнъ. О, дивный,

Невыразимо дивный міръ! И вы,

Несмѣтныя, растущія безъ мѣры

Громады звѣздъ! Скажите: что такое

И сами вы, и эта голубая

Безбрежная воздушная пустыня,

Гдѣ кружитесь вы въ бѣшеное весельѣ,

Какъ листья вдоль прозрачныхъ рѣкъ Эдема?

Исчислены ль пути для васъ? Иль вы

Стремитесь въ даль, сжимающую душу

Своею безконечностью, свободно?

Творецъ! Творцы! Иль я не знаю—кто!

Какъ дивны вы и какъ прекрасны ваши

Созданія! Пусть я умру, какъ атомъ,—

Быть-можетъ, умираетъ онъ!—иль ваше

Величье постигну! Мысль моя

Достойна васъ, хоть прахъ и недостойнъ.

Духъ! Дай мнѣ умереть, иль покажи

Мнѣ ближе ихъ.

Люциферъ. Ты развѣ къ нимъ не близокъ?

Взгляни на землю.

Кайнъ. Гдѣ она? Я вижу

Лишь сонмы звѣздъ.

Люциферъ. Гляди сюда.

Кайнъ. Не вижу.

Люциферъ. Но приглядись: она еще мерцаетъ.

Кайнъ. Вонъ тамъ?

Люциферъ. Да, тамъ.

Кайнъ. Возможно ли? Я видѣлъ

Ночной порой въ лугахъ и въ темныхъ рощахъ

Свѣтящихся мухъ: онѣ сверкали ярче,

Чѣмъ этотъ міръ, который ихъ питаетъ.

Люциферъ. Ты видѣлъ и міры и свѣтляковъ,—

Тѣ и другіе искрятся,—что жъ скажешь

Ты мнѣ о нихъ?

Кайнъ. Скажу, что и міры

И свѣтляки, по-своему, прекрасны,

И что полетъ ночной ничтожной мушки
И мощный бѣгъ безсмертнаго свѣтила
Равно руководимы...

Люциферъ. Кѣмъ?

Каинъ. Открой мнѣ.

Люциферъ. И ты взглянуть дерзнулъ бы?

Каинъ. Какъ мнѣ знать,

На что взглянуть дерзну я? Ты пока
Не показалъ мнѣ ничего такого,
Чтобъ не дерзнулъ я бѣльшаго увидѣть.

Люциферъ. Къ чему тебя влекло всего сильнѣе?

Каинъ. Къ тому, чего я никогда не вѣдалъ
И вѣдать бы не долженъ—къ тайнѣ смерти.

Люциферъ. Я покажу отжившихъ и умершихъ,
Какъ показалъ безсмертныхъ.

Каинъ. Покажи.

Люциферъ. Тогда впередъ на нашихъ мощныхъ крыльяхъ!

Каинъ. О, какъ мы разсѣваемъ воздухъ! Звѣзды
Скрываются отъ нашихъ глазъ! Земля!
Гдѣ ты, земля? Дай мнѣ взглянуть на землю.
Я сынъ ея.

Люциферъ. Земли уже не видно.
Предъ вѣчностью она гораздо меньше,
Чѣмъ ты предъ ней. Но ты съ землею связанъ
И скоро къ ней вернешься. Прахъ земной—
Часть нашего безсмертія.

Каинъ. Куда же

Лежитъ нашъ путь?

Люциферъ. Къ тому, что только призракъ
Былыхъ міровъ, земля же ихъ обломокъ.

Каинъ. Такъ міръ не новъ?

Люциферъ. Не болѣе, чѣмъ жизнь.

А жизнь древнѣй, чѣмъ ты, чѣмъ я, и даже
Древнѣй Того, что выше насъ съ тобою.

Есть многое, что никогда не будетъ

Имѣть конца; а то, что домогалось

Считаться не имѣющимъ начала,

Имѣетъ столь же низкое, какъ ты;

И многое великое погибло,

Чтобъ мѣсто дать ничтожному,—такому,

Что и помыслить трудно: ибо въ мірѣ

Лишь время и пространство неизмѣнны,

Хотя и перемѣны только праху

Приносятъ смерть. Ты—прахъ, ты не постигнешь

Того, что выше праха, и увидишь.

Лишь то, что было прахомъ.

К а и н ь. Только прахомъ!

Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Л ю ц и ф е р ь. Тогда—впередъ!

К а и н ь. Какъ быстро меркнуть звѣзды!

А вѣдь онѣ казались мнѣ мірами,

Когда мы приближались къ нимъ.

Л ю ц и ф е р ь. Онѣ

И есть міры.

К а и н ь. И есть на нихъ эдемы?

Л ю ц и ф е р ь. Быть-можетъ, есть.

К а и н ь. И люди?

Л ю ц и ф е р ь. Есть и люди.

Иль существа, что выше ихъ.

К а и н ь. И змѣи?

Л ю ц и ф е р ь. Разъ люди есть—какъ имъ не быть? И развѣ

Дышать должны ходячія лишь твари?

К а и н ь. Какъ быстро меркнуть звѣзды вслѣдъ за нами!

Куда летимъ мы?

Л ю ц и ф е р ь. Къ міру привидѣній,

Существъ, еще не жившихъ и отжившихъ.

К а и н ь. Но мракъ растетъ—всѣ звѣзды ужъ исчезли.

Л ю ц и ф е р ь. Но ты, однако, видишь.

К а и н ь. Жуткій сумракъ!

Ни яркихъ звѣздъ, ни солнца, ни луны,

И все же въ этомъ сумракѣ я вижу

Какія-то угрюмыя громады,

Но только не похожія на тѣ,

Которыя свѣтились въ пространствѣ.

Своими ореолами и были,

Какъ мнѣ тогда казалось, полны жизни.

На тѣхъ, сквозь ихъ сіяніе, я видѣлъ

Глубокія долины, выси горъ

И водныя безбрежныя равнины;

Вкругъ тѣхъ сіяли огненные кольца

И диски лунъ, напоминая землю;

А здѣсь все страшно, сумрачно!

Л ю ц и ф е р ь. Но ясно.

Ты ищешь смерть увидѣть и умершихъ?

К а и н ь. Разъ грѣхъ Адама предалъ всѣхъ насъ смерти,

То я хочу заранѣе увидѣть

То, что мы всѣ увидимъ поневолѣ

Когда-нибудь.

Люциферъ. Смотри.

Кайнъ. Поведу нравъ!

Люциферъ. И вѣчный нравъ; но мы съ тобой раскроемъ
Врата его.

Кайнъ. Гигантскими клубами
Катится паръ—откуда онъ?

Люциферъ. Войди.

Кайнъ. Вернусь ли я?

Люциферъ. Не сомнѣвайся въ этомъ.
Вѣдь кто наполнить долженъ царство смерти?
Ты и твой родъ. Оно еще такъ пусто
Въ сравненьи съ тѣмъ, чѣмъ будетъ.

Кайнъ. Облака
Все шире разступаются предъ нами,
Кругами обвивая насъ.

Люциферъ. Входи.

Кайнъ. А ты?

Люциферъ. Входи. Ты безъ меня не могъ бы
Проникнуть въ царство призраковъ. Смѣлѣе! (Исчезаютъ
въ облакахъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Царство смерти.

Люциферъ и Кайнъ.

Кайнъ. Какъ молчаливъ, какъ необъятенъ этотъ
Угрюмый мiръ! Онъ населенъ обильнѣй,
Чѣмъ даже тѣ горящія громады,
Которыя въ воздушныхъ безднахъ блещутъ
Въ такомъ несмѣтномъ множествѣ, что я
Сперва считалъ ихъ за какихъ-то свѣтлыхъ
Небесныхъ обитателей. Но какъ
Здѣсь сумрачно, какъ все напоминаетъ
Угасшій день!

Люциферъ. Здѣсь царство смерти. Хочешь
Увидѣть смерть?

Кайнъ. Я не могу отвѣтить,
Не вѣдая, что значитъ смерть. Но если
Отецъ мой правъ... О, Боже! Я подумать
Страшусь о ней! Будь проклятъ тотъ, кто далъ
Мнѣ бытiе, ведущее лишь къ смерти!

Люциферъ. Ты проклинаешь мать, отца?

Кайнъ. Но развѣ

Они меня не проклиали, дерзнувши
Вкусить отъ древа знанія?

Люциферъ. Ты правъ:

Межъ вами обоюдное проклятье.

Но твой Энохъ, твой братъ?

Кайнъ. Они должны

Дѣлить мое проклятіе со мною,

Родителемъ и братомъ ихъ. Что принялъ

Въ наслѣдство самъ, то имъ и завѣщаю.

О, безконечный и угрюмый міръ

Скользящихъ тѣней, призраковъ-гигантовъ,

То явственныхъ, то смутныхъ, но всегда

Печальныхъ и величественныхъ,—что ты?

Жизнь или смерть?

Люциферъ. И жизнь и смерть.

Кайнъ. Но что же

Тогда есть смерть?

Люциферъ. А развѣ не сказалъ вамъ

Создатель вашъ, что смерть—другая жизнь?

Кайнъ. Мы отъ Него пока одно узнали—

Что мы умремъ.

Люциферъ. Придетъ, быть-можетъ, день,

Когда Онъ вамъ раскроетъ тайну эту.

Кайнъ. Счастливый день!

Люциферъ. О, да! Вѣдь эта тайна

Откроется въ невыразимыхъ мукахъ,

Соединенныхъ съ вѣчной адской мукой,

Еще не нарожденнымъ, что родятся

Лишь для нея—для этой вѣчной муки.

Кайнъ. Какъ величавы тѣни, что витаютъ

Вокругъ меня! Въ нихъ незамѣтно сходства

Ни съ духами, которыхъ видѣлъ я

На стражѣ заповѣдныхъ вратъ Эдема,

Ни съ смертными—съ моимъ отцомъ и братомъ,

Со мной самимъ, съ моей сестрой, съ женою,

А между тѣмъ, отличные отъ духовъ

И отъ людей своимъ неостижимымъ,

Невиданнымъ мной обликомъ, они,

Безплотнымъ уступая, превышаютъ

Людей и красотою горделивой,

И мощью, и величіемъ. У нихъ

Нѣтъ крыльевъ, какъ у ангеловъ, нѣтъ лица,

Какъ у людей, нѣтъ мощныхъ формъ животныхъ,

Нѣтъ ничего подобнаго тому,

Что видѣлъ я; они въ себѣ вмѣщаютъ
Всю красоту прекраснѣйшихъ, сильнѣйшихъ
Земныхъ существъ, но такъ не схожи съ ними,
Что я не знаю—были ли они
Когда-нибудь живыми существами?

Люциферъ. Когда-то были.

Каинъ.

Были? Гдѣ?

Люциферъ.

Гдѣ ты

живешь.

Каинъ. Когда?

Люциферъ. Когда владѣли міромъ,

Который называешь ты землей.

Каинъ. Но въ этомъ мірѣ первый—мой родитель.

Люциферъ. Изъ васъ онъ, правда, первый, но изъ нихъ

Онъ даже не достоинъ быть послѣднимъ.

Каинъ. А кто они?

Люциферъ.

Они есть то, чѣмъ будутъ

Всѣ смертные.

Каинъ.

А были чѣмъ?

Люциферъ.

Живыми,

Великими, разумными,—во всемъ

Настолько превывавшими Адама,

Насколько сынъ Адама превываетъ

Своихъ потомковъ будущихъ.

Каинъ.

Увы!

И всѣ они погибли, всѣ исчезли

Съ лица земли?

Люциферъ. Съ лица *своей* земли,

Какъ нѣкогда и ты съ *своей* исчезнешь.

Каинъ. Но ты сказалъ, что прежде ихъ землею

Была моя?

Люциферъ. Была.

Каинъ.

Но измѣнилась.

Моя земля для нихъ была бы слишкомъ

Ничтожна.

Люциферъ. Да, она при нихъ была

Прекраснѣе.

Каинъ.

И почему такъ пала?

Люциферъ. Спроси Его.

Каинъ.

Но какъ Онъ это сдѣлалъ?

Люциферъ. Смѣшаніемъ стихій, преобразившихъ

Лицо земли. Но дальше,—созерцай

Минувшее.

Каинъ.

Минувшее ужасно!

Люциферъ. Но истинно. Смотри на эти тѣни:
Онѣ когда-то жили и дышали,
Какъ ты теперь.

Каинъ. И нѣкогда я буду
Подобенъ имъ?

Люциферъ. На это пусть отвѣтитъ
Создатель вашъ. Я показалъ, чѣмъ стали
Предшественники ваши. Созерцай ихъ,
Иль, если это тяжело для тебя,
Вернись къ землѣ, къ своимъ трудамъ: ты будешь
Перенесенъ на землю невредимо.

Каинъ. Я здѣсь останусь.

Люциферъ. Надолго?

Каинъ. Навѣки.

Я все равно сюда вернуться долженъ,
Мнѣ тяжело жить на землѣ: такъ лучше
Остаться здѣсь.

Люциферъ. Но это невозможно:
Миръ призраковъ—дѣйствительность, а ты
Теперь ихъ созерцаешь какъ видѣнье.
Чтобъ раздѣлить обитель ихъ, ты долженъ
Войти сюда вратами смерти—такъ же,
Какъ и они.

Каинъ. Какими же вратами
Входили мы?

Люциферъ. Моими. Ты на землю
Вернуться долженъ; въ царствѣ бездыханныхъ
Ты дышишь только мною. Не мечтай же
Остаться въ немъ, пока твой часъ не пробилъ.

Каинъ. А вотъ они,—скажи, они не могутъ
На землю возвратиться?

Люциферъ. Ихъ земля
Прошла навѣки: бурныя стихіи
Лицо земли такъ рѣзко измѣнили,
Что на ея поверхности теперь
Едва ль найдется атомъ, имъ знакомый.
А это былъ прекрасный,—о, какой
Прекрасный миръ!

Каинъ. Онъ и теперь прекрасенъ.

Я не съ землей, хотя на ней тружусь я,
Веду вражду, а съ тѣмъ, что я беру
Все, что она прекраснаго приноситъ,
Цѣной труда, что, жаждая познанья,
Не въ силахъ этой жажды утолить,

Что на землѣ меня приводитъ въ трепетъ
И жизнь и смерть.

Люциферъ. Чѣмъ сталъ твой міръ, ты видишь,
Но чѣмъ онъ былъ—не можешь и постигнуть.

Кайнъ. А это кто? Вотъ эти исполины,
Которые, мнѣ кажется, похожи
На дикихъ обитателей дремучихъ
Земныхъ лѣсовъ, но только въ десять разъ
Громаднѣй и страшнѣе тѣхъ, громаднѣй,
Чѣмъ стѣны Рая,—эти привидѣнья,
Чьи очи пламенѣютъ, какъ мечи
Въ десницахъ херувимовъ, стерегущихъ
Эдемскій садъ, и чьи вѣлки торчатъ,
Какъ голыя деревья?

Люциферъ. Это то же,
Что мамонты земные. Мириады
Такихъ существъ лежатъ въ землѣ.

Кайнъ. И больше
Ужъ нѣтъ такихъ?

Люциферъ. Нѣтъ; если бъ вамъ пришлось
Вступить въ борьбу съ такими существами,
То вы могли бы сдѣлать бесполезнымъ
Проклятіе, висящее надъ вами:
Такъ скоро вы погибли бы.

Кайнъ. Но развѣ
Борьба необходима?

Люциферъ. Ты забылъ
Завѣтъ Того, Кто васъ изгналъ изъ Рая:
„Борьба со всѣмъ, что дышитъ, смерть всему,
И всѣмъ болѣзни, скорби и мученья“—
Плодъ дерева запрещеннаго.

Кайнъ. Но звѣри—
Они вѣдь не касались дерева знанья?

Люциферъ. Вашъ Богъ сказалъ, что создалъ ихъ для
смертныхъ,

А смертныхъ—для создавшаго. Вы развѣ
Хотѣли бы, чтобъ участь ихъ была
Счастливѣе, чѣмъ ваша? Грѣхъ Адама
Всѣхъ погубилъ.

Кайнъ. Несчастные! Имъ тоже,
Какъ и сынамъ Адама, суждено
Страдать за грѣхъ, не ими совершенный,
За райскій плодъ, который не далъ знанья,
А далъ лишь смерть. Онъ оказался лживымъ,

Мы ничего не знаемъ. Онъ сулилъ
Намъ знаніе—ужасною цѣною,
Но знаніе; а что же знаемъ мы?

Люциферъ. Быть-можетъ, смерть дастъ высшее познанье:
Вѣдь только смерть для смертныхъ несомнѣнна
И, значить, къ несомнѣнному приводитъ.
Нѣтъ, ты не правъ,—запретный плодъ не лживъ,
Хотя и смертоносенъ.

Кайнъ. Непонятный,
Угрюмый міръ!

Люциферъ. Твой часть еще не пробилъ.
Матерія не можетъ въ совершенствѣ
Постигнуть духа. Все же ты узналъ,
Что есть міры такіе.

Кайнъ. Я и прежде
О смерти зналъ.

Люциферъ. Но не о царствѣ смерти.

Кайнъ. Оно мнѣ непонятно.

Люциферъ. Будетъ день,
Когда оно тебѣ понятнѣй станетъ.

Кайнъ. А это безграничное пространство
Текучей ослѣпительной лазури,
Которое сравнилъ бы я съ водой,
Съ рѣкою, проходящей изъ Эдема
Близъ нашего жилища, если бъ только
Не эта безграничность, безпредѣльность,
Не этотъ цвѣтъ небесный,—это что?

Люциферъ. И этому лазурному пространству
Есть слабое подобье на землѣ,
И на его побережьяхъ поселятся
Твои потомки: призракъ океана.

Кайнъ. Оно горитъ, какъ солнце,—цѣлый міръ
Лазурныхъ водъ! Но въ этомъ яркомъ блескѣ
Я различилъ играющихъ чудовищъ:
Что это?

Люциферъ. Призраки левіаѳановъ.

Кайнъ. А этотъ непомерно-длинный змѣй
Съ струящеюся гривой, что воздвигнулъ
Чудовищную голову изъ бездны
И въ десять разъ превысилъ высочайшій
Эдемскій кедръ,—вотъ этотъ змѣй, что могъ бы
Обвиться вокругъ небесныхъ тѣлъ,—похожъ ли
Онъ на того, что нѣжился когда-то
Подъ деревомъ въ Эдемѣ?

Люциферъ. Евѣ лучше
Извѣстенъ змій, се прельстившій.

Кайнъ. Этотъ
Ужасенъ слишкомъ. Вѣрно, искустель
Красивѣй былъ.

Люциферъ. А ты его не видѣлъ?

Кайнъ. Я гадовъ много видѣлъ, но того,
Что Евѣ далъ запретный плодъ,—ни разу.

Люциферъ. И твой отецъ его не видѣлъ?

Кайнъ. Нѣтъ;
Вѣдь мой отецъ былъ соблазненъ не змиемъ:
Змій соблазнилъ лишь Еву.

Люциферъ. О, невинность!

Когда тебя или сыновъ твоихъ
Смущаютъ жены чѣмъ-нибудь, что ново
И необычно, знай, что предъ тобой—
Самъ искустель.

Кайнъ. Слишкомъ запоздали
Твои совѣты: змїямъ больше нечѣмъ
Женъ искушать.

Люциферъ. Но есть еще немало
Такихъ вещей, которыми и жены
Своихъ мужей и женъ мужья способны
Вводить въ соблазнъ: вамъ это надо помнить.
Я вамъ добра желаю, предлагая
Подобные совѣты.—я даю ихъ
Въ ущербъ себѣ... хоть правда, что не будутъ
Имъ слѣдовать.

Кайнъ. Мнѣ это непонятно.

Люциферъ. И къ лучшему! Твой міръ и ты такъ юны!
Ты мнишь себя преступнымъ и несчастнымъ—
Не правда ли?

Кайнъ. Преступнымъ—нѣтъ, но скорби
Я испыталъ не мало.

Люциферъ. Первородный
Сынъ перваго изъ смертныхъ! Твой удѣлъ—
Жить во грѣхѣ и скорби, но Эдемомъ
Покажутся тебѣ твои несчастья
Въ сравненіи съ тѣмъ, что ты узнаешь вскорѣ,
А то, что ты узнаешь, будетъ раемъ
Въ сравненіи съ тѣмъ, что испытать должны
Твои сыны... Но намъ пора на землю.

Кайнъ. Ужели ты привелъ меня сюда
Лишь для того, чтобъ показать мнѣ это?

Люциферъ. Не ты ли жаждалъ знанія?

Клинъ. О, да,

Но лишь затѣмъ, чтобъ знаніе служило
Дорогой къ счастью.

Люциферъ. Если счастье въ знаньи,
То ты ужъ счастливъ.

Клинъ. Правъ же былъ Творецъ,
Велѣвшій не касаться древа знанья!

Люциферъ. А если бы губительнаго древа
Не насаждалъ, еще бы лучше сдѣлалъ.

Однако и невѣдѣніе зла
Отъ зла не ограждаетъ. Зло всеильно.

Клинъ. Я этому не вѣрю, нѣтъ! Я жажду
Душой добра!

Люциферъ. А кто его не жаждетъ?
Кто *любитъ* зло? Никто, ничто.

Клинъ. Но въ эти
Несмѣтные и дивные міры,
Которые мы видѣли съ тобою,
Пока не погрузились въ царство смерти,
Не увидетъ зло: такъ всѣ они прекрасны!

Люциферъ. Ты видѣлъ ихъ лишь издали.

Клинъ. Но даль
Могла лишь уменьшать ихъ красоту:
Вблизи ихъ красота неизреченна.

Люциферъ. Но подойди къ прекраснѣйшему въ мірѣ
И пригляди къ нему.

Клинъ. Я это дѣлалъ:
Вблизи оно еще прелестнѣй.

Люциферъ. Нѣтъ,
Тутъ есть обманъ. Скажи, о комъ ты думалъ?

Клинъ. Я думалъ о сестрѣ моей. Всѣ звѣзды,
Вся красота ночныхъ небесъ, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блескъ разсвѣта,
Вся дивная плѣнительность заката,
Когда, слѣдя за уходящимъ солнцемъ,
Я проливаю сладостныя слезы
И, мнится, вмѣстѣ съ солнцемъ утопаю
Въ раю вечернихъ легкихъ облаковъ,
И сѣнь лѣсовъ, и зелень ихъ, и голосъ
Вечернихъ птицъ, поющій про любовь,
Сливающійся съ гимномъ херувимовъ,
Межъ тѣмъ, какъ тьма ужъ рѣетъ падъ Эдемомъ,
Все, все—ничто предъ красотою Ады:

Чтобъ созерцать ее, я отвращаю.

Глаза свои отъ неба и земли.

Люциферъ. Но если ты владѣешь существомъ
Столь дивной красоты, то почему
Несчастень ты?

Кайнъ. Зачѣмъ я существую?

И почему несчастень ты, и все,

Что существуетъ въ мірѣ, все несчастно?

Вѣдь даже тотъ, кто создалъ всѣхъ несчастныхъ,

Не можетъ быть счастливымъ: созидать,

Чтобъ разрушать—печальный трудъ! Родитель

Намъ говоритъ: Онъ всемогущъ,—зачѣмъ же

Есть въ мірѣ зло? Объ этомъ много разъ

Я спрашивалъ отца, и онъ отвѣтилъ,

Что это зло—лишь путь къ добру. Ужасный

И странный путь! Я видѣлъ, какъ ягненка

Ужалилъ гадъ: онъ извивался въ мукахъ,

А подлѣ matka жалобно бляла;

Тогда отецъ нарвалъ и положилъ

Какихъ-то травъ на рану, и ягненокъ,

До этого безпомощный и жалкій,

Сталъ возвращаться къ жизни понемногу

И скоро ужъ безопасно припадалъ

Къ сосцамъ своей обрадованной матки,

А та, вся трепеща, его лизала.

Смотри, мой сынъ, сказалъ Адамъ, какъ зло

Родить добро.

Люциферъ. Что жъ ты ему отвѣтилъ?

Кайнъ. Я промолчалъ,—вѣдь онъ отецъ мой,—только

Тогда жъ подумалъ; лучше бы ягненку

Совсѣмъ не быть ужаленнымъ змѣею,

Чѣмъ возвратиться къ жизни, столь короткой,

Цѣною мукъ.

Люциферъ. Но ты сказалъ, что ты

Изъ всѣхъ существъ, тобой любимыхъ, любишь

Всего сильнѣе ту, что воспиталась

Съ тобой одною грудью и питаетъ

Своей—твоихъ малютокъ.

Кайнъ. Да, сказалъ:

Чѣмъ былъ бы я безъ Ады?

Люциферъ. Тѣмъ, чѣмъ я.

Кайнъ. Ты чуждъ любви.

Люциферъ. А Онъ, твой Богъ, что любить?

Клинь. Все сущее, какъ говорить отецъ;

Но, сознаюсь, я этого не вижу.

Люциферъ. Поэтому не можешь и судить,

Чужда ли мнѣ любовь иль нѣтъ. Есть нѣчто

Великое и общее, въ которомъ

Все частное, какъ снѣгъ предъ солнцемъ, таетъ.

Клинь. *Какъ снѣгъ*—что это значитъ?

Люциферъ.

Будь доволенъ

Невѣдѣньемъ того, что испытаютъ

Сыны сыновъ твоихъ, и наслаждайся

Тепломъ небесъ, не знающихъ зимы.

Клинь. Но ты любишь существъ, тебѣ подобныхъ?

Люциферъ. А ты—ты любишь самого себя?

Клинь. Да, но не такъ, какъ ты, что украшаетъ

Мнѣ жизнь мою, что мнѣ дороже жизни,

Затѣмъ что я люблю ее.

Люциферъ.

Ты любишь,

Плѣняясь красотой ея, какъ Ева

Плѣнилась райскимъ яблокомъ когда-то;

Но красота поблекнетъ—и любовь

Угаснетъ, какъ и всякое желанье.

Клинь. Но отчего жъ поблекнетъ красота?

Люциферъ. Отъ времени.

Клинь.

Но дни идутъ, проходятъ,

А Ева и Адамъ еще прекрасны,

Не такъ, какъ серафимы, какъ сестра,

Но все жъ прекрасны.

Люциферъ.

Время безпощадно

Измѣнитъ ихъ.

Клинь.

Мнѣ это очень больно;

Но все жъ я не могу себѣ представить,

Что разлюблю когда-нибудь сестру,

И если красота ея поблекнетъ,

То, думаю, создатель красоты,

При гибели прекраснаго созданья,

Утратить долженъ болѣе, чѣмъ я.

Люциферъ. Мнѣ жаль тебя: ты любишь то, что гибнетъ.

Клинь. Какъ мнѣ—тебя: ты ничего не любишь.

Люциферъ. А братъ—ты любишь брата?

Клинь.

Да, люблю.

Люциферъ. Его твой Богъ и твой отецъ такъ любятъ!

Клинь. И я люблю.

Люциферъ.

Похвально и смиренно!

Клинь. Смиренно?

Люциферъ. Да, вѣдь онъ не первородный
И съ дѣтства былъ любимцемъ Евы.

Клинъ. Что жъ,
Змій первымъ былъ любимцемъ, онъ—вторымъ.

Люциферъ. Онъ и отца любимецъ.

Клинъ. И объ этомъ
Я не скорблю. Какъ будто я не долженъ
Любить того, кого отецъ мой любить!

Люциферъ. Но и Иегова, кроткій вашъ Владика,
Всещедрый насадитель райскихъ кущъ,
На Авеля съ улыбкою взираетъ.

Клинъ. Я не видалъ Иеговы и не знаю,
Пристойно ли Иеговѣ улыбаться.

Люциферъ. Такъ ангеловъ Иеговы видишь.

Клинъ. Рѣдко.

Люциферъ. И все-таки ты долженъ былъ замѣтить,
Что Авель имъ угоденъ: отъ него
Всѣ жертвы воспріемлются.

Клинъ. И пусть!

Зачѣмъ ты говоришь со мной объ этомъ?

Люциферъ. Затѣмъ, что ты объ этомъ много думалъ.

Клинъ. А если бы и думалъ,—для чего
Будить во мнѣ... (Въ волненіи останавливается).

Духъ! Мы съ тобою въ міръ,

Далекомъ отъ земли; не говори же

Мнѣ о землѣ. Ты показалъ мнѣ много

Чудеснаго; ты показалъ мнѣ мощныхъ

Предшественниковъ нашихъ, попиравшихъ

Ту землю, отъ которой уцѣлѣлъ

Одинъ обломокъ; ты мнѣ показалъ

Тьмы темъ міровъ, среди которыхъ тускло

Мерцаетъ нашъ ничтожный міръ, теряясь

Въ воздушной безконечности; ты тѣни

Въ зловѣщемъ царствѣ смерти показалъ мнѣ;

Ты много показалъ мнѣ—но не все:

Дай мнѣ узрѣть обители Иеговы,

Или свою обитель: гдѣ онѣ?

Люциферъ. Здѣсь и вездѣ—въ пространствѣ безконечномъ.

Клинъ. Но есть же у тебя и у Иеговы

Какой-нибудь пріютъ опредѣленный?

Онъ есть у всѣхъ. Землей владѣютъ люди,

Въ другихъ мірахъ свое есть населеніе,

У всѣхъ живыхъ созданій есть своя

Особая стихія; ты сказалъ мнѣ,

Что даже бездыханнымъ есть обитель,
Такъ, значить, есть и Богу, и тебѣ.
Вы вмѣстѣ обитаете?

Люциферъ. Мы вмѣстѣ
Лишь царствуемъ; но обитаемъ порознь.

Клинъ. О, если бъ былъ одинъ изъ васъ! Быть-можетъ,
Единство цѣли создало бъ согласье
Стихій, теперь враждующихъ! И что
Васъ привело къ такой враждѣ,—васъ, мудрыхъ
И безконечныхъ? Развѣ вы не братья
По сущности, по естеству и славѣ?

Люциферъ. А вы—вы братья съ Авелемъ?

Клинъ. Мы братья.

И братьями останемся. Но если бъ
И не были мы братьями: духъ развѣ
Подобенъ намъ? Какъ можетъ враждовать
Безсмертный съ безконечнымъ, превращая
Весь міръ въ обитель скорби? И за что?

Люциферъ. За власть.

Клинъ. За власть? Но ты мнѣ говорилъ,
Что оба вы безсмертны.

Люциферъ. Да, безсмертны.

Клинъ. А голубая бездна безднъ пространства
Не безконечна развѣ?

Люциферъ. Безконечна.

Клинъ. Такъ царствуйте въ ней оба, не враждуя.
Иль тѣсно вамъ?

Люциферъ. Мы царствуемъ въ ней *оба*.

Клинъ. Но зло творить—одинъ изъ васъ.

Люциферъ. Который?

Клинъ. Ты! Развѣ ты не можешь на землѣ
Творить добро? Ты можешь, но не хочешь.

Люциферъ. Пусть Онъ творить. Вы — не мои созданья,
Онъ создалъ васъ.

Клинъ. Такъ предоставь отцу
Его дѣтей, Имъ созданныхъ. Открой мнѣ
Свою или *Ею* обитель.

Люциферъ. Я
Могу открыть ихъ обѣ. Но настанетъ
Великій часъ, когда одна изъ нихъ
Откроется *навѣки* предъ тобою.

Клинъ. Но не теперь?

Люциферъ. Твой смертный умъ не въ силахъ
Постигнуть даже малаго—того,

Что видѣлъ ты. И ты стремишься къ Тайнѣ!

Къ великой ипостаси Двухъ Началь!

Къ ихъ сокровеннымъ тронамъ! Прахъ! Ты дерзокъ.

Но зрѣть хотя одно изъ нихъ—есть смерть.

К а и н ъ. Пусть я умру—но только бы узрѣть ихъ!

Л ю ц и ф е р ъ. Рѣчь сына той, что обольстилась змѣемъ!

Но эта смерть—безплодной смертью будетъ.

К а и н ъ. Но развѣ смерть ихъ не откроетъ?

Л ю ц и ф е р ъ.

Смерть—

Преддверіе.

К а и н ъ. Такъ, значитъ, смерть приводитъ

Къ чему-нибудь разумному! Теперь

Я менѣе боюсь ея.

Л ю ц и ф е р ъ.

И, значитъ,

Тебѣ пора на землю возвратиться,

Гдѣ долженъ ты умножить родъ Адама,

Ѣсть, пить, любить, дрожать за жизнь, работать,

Смѣяться, плакать, спать—и умереть.

К а и н ъ. Но если такъ, скажи, съ какою цѣлью

Блуждали мы?

Л ю ц и ф е р ъ.

Но ты стремился къ знанью;

А все, что я открылъ тебѣ, вѣщаетъ:

Познай себя.

К а и н ъ.

Увы! Я познаю,

Что я—ничто.

Л ю ц и ф е р ъ.

И это непреложный

Итогъ людскихъ познаній. Завѣщай

Свой опытъ дѣтямъ,—это ихъ избавитъ

Отъ многихъ мукъ.

К а и н ъ.

Высокомѣрный духъ!

Ты властенъ, да; но есть и надъ тобою

Владыка.

Л ю ц и ф е р ъ.

Нѣтъ! Клянуся небомъ, гдѣ

Лишь Онъ царить! Клянуся бездной, сонмомъ

Міровъ и жизней, *намъ* подвластныхъ—нѣтъ!

Онъ побѣдитель мой—но не владыка,

Весь міръ предъ Нимъ трещеть,—но не я:

Я съ Нимъ въ борьбѣ, какъ былъ въ борьбѣ и прежде,

На небесахъ. И не устану вѣчно

Бороться съ Нимъ, и на вѣсахъ борьбы

За міромъ міръ, свѣтило за свѣтиломъ,

Вселенная за новою вселенной

Должна дрожать, пока не прекратится

Великая нещадная борьба,

Доколѣ не погибнетъ Адонаи
Иль врагъ Его! Но развѣ это будетъ?
Какъ угаситъ безсмертіе и нашу
Неугасимую взаимную вражду?
Онъ побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ Имъ,
Тотъ названъ зломъ; но благъ ли побѣдившій?
Когда бы *мнѣ* досталася побѣда,
Зломъ былъ бы *Онъ*. Вотъ васъ, еще недавно
Пришедшихъ въ міръ, еще столь юныхъ смертныхъ,
Какими одарилъ Онъ васъ дарами?

К а и н ъ. Немногими—и горькими.

Л ю ц и ф е р ъ.

Вернись же

Къ своей землѣ, вкуси и остальныхъ
Его небесныхъ милостей. Даятель
Добра и зла не создалъ ихъ такими,
Добро и зло суть сами по себѣ.
Но, если Онъ даетъ добро,—зовите
Его благимъ; а если отъ Него
Исходитъ зло, то изыщите вѣрный
Источникъ зла,—не говорите: это
Свершилъ злой духъ. Одинъ лишь добрый даръ
Дало вамъ древо знанія—вашъ разумъ:
Такъ пусть онъ не трепещетъ грозныхъ словъ
Тирана, принуждающаго вѣрить
Наперекоръ и чувству и разуму.
Терпи и мысли—созидай въ себѣ
Міръ внутренній, чтобъ внѣшняго не видѣть:
Сломи въ себѣ земное естество
И приобщись духовному началу! (Исчезаютъ).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Мѣстность близъ Эдема.

К а и н ъ и А д а.

А д а. Иди тихонько, Каинъ.

К а и н ъ.

Хорошо;

Но почему?

А д а.

Вонъ тамъ подъ кипарисомъ

Спитъ на листьѣ нашъ мальчикъ.

К а и н ъ.

Кипарисъ!

Угрюмый онъ, зачѣмъ ты положила
Подъ нимъ дитя? Онъ смотритъ такъ, какъ будто
Оплакиваетъ то, что осѣняетъ.

А д а. Но онъ вѣтвистъ, подъ нимъ темно, какъ ночью.
Онъ точно созданъ, чтобы охранять
Отъ зноя спящихъ.

К а и н ъ. Спящихъ сномъ послѣднимъ
И вѣчнымъ. Но веди меня къ Эноху.
(Подходятъ къ ребенку).

Какъ онъ красивъ! Какъ разгорѣлись щечки!
Румянецъ ихъ не уступаетъ розамъ,
Разсыпаннымъ подъ нимъ.

А д а. А посмотри,
Какъ хорошо полуоткрылъ онъ губки!
Нѣтъ, не цѣлуй; онъ скоро самъ проснется,
Онъ выспался, но жаль будить!

К а и н ъ. Да, правда,
Я удержусь пока отъ искушенья.
Онъ спитъ и улыбается! Спи мирно
И улыбайся, маленькій наслѣдникъ
Земли такой же юной, какъ ты самъ!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывалъ запретнаго плода,
Не знаешь наготы своей. Настанетъ
И для тебя часъ кары за какой-то
Тяжелый грѣхъ, котораго ни ты,
Ни я не совершали; но куда
Спи безмятежно! Щечки покраснѣли,
Изъ-подъ рѣсницъ трепещущихъ и темныхъ,
Какъ кипарисъ, колеблемый надъ нимъ,
Просвѣчиваетъ ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спитъ и грезить—
О чемъ? О Раѣ!.. Грезь о немъ, мечтай,
Мой мальчикъ обездоленный! Онъ—греза:
Ужъ никогда и никому изъ смертныхъ
Не быть въ его обители блаженной!

А д а. Не сѣтуй, милый Кайнъ, не тоскуй
О прошломъ надъ малюткою! Что пользы
Весь вѣкъ Эдемъ оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

К а и н ъ. Гдѣ?

А д а. Гдѣ хочешь:
Разъ ты со мной—я счастлива безъ Рая.

Иль у меня нѣтъ мужа, нѣтъ малютокъ,
Родителя и брата, кроткой Селлы
И матери, которой мы столь многимъ
Обязаны—помимо жизни?

К а и н ъ. Смертью

Мы тоже ей обязаны.

А д а. О, Каинъ!

Тотъ гордый духъ, съ которымъ ты ходилъ,
Тебя еще сильнѣе опечалилъ.
Я думала, что дивныя видѣнья,
Которыя тебѣ онъ обѣщалъ,
Тьмы темъ міровъ отжившихъ и живущихъ,
Которые ты видѣлъ, успокоятъ,
Насытятъ умъ твой знаніемъ; но вижу,
Что духъ принесъ одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Такъ скоро къ намъ.

К а и н ъ. Такъ скоро?

А д а. Да, прошло

Лишь два часа съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались,
Лишь два часа—по солнцу.

К а и н ъ. Я вблизи

Смотрѣлъ на это солнце, созерцалъ
Міры, что озарялись имъ когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И тѣ міры, что солнечнаго свѣта
Не вѣдали отъ вѣка: мнѣ казалось,
Что протекли года.

А д а. Едва часы.

К а и н ъ. Такъ, значитъ, духъ нашъ время измѣряетъ
Тѣмъ, что онъ видитъ: радость или скорбь,
Величье иль ничтожество; я видѣлъ
Дѣянія Безсмертныхъ, созерцалъ
Угасшія свѣтила и, взирая
На вѣчное, участвовалъ, казалось,
И самъ въ его величіи; теперь
Я снова—прахъ и снова понимаю,
Что я—ничто: духъ истину сказалъ мнѣ.

А д а. Нѣтъ, духъ сказалъ неправду. Самъ Іегова
Не говорилъ намъ этого.

К а и н ъ. Но создалъ

Ничтожествомъ; онъ поманилъ насъ Раемъ,

Безсмертіемъ, но сотворилъ изъ праха

И въ прахъ вернетъ—скажи, за что?

Ада.

Ты знаешь,

За грѣхъ отца.

Каинъ.

А мы—въ чемъ *мы* виновны?

Онъ согрѣшилъ, пусть *онъ* и умираетъ.

Ада. Нехорошо сказалъ ты; это мысли

Того, кто былъ съ тобой, а не твои.

Я умереть готова—лишь бы жили

Отецъ и мать.

Каинъ.

Да,—если бъ можно было

Насытить этой жертвой Ненасытность,

И если бъ этотъ мирно спящій крошка

И тѣ, что отъ него произойдутъ,

Не испытали смерти и страданій.

Ада. Какъ знать, не будетъ ли когда-нибудь

Такою искупительною жертвой

Спасенъ весь родъ Адама?

Каинъ.

Искупленье!

Но въ чемъ мы виноваты? Почему

Я долженъ пасть за грѣхъ, не мной свершенный,

Иль отъ другого жертвы ждать за этотъ

Тайнственный и безыменный грѣхъ,

Весь состоявшій только въ жаждѣ знанья?

Ада. Увы! Ты говоришь, что ты не грѣшенъ,

А самъ грѣшишь: твои слова—кощунство.

Каинъ. Тогда оставь меня.

Ада.

О, никогда,

Хотя бы самъ Творецъ тебя оставилъ!

Каинъ. А это что такое?

Ада.

Алтари,

Воздвигнутые Авелемъ. Онъ хочетъ

Свершить съ тобою жертву.

Каинъ.

Алтари!

А кто ему сказалъ, что я согласенъ

Дѣлить его корыстныя молитвы,

Въ которыхъ вовсе нѣтъ благоговѣнья,

А есть лишь страхъ? Мнѣ алтаря не нужно,

Мнѣ нечего сжигать на немъ.

Ада.

Но Богу

Всякъ даръ угоденъ, если этотъ даръ

Приносится съ душевнымъ сокрушеньемъ

И кротостью: сожги цвѣты, плоды...

Каинъ. Я сѣялъ, рылъ, я былъ въ поту, согласно

Проклятію; но что еще мнѣ дѣлать?
Смираннымъ быть—среди борьбы съ стихіей
За мой насущный хлѣбъ? Быть благодарнымъ
За то, что я во прахъ пресмыкаюсь,
Зане я прахъ и возвращусь во прахъ?
Что я? Ничто. И я за это долженъ
Ханжою быть и дѣлать видъ, что очень
Доволенъ мукой? Каяться—но въ чемъ?
Въ грѣхъ отца? Но этотъ грѣхъ давно ужъ
Искупленъ тѣмъ, что претерпѣли мы,
И выше всякой мѣры искупится
Вѣками мукъ, предсказанныхъ въ проклятьѣ.
Онъ сладко спитъ, мой мальчикъ, и не знаетъ,
Что въ немъ *одномъ*—зачатки вѣчной скорби
Для *мириадъ* сыновъ его! О, лучше бъ
Схватить его и раздробить о камни,
Чѣмъ дать ему...

Ада. Мой Богъ! Не тронь дитя—

Мое дитя! *Твое* дитя! О, Каинъ!

Каинъ. Не бойся! За небесныя свѣтила,
За власть надъ ними, я не потревожу,
Ничѣмъ малютку, кромѣ поцѣлуя.

Ада. Но рѣчь твоя ужасна!

Каинъ. Я сказалъ,
Что лучше умереть, чѣмъ жить въ мученьяхъ
И завѣщать ихъ дѣтямъ! Если жъ это
Тебя пугаетъ, скажемъ мягче: лучше бъ
Ему совсѣмъ на свѣтъ не появляться.

Ада. О, нѣтъ, не говори такъ! А блаженство
Быть матерью—кормить, любить, лелѣять?
Но, чу! Онъ просыпается. Мой милый! (Подходить къ ребенку).
О, посмотри, какъ полонъ жизни онъ,
Силь, красоты, здоровья! Какъ похожъ
Онъ на меня—и на тебя, но только
Когда ты кротокъ: мы вѣдь всѣ тогда
Похожи другъ на друга; правда, Каинъ?
Люби же насъ—и самого себя,
Хоть ради насъ,—ты намъ обоимъ дорогъ!
Смотри, онъ засмѣялся, протянулъ
Къ тебѣ ручонки, смотритъ яснымъ взоромъ
Въ твои глаза... Не говори о мукахъ!
Тебѣ могли бы сами херувимы
Завидовать,—они дѣтей не знаютъ.
Благослови его!

- Каинъ. Благословляю
Тебя, малютка, если только можетъ
Благословенье смертнаго отринуть
Проклятіе, завѣщанное зміемъ.
- Ада. Аминь. Благословеніе отца
Сильнѣе пресмыкающейся твари.
- Каинъ. Я не увѣренъ въ этомъ. Но да будетъ
Надъ нимъ благословеніе!
- Ада. Наинъ братъ
Идетъ сюда.
- Каинъ. Твой братъ.
- Авель (входя). Братъ Каинъ, здравствуй!
Господній миръ съ тобою!
- Каинъ. Авель, здравствуй.
- Авель. Сестра мнѣ говорила, что съ тобою
Бесѣдовалъ какой-то духъ. Онъ ангелъ?
- Каинъ. Нѣтъ.
- Авель. Такъ зачѣмъ общаться съ нимъ? Быть-можетъ,
Онъ врагъ Творца.
- Каинъ. И другъ людей. А былъ ли
Такимъ Творецъ, какъ ты называлъ Его?
- Авель. Назвалъ Его! Ты, Каинъ, нынче странный.
Иди, сестра,—мы совершимъ сожженье.
- Ада. Прости на время, Каинъ! Поцѣлуй
Малютку-сына,—пусть его невинность
И Авеля молитвы возвратятъ
Тебѣ и миръ и вѣру! (Уходитъ съ ребенкомъ).
- Авель. Гдѣ ты былъ?
- Каинъ. Не знаю.
- Авель. Какъ? Но, можетъ-быть, ты знаешь,
Что видѣлъ ты?
- Каинъ. Безсмертіе и смерть,
Безмѣрность и величіе пространства,
Тьму темъ міровъ, отжившихъ и живущихъ,
Вихрь столькихъ ослѣпляющихъ міровъ,
Солнцъ, лунъ и звѣздъ, въ ихъ громозвучныхъ сферахъ,
Что я къ бесѣдѣ съ смертнымъ неспособенъ:
Оставь меня.
- Авель. Твое лицо пылаетъ,
Твои глаза сверкаютъ страннымъ блескомъ,
Твои слова звучатъ необычайно.
Скажи, что это значитъ?
- Каинъ. Это значитъ...
Прошу тебя, оставь меня!

Авель. Не прежде,
Чѣмъ мы съ тобой помолимся Творцу
И совершимъ предъ Нимъ сожженье.

Клинь. Авель,
Прошу тебя—сверши его одинъ.
Тебя Иегова любитъ.

Авель. Я надѣюсь,
Обоихъ насъ.

Клинь. Но болѣе тебя.
Я не смущаюсь этимъ: ты достойный
Слуга Творца,—такъ и служи Ему,
Но безъ меня.

Авель. Я былъ бы нечестивый
Сынъ нашего великаго отца,
Когда бъ не почиталъ тебя, какъ младшій,
И не просилъ тебя предъ алтаремъ
Главенствовать, какъ старшаго.

Клинь. Но я
Главенства никогда не домогался.

Авель. Тѣмъ мнѣ грустнѣй. Не откажи хоть ниче
Принять его: твоя душа томится
Подъ гнетомъ навожденія; молитва
Тебя бы успокоила.

Клинь. Нѣтъ, Авель.
Ничто не дастъ душѣ моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не зналъ его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтобъ не мѣшать тебѣ
Итти къ своей благочестивой цѣли.

Авель. Нѣтъ, мы должны итти къ ней неразлучно.
Молю тебя объ этомъ!

Клинь. Я согласенъ.
Что нужно дѣлать?

Авель. Выбери одинъ
Изъ алтарей.

Клинь. Но я доволенъ буду
Любымъ изъ нихъ: я вижу въ нихъ лишь камень
Да свѣжій дернъ.

Авель. И все же нужно выбрать.

Клинь. Я выбралъ.

Авель. Этотъ? Онъ и подобаетъ
Тебѣ, какъ первородному: онъ выше.
Теперь готовь дары для всесожженья.

Клинь. А гдѣ твои?

АВЕЛЬ. Вотъ первенцы отъ стадъ:

Смиренная пастушеская жертва.

КАИНЪ. Я не имѣю стадъ, я земледѣлецъ,

И возложу на жертвенникъ плоды—

То, чѣмъ земля мой трудъ вознаграждаетъ. (Разводятъ на алтаряхъ огонь).

АВЕЛЬ. Ты, братъ, какъ старшій, долженъ принести

Хвалу Творцу и всесожженье первый.

КАИНЪ. Нѣтъ, ты начни,—я въ этомъ неискусенъ;

Я буду подражать тебѣ.

АВЕЛЬ (преклоняя колѣни). О, Боже!

Ты, Кто вдохнулъ въ насъ дуновение жизни,

Кто создалъ насъ, благословилъ и не далъ

Погибнуть чадамъ грѣшнаго отца,

Которыя погибли бы навѣки,

Когда бы правосудіе Твое

Не умѣрялось благодатью Твоею

Къ великимъ ихъ неправдамъ! Боже вѣчный,

Даятель жизни, свѣта и добра,

Единый вождь, ведущій все ко благу

Своею всемогущей, сокровенной,

Но непреложной благодатью! Прими

Отъ перваго изъ пастырей смиренныхъ

Сихъ первенцевъ отъ первородныхъ стадъ,

Даръ недостойный Господа, ничтожный,

Какъ все предъ Нимъ ничтожно, но несомый,

Какъ дань благодаренія того,

Кто, предъ лицомъ Твоихъ небесъ пресвѣтлыхъ,

Слагая жертву эту, повергаетъ

Свой ликъ во прахъ, отъ коего онъ созданъ,

И воздаетъ хвалу Тебѣ—вовѣки!

КАИНЪ (не преклоняя колѣнъ). Духъ, для меня невѣдомый!

Всесильный

И всеблагой—для тѣхъ, кто забываетъ

Зло дѣлъ твоихъ! Иегова на землѣ!

Богъ въ небесахъ,—быть-можетъ, и другое

Носящій имя,—ибо безконечны

Твои дѣла и свойства! Если нужно

Мольбами ублажать Тебя,—прими ихъ!

Прими и жертву, если нужно жертвой

Смягчать Твой духъ: два существа повергли

Ихъ предъ Тобою. Если кровь Ты любишь,

То вотъ алтарь дымящійся, облитый,

Тебѣ въ угоду, кровью жертвъ, что тлѣютъ

Въ кровавомъ ѳиміамѣ предъ Тобою.
А если и цвѣтущіе плоды,
Взлелѣянные солнцемъ лучезарнымъ,
И мой алтарь безкровный удостоишь
Ты милостью Своею, то воззри
И на него. Тогъ, кто его украсилъ,
Есть только то, что сотворилъ Ты самъ,
И ничего не ищетъ, что дается
Цѣной молитвы. Если дурень онъ,
Рази его,—вѣдь Ты могучъ и властенъ
Надъ беззащитнымъ! Если же онъ добръ,
То пощади—иль порази,—какъ хочешь,
Затѣмъ что все въ Твоихъ рукахъ: Ты даже
Зло именуешь благомъ, благо—зломъ,
И правъ ли Ты—кто знаетъ? Я не призванъ
Судить о всемогуществѣ: вѣдь я
Не всемогущъ,—я рабъ Твоихъ велѣній!

(Огонь на жертвенникѣ Авеля разрастается въ столпъ ослѣпительнаго
пламени и поднимается къ небу; въ то же время вихрь опрокидываетъ
жертвенникъ Каина и далеко раскидываетъ по землѣ плоды).

АВЕЛЬ (колѣнопреклоненный). О, братъ, молись! Ты прогнѣ-
вилъ Іегову:

Онъ по землѣ твои плоды разсѣялъ.

КАИНЪ. Земля дала, пусть и возьметъ земля,
Чтобъ возродить ихъ сѣмя къ новой жизни.
Ты угодилъ кровавой жертвой больше:
Смотри, какъ небо жадно поглощаетъ
Огонь и дымъ, насыщенные кровью.

АВЕЛЬ. Не думай обо мнѣ; пока не поздно,
Готовь другую жертву для сожженья.

КАИНЪ. Я больше жертвъ не буду приносить
И не стерплю...

АВЕЛЬ (вставая съ колѣнъ). Братъ! Что ты хочешь дѣлать?

КАИНЪ. Низвергнуть въ прахъ угодника небесъ,
Участника въ твоихъ молитвахъ низкихъ—
Твой жертвенникъ, залитый кровью агнцевъ,
Вскормленныхъ и вспоенныхъ для закланья.

АВЕЛЬ (удерживая Каина). Не прибавляй безбожныхъ дѣлъ
къ безбожнымъ

Словамъ. Не тронь алтарь: онъ освященъ
Божественной отрадою Іеговы,
Его благоволеніемъ.

КАИНЪ. Его!
Его отрадой! Такъ Его отрада—

Чадъ алтарей, дымящихся отъ крови,
Страданія блеющихъ матокъ, муки
Ихъ дѣтищъ, умиравшихъ подъ твоимъ
Ножомъ благочестивымъ! Прочь съ дороги!

Авель. Братъ, отступись! Ты имъ не завладѣешь
Насильственно; но если ты намѣренъ
Для новой жертвы взять его—возьми.

Каинъ. Для жертвы?! Прочь, иль этой жертвой будетъ...

Авель. Что ты сказалъ?

Каинъ. Пусты! Пусты меня!

Твой Богъ до крови жаждень,—берегись же:
Пусты меня, не то она прольется!

Авель. А я во имя Бога становлюсь
Межъ алтаремъ священнымъ и тобою:
Онъ Господу угождень.

Каинъ. Если жизнью
Ты дорожишь,—уйди и не мѣшай мнѣ.
Иначе я...

Авель. Богъ мнѣ дороже жизни.

Каинъ (поражая Авеля въ високъ головней, которую схватилъ
съ жертвенника).

Такъ пусть она и будетъ жертвой Богу!
Онъ любить кровь.

Авель (падая). Братъ! Что ты сдѣлалъ?!

Каинъ. Братъ!

Авель. О, Боже силь! Прими мой духъ смиренный
И отпусти убійцѣ: онъ не вѣдалъ,
Что дѣлаетъ. Братъ Каинъ, дай мнѣ руку—
Дай руку мнѣ... скажи несчастной Селлѣ...

Каинъ (послѣ минутнаго оцѣпенѣнія).

Дать руку?.. Руку?.. Въ чемъ моя рука?

(Медленно озирается послѣ долгаго молчанія).

Гдѣ я? Одинъ! Гдѣ Авель? Каинъ, гдѣ ты?

Возможно ли, что Каинъ—я? Проснись,

Встань, братъ! Скажи, зачѣмъ ты легъ на землю?

Теперь не ночь... И отчего ты блѣденъ?

Братъ, что съ тобой?.. Ты былъ еще сегодня

Такъ полонъ жизни! Авель, не шути,—

Прошу тебя. Ударъ мой былъ ужасенъ;

Но онъ вѣдь не смертеленъ... Ахъ, зачѣмъ

Ты шелъ ему навстрѣчу? Я ударилъ,

Но вѣдь ударилъ только! О, я знаю,—

Ты хочешь напугать меня! Вдохни,

Пошевелись,—хоть разъ пошеведися!

Вотъ такъ... вотъ такъ... Ты дышишь! Братъ! Дыши!
О, Боже мой!

АВЕЛЬ (едва слышно). Кто здѣсь взываетъ къ Богу?
КАИНЪ. Убійца твой.

АВЕЛЬ. Пусть Богъ ему отпустить.
Братъ, не забудь о Селтѣ; у нея
Братъ—только ты. (Умираетъ).

КАИНЪ. А у меня нѣтъ брата!..
Но онъ глядитъ! Такъ онъ не мертвъ? Вѣдь смерть
Подобна сну, а сонъ смыкаетъ очи...
Вотъ и уста открыты—значитъ, дышатъ?
Но нѣтъ, они не дышатъ!.. Сердце, сердце,—
Послушаю, не бьется ль сердце?.. Нѣтъ!
Такъ гдѣ же я? Во снѣ иль наяву,
Въ какомъ-то страшномъ мѣрѣ? Все кружится
Въ глазахъ моихъ... А это что? Роса?

(Касается рукой лба, потомъ смотритъ на нее).

Нѣтъ, не роса! Нѣтъ, это кровь—кровь брата,
И эта кровь—мною прѣлита! На что же
Мнѣ жизнь теперь, когда я отнялъ жизнь,
Исторгнулъ духъ изъ столь родной мнѣ плоти?
Но онъ не мертвъ! Смерть развѣ есть молчанье?
Нѣтъ, встанетъ онъ,—я буду ждать, я буду
Стеречь его. Вѣдь жизнь не столь ничтожна,
Чтобъ такъ легко угаснуть. И давно ли
Онъ говорилъ? Скажу ему... Но что?
Братъ!.. Нѣтъ, не такъ—онъ мнѣ не отзовется
На этотъ зовъ: братъ не убилъ бы брата...
И все-таки... И все-таки—хоть слово!

Хоть только звукъ изъ милыхъ устъ, чтобъ я
Могъ выносить звукъ собственнаго слова! (Входитъ Селла).

СЕЛЛА. Я слышу стонъ,—кто стонетъ здѣсь? Вонъ Каинъ,
Вонъ Авель распростертый... Каинъ, что ты
Здѣсь дѣлаешь? Онъ задремалъ? О, небо!
Онъ блѣденъ, онъ... Нѣтъ, то не кровь! Откуда
Возьмется кровь? Откуда? Авель, Авель!
Что это значитъ? Что съ тобой?.. Не дышитъ,
Не движется: рука скользитъ, какъ камень,
Изъ рукъ моихъ! О, безсердечный Каинъ!
Какъ могъ ты не поспѣть къ нему на помощь?
Ты бѣ отразилъ убійцу, ты могучъ,
Ты долженъ былъ спасти его... Родитель!
Мать! Ада! гдѣ вы? Въ мѣрѣ—Смерть!

(Убѣгаетъ, призывая родителей).

К а и н ъ.

Да, смерть!

И это я, который ненавиждѣлъ
 Такъ страстно смерть, что даже мысль о смерти
 Всю жизнь мнѣ отравила,—это я
 Смерть въ мѣръ призвалъ, чтобъ собственнаго брата
 Толкнуть въ ея холодныя объятя!
 Я наконецъ проснулся,—обезумилъ
 Меня мой сонъ,—а онъ ужъ не проснется!
 (Входятъ Адамъ, Ева, Ада и Селла).

А д а м ъ. Я прихожу на скорбный голосъ Селлы.
 Чтò вижу я? Такъ это правда? Сынъ мой!
 Вотъ, женщина, слѣдъ змія!

Е в а. О, молчи,
 Молчи о немъ: глубоко зубы змія
 Впились мнѣ въ грудь! Мой ненаглядный Авель!..
 Иегова! наказанье превышаетъ
 Мои грѣхи!

А д а м ъ. Кто это сдѣлалъ, Каинъ?
 Ты былъ при немъ,—скажи, кто это сдѣлалъ?
 Враждебный ли намъ ангелъ, отступившій
 Отъ Господа, иль дикій звѣрь лѣсной?

Е в а. Ахъ, въ этой тьмѣ, какъ молнія, сверкаетъ
 Зловѣщій свѣтъ: вонъ головня,—смотрите,
 Она въ крови!

А д а м ъ. Скажи хоть слово, Каинъ,
 Скажи и убѣди насъ, что въ несчастъѣ
 Мы не вдвойнѣ несчастны.

А д а. Отвѣчай имъ,
 Скажи, что ты невиненъ.

Е в а. Онъ виновенъ,
 Теперь я это вижу; онъ поникъ
 Преступной головой и закрываетъ
 Свирѣпый взоръ кровавыми руками.

А д а. Мать, ты несправедлива... Каинъ, чтò же
 Ты не разсѣешь страшныхъ обвиненій,
 Сорвавшихся съ устъ матери въ минуту
 Безумныхъ мукъ?

Е в а. Внемли мнѣ, о, Иегова!
 Будь проклятъ онъ проклятемъ вѣчнымъ змія!
 Да будетъ онъ снѣдаемъ вѣчной скорбью,
 Да будетъ...

А д а. Мать! Остановись,—онъ сынъ твой,
 Онъ мой супругъ, онъ братъ мой...

ЕВА.

Онъ лишилъ

Тебя родного брата, Селлу—мужа,
 Меня—родного сына. Будь же онъ
 Навѣки скрытъ отъ глазъ моихъ! Всѣ узы
 Я разрываю съ нимъ, не пощадившимъ
 Связь братскихъ узъ. О, смерть! Не я ль ввела
 Тебя въ нашъ міръ? Зачѣмъ же не меня ты
 Взяла отъ міра?

АДАМЪ.

Ева! Ты доводишь

Свою печаль до ропота на Бога.
 Нашъ тяжкій рокъ былъ намъ давно предсказанъ,
 И вотъ сбылось реченное,—склонимъ же
 Свою главу предъ Господомъ: да будетъ
 Его святая воля!

ЕВА.

Не Господь—

Нѣтъ, это онъ, вотъ этотъ призракъ Смерти,
 Котораго на свѣтъ я породила,
 Чтобъ онъ усѣялъ землю мертвецами,—
 Повергъ его! Да будутъ же надъ нимъ
 Проклятья всѣхъ живущихъ, и въ мученьяхъ
 Пусть онъ бѣжитъ въ пустыню, какъ бѣжали
 Изъ Рая мы, пока родныя дѣти
 Не умертвятъ братоубійцу! Пусть
 Горящими мечами херувимовъ
 Преслѣдуемъ онъ будетъ дни и ночи!
 Пусть всѣ плоды земные превратятся
 Въ его устахъ во прахъ и пепель,—змѣи
 Устелятъ всѣ пути его,—листву,
 Гдѣ онъ главу усталую преклонить,
 Усѣютъ скорпіоны! Пусть онъ грезить
 Во снѣ своею жертвой, наяву—
 Зритъ лишь одно—зловѣщій образъ Смерти!
 Пусть всѣ ручьи, когда, сторая жаждой,
 Прильнетъ онъ къ нимъ нечистыми устами,
 Ручьями крови станутъ! Пусть стихіи
 Его врагами будутъ! Пусть живетъ онъ
 Въ мученіяхъ, въ которыхъ умираютъ,
 А смерть ему пусть будетъ хуже смерти!
 Сгинь съ глазъ, братоубійца! Этотъ звукъ
 Отнынѣ міръ замѣнитъ словомъ *Каинъ*,
 И будетъ ненавистенъ онъ вовѣки
 Для мириадъ сыновъ твоихъ. Пусть всюду,
 Гдѣ ступишь ты, трава изсохнетъ! Пусть
 Зеленый лѣсъ тебѣ откажетъ въ сѣни,

Земля—въ жилищѣ, прахъ—въ могилѣ, солнце—
Въ сіяніи, и небеса—въ ихъ Богѣ! (Уходитъ).

Адамъ. Иди отъ насъ: мы жить не можемъ вмѣстѣ.

Иди! Оставь усопшаго—отнынѣ

Я одинокъ—мы не должны встрѣчаться.

Ада. Отецъ, будь милосердъ! Не прибавляй

Къ проклятыямъ Евы новаго проклятья!

Адамъ. Я не клянусь. Его проклятье—совѣсть.

Селла! Идемъ.

Селла. Мой долгъ—остаться здѣсь,

Надъ тѣломъ мужа.

Адамъ. Мы сюда вернемся,

Дай лишь уйти тому, кто уготовалъ

Тебѣ твой долгъ ужасный.

Селла. Дай хоть разъ

Поцѣловать мнѣ хладный прахъ и эти

Уста, навѣкъ остывшія. О, Авель!

(Уходятъ Адамъ и Селла).

Ада. Ты слышалъ, Каинъ: мы должны итти.

Я въ путь уже готова,—остается

Намъ взять дѣтей. Я понесу Эноха,

Ты—дѣвочку. Намъ надо до заката

Найти ночлегъ, чтобъ не итти пустыней

Подъ кровомъ тьмы. Но ты молчишь, не хочешь

Отвѣтить мнѣ—твоей супругѣ, Адѣ?

Каинъ. Оставь меня.

Ада. Но ты оставленъ всѣми!

Каинъ. И ты оставь. Ты развѣ не боишься

Жить съ Каиномъ, съ убійцей?

Ада. Я боюсь

Лишь одного—съ тобой разлуки. Трепетъ

Внушаетъ мнѣ твой тяжкій грѣхъ, но мнѣ ли

Судить его? Судья—Всевышній.

Голосъ. Каинъ!

Ада. Ты слышишь голосъ?

Голосъ. Каинъ! Каинъ!

Ада. Слышишь?

То голосъ ангела. (Входитъ Ангелъ Господень).

Ангелъ. Гдѣ братъ твой, Авель?

Каинъ. Я развѣ сторожъ Авеля?

Ангелъ. О, Каинъ!

Что сдѣлалъ ты? Гласъ неповинной крови

Ко Господу взываетъ. Проклять ты

Отнынѣ всей землею, что отверзла

Свои уста, чтобъ эту кровь пріять.
За тяжкій трудъ она тебѣ отнынѣ
Не дастъ плода. Скитальцемъ безпріютнымъ
Ты будешь жить отнынѣ.

А д а. Онъ не въ силахъ
Перенести такого наказанья;
Вотъ ты изгналъ его съ лица земли,
И скроется онъ отъ лица Господня,
Изгнанникъ и скиталецъ на землѣ,
И будетъ беззащитенъ: всякій встрѣчный
Убьетъ его.

К а и н ъ. О, если бы! Но кто
Убьетъ меня? Кто встрѣтитъ на безлюдной,
Пустой землѣ?

А н г е л ь. Но ты—убійца брата:
Кто можетъ защитить тебя отъ сына?

А д а. Будь милосердъ, пресвѣтлый! Какъ помыслить,
Что эта грудь скорбящая питаетъ
Отцеубійцу лютаго?

А н г е л ь. Онъ будетъ
Тогда лишь тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ.
Грудь Евы не питала ли въ дни оны
Того, кто здѣсь теперь лежитъ во прахѣ?
Братоубійца можетъ породить
Отцеубійца. Но этого не будетъ:
Мой Богъ велитъ мнѣ положить печать
На Каина, чтобъ онъ въ своихъ скитаньяхъ
Былъ невредимъ. Тому въ семь разъ воздастся,
Кто посягнетъ на Каина. Приблизься.

К а и н ъ. Скажи, зачѣмъ?

А н г е л ь. Затѣмъ, чтобъ заклеить
Твое чело, да оградишь ты будешь
Отъ рукъ убійцы.

К а и н ъ. Нѣтъ, лучше смерть!

А н г е л ь (налагая клеймо на чело Каина). Ты долженъ
И будешь жить.

К а и н ъ. Мое чело пылаетъ,
Но мозгъ горитъ сильнѣе во сто кратъ.

А н г е л ь. Строптивъ ты былъ и жестокъ съ дня рожденья,
Какъ почва, надъ которою отнынѣ
Ты осужденъ трудиться; онъ же—кротокъ,
Какъ овцы стадъ, которыя онъ пасъ.

К а и н ъ. Я былъ зачатъ въ дни первыхъ слезъ о Раѣ,
Когда отецъ еще скорбѣлъ о немъ,

А мать была еще подъ властью змія.
Я сынъ грѣха; я не стремился къ жизни,
Не самъ создалъ свой темный духъ; но если бѣ
Я могъ своею собственною жизнью
Дать жизньъ ему... Ужели даже смерть
Не приметъ этой жертвы? Онъ возстанетъ,
Я буду мертвъ; онъ былъ угоденъ Богу,
Такъ пусть онъ вновь восприметъ жизньъ, а я
Лишусь ея томительнаго ига!

Ангелъ. Ты долженъ жить. Твой грѣхъ—неизгладимый.
Иди, исполни дни свои—и впродъ
Не омрачай ихъ новыми грѣхами. (Исчезаетъ).

Ада. Онъ отошелъ. Пойдемъ и мы. Я слышу
Плачь нашего малютки.

Каинъ. О, малютка
Не знаетъ самъ, о чемъ онъ плачетъ; я же,
Пролившій кровь, ужъ не могу лить слезъ,
Хотя всѣхъ рѣкъ Эдема не хватило бѣ,
Чтобъ смыть мой грѣхъ. Увѣрена ли ты,
Что отъ меня мой сынъ не отвернется?

Ада. Когда бѣ не такъ, то я...

Каинъ. Оставь угрозы,
Не мало мы внимали имъ; иди,
Бери дѣтей—я буду за тобою.

Ада. Я одного тебя здѣсь не оставлю.
Уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

Каинъ. О, безмолвный
И вѣчный обличитель! Ты, чья кровь
Весь міръ мнѣ затемняетъ! Я не знаю,
Что ты теперь; но если взоръ твой видитъ,
Чѣмъ сталъ твой братъ, то ты простишь того,
Кому ни Богъ, ни собственное сердце
Ужъ не дадутъ забвенія. Прощай!
Я не дерзну, не долженъ прикасаться
Къ тому, чѣмъ сталъ ты отъ руки моей.
Я, кто съ тобой рожденъ одной утробой,
Одною грудью вскормленъ, кто такъ часто
Съ любовью братской къ сердцу прижималъ
Тебя въ дни нашей юности,—я больше
Тебя ужъ не увижу и не смѣю.
Исполнить то, что долженъ былъ исполнить
Ты для меня—сложить твой прахъ въ могилу,
Изрытую для смертнаго впервые,
И вѣмъ же? Мною!.. Земля! Земля! За все,

МАНФРЕДЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА БАЙРОНА.

There are more things in heaven and
earth, Horatio, than are dreamt of in
your philosophy

Shakspeare.

DRAMATIS PERSONAE:

Манфредъ.

Охотникъ за сернами.

Аббатъ Св. Маврикія.

Мануэль.

Германъ.

Фея Альпъ.

Ариманъ.

Немезида.

Парки.

Духи.

Дѣйствіе происходитъ въ Бернскихъ Альпахъ,—частью въ замкѣ Манфреда, частью въ горахъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Готическая галлерей.—Полночь.

МАНФРЕДЪ (одинъ). Ночникъ пора долить, хотя изсякнетъ

Онъ все-таки скорѣй, чѣмъ я усну;

Ночь не приноситъ мнѣ успокоенья

И не даетъ забыться отъ тяжелыхъ,

Неотразимыхъ думъ: моя душа

Не знаетъ сна, и я глаза смыкаю

Лишь для того, чтобъ внутрь души смотрѣть.

Не странно ли, что я еще имѣю

Подобіе и обликъ челоуѣка,

Что я живу? Но скорбь—наставникъ мудрыхъ;

Скорбь—знаніе, и тотъ, кто имъ богаче,

Тотъ долженъ былъ въ страданіяхъ постигнуть,
Что древо знанія—не древо жизни.
Науки, философію, всѣ тайны
Чудснаго и всю земную мудрость—
Я все позналъ, и все постигъ мой разумъ:
Что пользы въ томъ?—Я расточалъ добро
И даже самъ встрѣчалъ добро порою;
Я зналъ враговъ и разрушалъ ихъ козни,
И часто врагъ смирялся предо мной:
Что пользы въ томъ?—Могущество и страсти,
Добро и зло—все, что волнуешь міръ—
Все для меня навѣки стало чуждымъ
Въ *тотъ* адскій мигъ. Мнѣ даже страхъ невѣдомъ,
И осужденъ до гроба я не знатъ
Ни трепета надеждъ или желаній,
Ни радости, ни счастья, ни любви.—
Но часъ насталь.—

Таинственные силы!

Властители вселенной безграничной,
Кого искалъ я въ свѣтѣ дня и въ тьмѣ!
Вы, въ воздухѣ сокрытые,—незримо
Живущіе въ эфирѣ,—вы, кому
Доступны горъ заоблачныя выси,
И нѣдра скалъ, и бездны океана,—
Во имя чаръ, мнѣ давшихъ власть надъ вами,
Зову и заклинаю васъ: явитесь! (Молчаніе).
Отвѣта нѣтъ.—Такъ именемъ того,
Кто властвуетъ надъ вами,—начертаньемъ,
Которое васъ въ трепеть повергаетъ,—
Велѣніемъ безсмертнаго!—Явитесь! (Молчаніе).
Отвѣта нѣтъ.—Но, духи тьмы и свѣта,
Вамъ не избѣгнуть чаръ моихъ: той силой,
Что всѣхъ неотразимѣе,—той властью,
Что рождена на огненномъ обломкѣ
Разрушеннаго міра,—на планетѣ,
Погибшей и навѣки осужденной
Блуждать среди предвѣчнаго пространства,
Проклятіемъ, меня гнетущимъ,—мыслью,
Живущею во мнѣ и вокругъ меня,—
Зову и заклинаю васъ: явитесь!

(Въ темномъ концѣ галлерей появляется неподвижная звѣзда, и слышится голосъ, который поетъ).

Первый духъ. Смертный! На лучѣ звѣзды
Я спустился съ высоты.

Силѣ чарѣ твоихъ послушный,
Я покинулъ міръ воздушный,
Мой чертогъ среди эира,
Нѣжно сотканный дыханьемъ
Тучъ вечернихъ и сіаньемъ
Золотистаго сафира
Въ предзакатной тишинѣ.

Смертный! Что велишь ты мнѣ?

Второй духъ. Монбланъ—царь горъ, онъ до небесъ

Возносится главою
На тронѣ скалъ, въ порфирѣ тучъ,
Въ коронѣ снѣговой.

Лѣсами станъ его повить.

Громовый гулъ лавинъ
Въ могучей длани держитъ онъ
Надъ синей мглой долинъ.

Вѣка вѣковъ громады льдовъ
Вдоль скалъ его ползуть,
Но чтобъ низвергнуться во прахъ—
Моихъ вельнй ждуть.

Я грозный повелитель горъ,
Единымъ словомъ я

До нѣдръ ихъ потрясти могу—
Кто ты, чтобъ звать меня?

Третій духъ. Въ тишинѣ заповѣдной,

Въ синей безднѣ морей,
Гдѣ сирена вплетаетъ
Перлы въ зелень кудрей,

Гдѣ во мракѣ таится
Водяная змѣя,—

Гуломъ бури твой голосъ
Цолетѣль до меня.

Мой чертогъ изъ коралла
Онъ наполнилъ собой—

Что ты хочешь, о, смертный?
Духъ морей предъ тобой!

Четвертый духъ. Гдѣ нѣдра вулкановъ

Кипятъ въ полуснѣ
И лава клокочетъ

Въ гудящемъ огнѣ,
Гдѣ Анды корнями
Ушли въ глубину,—

Вершинами гордо
Стремясь въ вышину,—

Во мракѣ подземномъ
Тебѣ я внималъ,
На зовъ твой покорно
Изъ мрака предсталъ!

Пятый духъ. Я духъ и повелитель бурь,
Я властелинъ вѣтровъ;
Свой путь къ тебѣ я совершалъ
Средь молній и громовъ.

Черезъ океанъ несъ ураганъ
Меня на голосъ твой:
Плылъ въ морѣ флотъ, но въ безднѣ водъ
Онъ будетъ предъ зарей!

Шестой духъ. Духъ Ночи предъ тобой, духъ темноты—
Зачѣмъ меня терзаешь свѣтомъ ты?

Седьмой духъ. Твоей звѣздой правилъ я
Въ тѣ дни, когда еще земля
Была не создана. То былъ
Миръ дивный, полный юныхъ силъ,
Миръ, затмевавшій красотой,
Теченьемъ царственнымъ своимъ,
Всѣ звѣзды, что блистали съ нимъ
Въ пустынѣ неба голубой.

Но часъ насталъ—и навсегда
Померкла дивная звѣзда!

Огнистой глыбой безъ лучей,
Зловѣщимъ призракомъ ночей,
Безъ цѣли мчится въ даль она,
Весь вѣкъ блуждать осуждена.

И ты, родившійся подъ той
Для неба чуждою звѣздой,
Ты, червь, предъ кѣмъ склоняюсь я,

Въ груди презрѣнье затая,

Ты, властью, данною тебѣ,

Чтобы предать тебя Судьбѣ,

Призвавшій лишь на краткій мигъ

Меня въ толпу рабовъ своихъ,

Скажи, сынъ праха, для чего

Ты звалъ владыку своего?

Семь духовъ. Владыки горъ, вѣтровъ, земли и безднъ
морскихъ,

Духъ воздуха, духъ тьмы и духъ твоей судьбы—

Всѣ притекли къ тебѣ, какъ вѣрные рабы,—

Что повелишь ты имъ? Чего ты ждешь отъ нихъ?

Манфредъ. Забвенія.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ. Чего—кого—зачѣмъ?

МАНФРЕДЪ. Вы знаете. Того, что въ сердцѣ скрыто.

Прочтите въ немъ—я самъ сказать не въ силахъ.

ДУХЪ. Мы можемъ дать лишь то, что въ нашей власти:

Проси короны, подданныхъ, господства

Хотя надъ цѣлымъ міромъ,—пожелай

Повелѣвать стихіями, въ которыхъ

Мы безгранично царствуемъ,—все будетъ

Дано тебѣ.

МАНФРЕДЪ. Забвенья—лишь забвенья.

Вы мнѣ сулите многое: ужели

Не въ силахъ дать лишь одного?

ДУХЪ.

Не въ силахъ.

Быть-можетъ, смерть...

МАНФРЕДЪ. Но дастъ ли смерть забвенья?

ДУХЪ. Забвеніе невѣдомо безсмертнымъ:

Мы вѣчны—и прошедшее для насъ

Сливается съ грядущимъ въ настоящемъ.

Вотъ нашъ отвѣтъ.

МАНФРЕДЪ. Вы надо мной глумитесь;

Но властью чаръ, мнѣ давшихъ власть надъ вами,

Я царь для васъ.—Рабы, не забывайтесь!

Безсмертный духъ, наслѣдье Прометея,

Огонь, во мнѣ зажженный, такъ же яркъ,

Могучъ и всеобъемлющъ, какъ и вашъ,

Хотя и облеченъ земною перстью.

Отвѣтствуйте—иль горе вамъ!

ДУХЪ.

Мы можемъ

Лишь повторить отвѣтъ; онъ заключенъ

Въ твоихъ словахъ.

МАНФРЕДЪ.

Въ какихъ?

ДУХЪ.

Ты говорилъ намъ,

Что равенъ намъ; а смерть для насъ—ничто.

МАНФРЕДЪ. Такъ я напрасно звалъ васъ! Вы не въ силахъ

Иль не хотите мнѣ помочь.

ДУХЪ.

Проси:

Мы все дадимъ, что только въ нашей власти.

Проси короны, мощи, долголѣтья...

МАНФРЕДЪ. Проклятіе! Къ чему мнѣ долголѣтье?

И безъ того дни долги!—Прочь!

ДУХЪ.

Помедли,

Подумай, прежде чѣмъ насъ отпустить.

Быть-можетъ, есть хоть что-нибудь, что цѣнно

Въ твоихъ глазахъ?

МАНФРЕДЪ. О, нѣтъ! Но предъ разлукой
Мнѣ хочется увидѣть васъ. Я слышу
Печальные и сладостные звуки,
Я вижу яркую недвижную звѣзду,
Но дальше—мракъ. Предстаньте предо мною,
Одинъ или всѣ, въ своемъ обычномъ видѣ.

ДУХЪ. Мы не имѣемъ образовъ—мы души
Своихъ стихій. Но выбери любую
Изъ формъ земныхъ—и примемъ мы ее.

МАНФРЕДЪ. Нѣтъ ничего на всей землѣ, что бъ было
Отраднѣе мнѣ или ненавистно. Пусть
Сильнѣйшій между вами приметъ образъ,
Какой ему пристойнѣе.

СЕДЬМОЙ ДУХЪ (появляясь въ образѣ прекрасной женщины).
Смотри!

МАНФРЕДЪ. О, Боже! Если ты не навожденье
И не мечта безумная, я могъ бы
Опять извѣдать счастье. О, приди,
Приди ко мнѣ, и снова... (Призракъ исчезаетъ).
Я раздавленъ!

(Падаетъ безъ чувствъ).

ГОЛОСЪ (произносящій заклинаніе).

Въ часъ, когда молчитъ волна,
Надъ волной горитъ луна,
Подъ кустами—свѣтляки,
Надъ могилой огоньки;
Въ часъ, когда сова рыдаетъ,
Метеоръ скользя блистаетъ
Въ глубинѣ ночныхъ небесъ,
И недвижимъ темный лѣсъ—
Властью, силой роковой
Овладѣю я тобой.
Пусть глубоко твой будетъ сонъ—
Не коснется духа онъ.
Есть зловѣщія видѣнья,
Отъ которыхъ нѣтъ спасенья:
Тайной силою плѣненъ,
Въ кругъ волшебный заключенъ,
Ты нигдѣ ихъ не забудешь,
Никогда одинъ не будешь—
Ты замрешь навѣки въ нихъ,—
Въ темныхъ силахъ чаръ моихъ.
И проклятыя вѣщій гласъ
Ужъ изрекъ въ полночный часъ

Надъ тобой свой приговоръ:
Въ вѣтрѣ будешь ты съ тѣхъ поръ
Слышать только скорбный стонъ;
Ночью, скорбью удрученъ,
Будешь солнца жаждать ты,
Но едва изъ темноты
Выйдетъ солнце надъ тобой—
Будешь ночи ждать съ тоской.
Я въ слезахъ твоихъ нашла
Ядъ холодной лжи и зла,
Въ сердцѣ, полномъ мукъ притворныхъ,
Кровь, чернѣе ядовъ черныхъ.
Сорвала я съ устъ твоихъ
Талисманъ тлетворный ихъ—
Твой коварно-тихий смѣхъ,
Какъ змѣя, плѣнявшій всѣхъ.
Всѣ отравы знаю я—
И сильнѣе всѣхъ—твоя.
Лицемѣриемъ твоимъ,
Сердцемъ жесткимъ и сухимъ,
Лживой нѣжностью очей,
Злобой, скрытою подъ ней,
Равнодушнымъ безучастьемъ
Къ братскимъ горестямъ, несчастьямъ,
И умѣниемъ свой ядъ,
Свой змѣино-жадный взглядъ
Глубоко сокрыть въ себя—
Проклинаю я тебя!
Изливаю надъ тобой
Уготованный судьбой,
Роковой фіалъ твоихъ
Мукъ и горестей земныхъ:
Ни забвенья, ни могилы
Не найдетъ твой духъ унылый;
Заклинаньемъ очарованъ
И беззвучной цѣпью скованъ,
Безъ конца томись, страдай
И въ страданьяхъ—увядай!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Гора Юнгфрау.—Утро.—Манфредъ, одинъ на утесахъ.

Манфредъ. Сокрылись духи, вызванные мной,
Не прицесли мнѣ облегченья чары,

Не помогла наука волшебства.

Я ужъ не вѣрю въ силы неземныя,
Онѣ надъ прошлымъ власти не имѣютъ,
А что мнѣ до грядущаго, покуда
Былое тьмой покрыто?—Мать Земля!

Ты, юная денница, вы, о, горы,
Зачѣмъ вы такъ прекрасны?—Не могу
Я васъ любить.—И ты, вселенной око,
На цѣлый мiръ отверстое съ любовью,
Ты не даешь отрады только мнѣ!

Вы, груды скалъ, гдѣ я стою надъ бездною
И въ безднѣ надъ потокомъ различаю
Верхи столѣтнихъ сосенъ, превращенныхъ
Зіяющей стремниною въ кустарникъ,—
Скажите мнѣ, зачѣмъ надъ ней я медлю,
Когда одно движенье, лишній шагъ
Навѣки успокоили бы сердце

Въ скалистомъ ложѣ горнаго потока?

Оно зоветъ—но я не внемлю зову,

Оно страшитъ—но я не отступаю,

Мутить мой умъ—и все же я стою:

Есть чья-то власть, что жизнь намъ сохраняетъ,

Что заставляетъ жить насъ, если только

Жить значитъ пресмыкаться на землѣ

И быть могилою собственнаго духа,

Утративъ даже горькую отраду—

Оправдывать себя въ своихъ глазахъ! (Пролетаетъ орелъ).

Могучій царь пернатыхъ, сынъ ээира,

Превыше тучъ парящій въ поднебесьѣ,

О, если бы мнѣ быть твоей добычей

И пищей для орлятъ твоихъ! Въ лазури

Чернѣешь ты, и я тебя чуть вижу,

Межъ тѣмъ какъ ты и внизъ, и вверхъ, и въ ширь

Пронзаешь взоромъ воздухъ!—Какъ прекрасенъ,

Какъ царственно-прекрасенъ мiръ земной,

Какъ величавъ во всѣхъ своихъ явленьяхъ!

Лишь мы, что назвались его царями,

Лишь мы, смѣшенье праха съ божествомъ,

Равно и праху чуждые и небу,

Мрачимъ своею двойственной природой

Его чело спокойное, волнуясь

То жаждою возвыситься до неба,

То жалкою привязанностью къ праху,

Пока не одолѣетъ прахъ, и мы

Не станемъ гѣмъ, чего назвать не смѣемъ,
Что намъ внушаетъ ужасъ.—Чу, свирѣль!

(Вдали слышна свирѣль пастуха).

Патріархально-сладостные звуки
Далеко раздаются по ущельямъ,
Сливаясь съ колокольчиками стадъ,
И жадно я внимаю имъ.—О, если бъ
Я былъ незримымъ духомъ этихъ звуковъ,
Гармоніей свободной и живой,
Блаженствомъ безтѣлеснымъ, что родится,
Живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ ними!

(Снизу поднимается охотникъ за сернами).

Охотникъ. Да, серна здѣсь промчалась! Но куда?

Какъ на-смѣхъ промелькнула и пропала!

Боюсь, что не окупится сегодня

Мой тяжкій трудъ.—Но кто это вдали?

Онъ съ виду не охотникъ, а поднялся

На высоту, которой достигаютъ

Лишь лучшіе охотники. На немъ

Богатый плащъ, онъ мужественно-строенъ

И гордъ, какъ сынъ свободнаго народа.

Пойду къ нему.

Манфредъ (не замѣчая охотника). До срока посѣдѣть

Отъ скорбныхъ думъ, подобно этимъ жалкимъ

Обломкамъ сосенъ, бурей искривленнымъ,

Погубленнымъ одною зимней вьюгой,—

И быть такимъ, съ тоскою вспоминая

Иные дни, и на челѣ носить

Морщины, что оставили не годы,

А лишь мгновенья,—тяжкія мгновенья,

Ужасныя, какъ вѣчность! Вы, лавины!

Вы, глыбы льдовъ! Обрушѣтесь на меня

И поглотите жизнь мою! Я слышу,

Вашъ непрестанный грохотъ, но, свергаясь,

Вы губите лишь то, что жаждетъ жизни.

Цвѣтущій лѣсъ иль мирныя селенья.

Охотникъ. Съ долины поднимаются туманы.

Скажу ему, что намъ пора спускаться,

Не то онъ здѣсь останется навѣки.

Манфредъ. Вдругъ ледниковъ дымится мгла и пахнетъ

Горящей сѣрой; бѣлыми клубами

Къ моимъ ногамъ вползаютъ облака,

Какъ пѣна изъ пучины преисподней,

Съ тѣхъ жадныхъ волкъ, что роютъ берегъ жизни,

Обремененный грѣшными, какъ щебнемъ.—

Я задыхаюсь.

Охотникъ. Онъ едва стоитъ:

Мнѣ нужно подойти къ нему тихонько,—

Иначе онъ сорвется.

Манфредъ. Съ тяжкимъ гуломъ

Обрушивались горы, прорывая

Ткань облаковъ и сотрясая Альпы,

Загромождали грудями обломковъ

Зеленая цвѣтущая долины,

Запруживали рѣки, низвергаясь,

И въ пыль и мглу ихъ воды раздробляли.

Такъ нѣкогда палъ Розенбергъ.—Зачѣмъ

Я не стоялъ тогда въ его долинахъ?

Охотникъ. Пріятель, осторожнѣй! Лишній шагъ—

И ты простишься съ жизнью. Ради Бога,

Отдвинься отъ обрыва!

Манфредъ (не слыша охотника). Какъ спокойно

Уснулъ бы я! Мой прахъ не сталъ бы жалкой

Игрушкой вѣтра, не былъ бы развѣянъ

По скаламъ и утесамъ. А теперь—

Простите, небеса! О, не смотрите

Вы на меня съ такою укоризной—

Не для меня вы созданы.—Земля!

Прими меня!

(Дѣлаетъ движеніе броситься со скалы, но охотникъ внезапно схватываетъ и удерживаетъ его).

Охотникъ. Остановись, безумецъ!

Не оскверняй долину преступной кровью—

Иди за мной—я не пушу тебя!

Манфредъ. Какъ тяжело мнѣ! — Нѣтъ, не держи такъ
крѣпко—

Я изнемогъ—кружась, мелькаютъ горы—

Въ глазахъ туманъ. Зачѣмъ ты здѣсь и кто ты?

Охотникъ. Скажу, скажу.—Теперь идемъ—все тонетъ

Въ туманѣ—опирайся на меня—

Стань вотъ сюда—сюда—и придержишь

За этотъ кустъ—дай руку и покрѣпче

Возьми меня за поясъ—легче!—такъ.

Теперь смѣлѣй—недалеко до дома—

Мы выберемъ скоро на тропинку,

Прорытую ручьями.—Прыгай—славно!

Да ты любому горцу не уступишь!

(Медленно спускаются по скаламъ).

АКТЪ ВТОРОЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Хижина въ Бернскихъ Альпахъ.

Манфредъ и охотникъ.

Охотникъ. Нѣтъ, подожди—тебѣ еще опасно
Пускаться въ путь: ты слишкомъ изнемогъ,
Ты слабъ еще и тѣломъ и душою.
Вотъ отдохнешь—тогда мы и пойдёмъ.
Гдѣ ты живешь?

Манфредъ. Дорога мнѣ извѣстна.
Я въ провожатомъ больше не нуждаюсь.

Охотникъ. По виду твоему я замѣчаю,
Что ты изъ тѣхъ, чьи замки такъ угрюмо
Глядятъ со скалъ на хижины въ долинахъ.
Который твой? Я знаю въ нихъ лишь входы,
Мнѣ изрѣдка доводится погрѣться
У очаговъ ихъ старыхъ темныхъ залъ,
За чашей, межъ вассаловъ, но тропинки,
Что съ горъ ведутъ къ воротамъ этихъ замковъ,
Извѣстны мнѣ съ младенчества. Гдѣ твой?

Манфредъ. Не все ль равно?

Охотникъ. Ну, хорошо, не хмурься,
Прости за спросъ. Отвѣдаемъ вина.
Старинное! Не разъ отогрѣвало
Оно меня средь нашихъ ледниковъ—
Теперь пускай тебя согрѣетъ.—Выпьемъ!

Манфредъ. Прочь отъ меня!—На кубекъ кровь!—О, Боже,
Ужели *никогда* она не сгинетъ?

Охотникъ. Какая кровь? Ты бредишь?

Манфредъ. Наша кровь!

Та, что текла въ сердцахъ отцовъ и въ нашихъ,
Когда мы были юны и любили
Такъ горячо, какъ было грѣхъ любить,
Та, что встаетъ изъ праха, обагрятъ
Мракъ, заступившій небо предо мною,
Гдѣ нѣтъ тебя, а мнѣ не быть—вовѣки.

Охотникъ. Ты странный и несчастный человекъ;
Но каковы бы ни были страданья,
Каковъ бы ни былъ грѣхъ твой, есть спасенье:
Терпѣние, смиренье и молитва.

Манфредъ. Терпѣние!—Нѣтъ не для хищныхъ птицъ

Придумано терпѣніе: для муловъ!
Прибереги его себѣ подобнымъ,—
Я изъ другой породы.

Охотникъ. Боже мой!

Да я бѣ не взялъ безсмертной славы Телля,
Чтобъ быть тобой. Но повторяю: въ гнѣвѣ
Спасенья нѣтъ; неси свой крестъ покорно.

Манфредъ. Я и несу. Вѣдь я живу—ты видишь.

Охотникъ. Такая жизнь—болѣзненные корчи.

Манфредъ. Я говорю—я прожилъ много лѣтъ
И долгихъ лѣтъ, но что все это значитъ
Предъ тѣмъ, что суждено мнѣ: я столѣтъя,
Я вѣчность долженъ жить въ неугасимой
И тщетной жаждѣ смерти!

Охотникъ. Какъ! Но ты

Совсѣмъ не старъ: ты среднихъ лѣтъ, не больше.

Манфредъ. Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Скорѣй—отъ насъ самихъ.

Жизнь для меня—безмѣрная пустыня,

Безплодное и дикое побережье,

Гдѣ только волны стонуть, оставляя

Въ нагихъ пескахъ обломки мачтъ да трупы,
Да водоросли горькія, да камни!

Охотникъ. Увы, онъ сумасшедшій! Безъ призора
Его нельзя оставить.

Манфредъ. О, повѣрь,—

Я былъ бы радъ безумію; тогда бы

Все, что я вижу, было бы лишь бредомъ.

Охотникъ. Что жъ видишь ты, иль думаешь, что видишь?

Манфредъ. Тебя, сынъ горь, и самого себя,

Твой мирный бытъ и кровь гостепріимный,

Твой духъ, свободный, набожный и стойкій,

Исполненный достоинства и гордый,

Затѣмъ что онъ и чистъ и непороченъ,

Твой трудъ, облагороженный отвагой,

Твое здоровье, бодрость и надежды

На старость безмятежную, на отдыхъ

И тихую могилу подъ крестомъ,

Въ вѣнкѣ изъ розъ.—Вотъ твой удѣлъ. А мой—

Но что о немъ—во мнѣ ужъ все убито!

Охотникъ. И ты бѣ со мною долей помѣнялся?

Манфредъ. Нѣтъ, другъ, я не желаю зла тебѣ,

Я участію ни съ кѣмъ не помѣняюсь:

Я удрученъ, но все же выношу

То, что другому было бы не под силу,
Перенести не только наяву,
Но даже в сновидѣнны.

Охотникъ. И съ такую
Душой, высокой, нѣжной, быть злодѣемъ.
Кровавой местию тѣшиться?—Не вѣрю!

Манфредъ. О, нѣтъ—нѣтъ—нѣтъ! Я только тѣхъ губилъ,
Кѣмъ былъ любимъ, кого любилъ всѣмъ сердцемъ,
Враговъ я поражалъ, лишь защищаясь,
Но гибельны мои объятя были.

Охотникъ. Пусть небо ниспошлетъ тебѣ покой
И покаянья сладостныя слезы!
Я буду поминать тебя въ молитвахъ.

Манфредъ. Я не нуждаюсь въ нихъ; но состраданья
Отвергнуть не могу.—Я ухожу—
Пора—прости! Вотъ золото—ты долженъ
Его принять.—Не провожай меня—
Путь мнѣ знакомъ, опасность миновала—
Еще разъ говорю—не провожай!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Нижняя долина въ Альпахъ.—Водопадъ.

Манфредъ. Еще не полдень: радуга сіяетъ
Въ потокѣ всѣми красками небесъ,
И серебромъ блистаетъ столпъ потока,
Свергаясь съ высоты и развѣваясь
Вдоль скалъ струями пѣны свѣтозарной,
Какъ хвостъ коня-гиганта, на которомъ
Въ видѣнны Іоанна мчится Смерть.
Одинъ я упиваюсь этой дивной
Игрою водъ, и сладость созерцанья
Я раздѣлю въ тиши уединенья
Лишь съ феей горь.—Я вызову ее.

(Зачерпываетъ на ладонь воды и бросаетъ ее въ воздухъ, вполголоса произнося заклинанія. Подъ радугой водопада появляется Фея Альпъ).

Прелестный духъ, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослѣпительны, какъ солнце,
На чьихъ ланитахъ краски такъ же нѣжны,
Какъ цвѣтъ ланитъ уснувшего младенца,
Какъ алыи отблескъ лѣтняго заката
На горныхъ льдахъ,—какъ дѣвственный румянецъ
Земли, въ объятя неба заключенной!
Предестный духъ, затмившій красотою

Блескъ радуги, горящей надъ потокомъ,
Дочь Воздуха! Я на твоёмъ челѣ
Въ твоёмъ спокойномъ и безгрѣшномъ взорѣ,
Гдѣ свѣтитъ миръ твоей души безсмертной,
Съ отрадою прочелъ, что Сынъ Земли,
Которому таинственныя силы
Дозволили вступать въ бесѣды съ ними,
Прощенья тобой за то, что онъ дерзнулъ
Воззвать къ тебѣ и на одно мгновенье
Узрѣть твой ликъ.

Фея. Я знаю, Сынъ Земли,
Тебя и тѣхъ, къмъ награжденъ ты властью.
Ты человекъ, свершившій въ жизни много
Добра и зла, не вѣдая въ нихъ мѣры,
И рокомъ на страданья обреченный.

Я этого ждала—чего ты хочешь?

Манфредъ. Взирать на красоту твою—и только.

Лицо земли мой разумъ помрачило,
Я въ миръ тайнъ убѣжища искалъ,
Въ жилищѣ тѣхъ, кто ею управляетъ,
Но помощи не встрѣтилъ. Я пытался
Найти въ нихъ то, чего они не могутъ
Мнѣ даровать,—теперь ужъ не пытаюсь.

Фея. Но что же то, предъ чѣмъ безсильны даже
Властители незримаго?

Манфредъ. Ты знаешь,
Нѣтъ цѣли повторять.

Фея. Мнѣ непонятны
Твои слова,—я мукъ твоихъ не знаю.
Открой мнѣ ихъ.

Манфредъ. Мнѣ это будетъ пыткой,
Но все равно,—душа тайтъ устала
Свою тоску. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ
Ни въ чемъ съ людьми я сердцемъ не сходилъ
И не смотрѣлъ на землю ихъ очами;
Ихъ цѣли жизни я не раздѣлялъ,
Ихъ жажды честолюбія не вѣдалъ,
Мои печали, радости и страсти
Имъ были непонятны. Я съ презрѣньемъ
Взиралъ на жалкій обликъ человека,
И лишь одно среди созданій праха,
Одно изъ всѣхъ—но послѣ. Повторяю:
Съ людьми имѣлъ я слабое общенье,
Но у меня была иная радость,

Иная страсть: Пустыня. Я съ отрадой
 Дышалъ морозной свѣжестью на льдистыхъ
 Вершинахъ горъ, среди нагихъ гранитовъ,
 Гдѣ даже птицы гнѣздъ свивать не смѣютъ;
 Я упивался юною отвагой
 Въ борьбѣ съ волнами шумныхъ горныхъ рѣкъ
 Иль съ бѣшенымъ прибоемъ океана;
 Я созерцалъ съ заката до разсвѣта
 Теченье звѣздъ, я жадными очами,
 До слѣпоты, ловилъ блистанье молній,
 Иль по часамъ внималъ напѣвамъ вѣтра,
 Въ осенній день, подъ шумъ поблекшихъ листьевъ.
 Такъ дни текли, и я былъ одинокъ;
 Когда же на пути моемъ встрѣчался
 Одинъ изъ тѣхъ, чей ненавистный образъ
 Ношу и я,—я чувствовалъ, что свергнуть
 Съ небесъ во прахъ. И я проникъ въ могилы,
 Стремясь постичь загробный міръ, и много
 Извлекъ въ тѣ дни я дерзкихъ заключеній
 Изъ череповъ, сухихъ костей и тлѣна.
 Я предался таинственнымъ наукамъ,
 Чтò знали только въ древности, и годы
 Моихъ трудовъ и тяжелыхъ испытаній
 Мнѣ дали власть надъ духами, открыли
 Передо мной ликъ Вѣчности, и властенъ
 Я сталъ, какъ магъ, какъ чародѣй, чтò вызвалъ
 Въ Гадарѣ Антэроса и Эроса,
 Какъ я тебя; и знанія мои
 Во мнѣ будили жажду новыхъ знаній,
 И крѣпъ я въ нихъ, покуда...

Фея.

Продолжай.

Манфредъ. О, я не даромъ длилъ рассказъ: мнѣ болѣно
 Произнести признанье роковое.
 Но далѣе. Я не назвалъ ни друга,
 Ни матери, ни милой—никого
 Изъ тѣхъ, съ кѣмъ насъ связуютъ цѣпи жизни.
 Я ихъ имѣлъ, но былъ имъ чуждъ душою,
 И лишь одна, одна изъ всѣхъ...

Фея.

Мужайся.

Манфредъ. Она была похожа на меня.
 Черты лица, цвѣтъ глазъ, волосъ и даже
 Тонъ голоса—все родственно въ насъ было,
 Хотя она была прекрасна. Насъ
 Сближали одинаковыя думы,

Любовь къ уединенію, стремленья
Къ таинственнымъ познаніямъ и жажда
Обнять умомъ вселенную, весь міръ;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье къ людямъ, слезы и улыбки,—
Которыхъ я не вѣдаю,—смиренье,—
Моей душѣ не сродное,—и нѣжность,
Что только къ ней имѣлъ я; недостатки
Ея природы были и моими,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбилъ и погубилъ ее!

Фея. Своей рукой?

Манфредъ. Нѣтъ, не рукою—сердцемъ,
Которое ея разбило сердце:
Оно въ мое взглянуло и увяло;
Я пролилъ кровь, кровь не ея, и все же
Была пролита кровь ея.

Фея. И ради
Одной изъ тѣхъ, кого ты презираешь,
Надъ кѣмъ ты могъ возвыситься, дерзая
Быть равнымъ намъ, ты пренебрегъ дарами
Властителей незримаго и снова
Унизился до жалкихъ смертныхъ! Прочь!

Манфредъ. Дочь Воздуха! Я говорю: я вынесъ—
Но что слова? Взгляни, какъ я измученъ!
Я больше одиночества не знаю,
Я окруженъ толпою фурій; ночью
Я скрежещу зубами, проклиная
Ночную тьму, днемъ—проклиная день.
Безумія, какъ милости, молилъ я,
Но небеса мольбамъ не внимлютъ; къ смерти
Стремился я, но средь борьбы стихій
Передо мною волны отступаютъ
И прочь бѣгутъ; какой-то злобный демонъ
На волоскъ меня надъ бездной держитъ—
И волосокъ не рвется; въ міръ грезъ,
Въ фантазіи,—я былъ когда-то ею
Богатъ, какъ Крезъ,—пытался я сокрыться,
Но, какъ волну въ отливъ, меня уноситъ
Изъ міра грезъ въ пучину темной мысли;
Съ людскою толпой сливался я—забвенья
Искалъ вездѣ, но отъ меня сокрыты
Пути къ нему: всѣ знанія, всѣ чары,
Что добылъ я столь тяжкими трудами,

Безсильны здѣсь, и, въ безысходной скорби,
Я долженъ жить—жить безъ конца.

Фея. Быть-можетъ,
Я помогу тебѣ.

Манфредъ. О, помоги!
Заставь ее возстать на мигъ изъ гроба,
Иль мнѣ открой могилу! Я съ отрадой
Перенесу какую хочешь муку,
Но только пусть она послѣдней будетъ.

Фея. Надъ мертвыми безсильна я; но если
Ты поклянешься мнѣ въ повинованьи—

Манфредъ. Не поклянусь.—Повиноваться? Духамъ,
Которые подвластны мнѣ? Служить
Своимъ рабамъ? О, никогда!

Фея. Ужели
Иного нѣтъ отвѣта?—Но подумай,
Не торопись.

Манфредъ. Я все сказалъ.

Фея. Довольно!

Могу ль я удалиться?

Манфредъ. Удались. (Фея исчезаетъ).

Мы всѣ—игрушки времени и страха.

Жизнь—краткій мигъ, и все же мы живемъ,

Клянемъ судьбу, но умереть боимся.

Жизнь насъ гнететъ, какъ иго, какъ ярмо,

Какъ бремя ненавистное, и сердце

Подъ тяжестью его изнемогаетъ;

Въ прошедшемъ и грядущемъ (настоящимъ

Мы не живемъ) безмѣрно мало дней,

Когда оно не жаждетъ втайнѣ смерти,

И все же смерть ему внушаетъ трепеть,

Какъ ледяной потокъ. Еще одно

Осталось мнѣ—воззвать изъ гроба мертвыхъ,

Спросить у нихъ: что насъ страшитъ? Отвѣтитъ

Они должны: волшебницѣ Эндора

Отвѣтилъ духъ пророка; Клеоника

Отвѣтила спартанскому царю;

Что ждетъ его—въ невѣдѣньи убилъ онъ

Ту, что любилъ, и умеръ непрощеннымъ,

Хотя взывалъ къ Зевесу и молилъ

Тѣнь гнѣвную о милости; былъ темень

Ея отвѣтъ, но все же онъ сбылся.

Когда бъ я не жилъ, та, кого люблю я,

Была бъ жива; когда бъ я не любилъ,

Она была бы счастлива и счастье
Другимъ дарила. Гдѣ она теперь?
И что она? Страдалица за грѣхъ мой—
То, что внушаетъ ужасъ—иль ничто?
Ночь близится—и ночь мнѣ все откроетъ.
Хоть я страшусь того, на что дерзаю;
До сей поры безъ трепета взиралъ я
На демоновъ и духовъ—отчего же
Дрожу теперь и чувствую, какъ въ сердце
Какой-то странный холодъ проникаетъ?
Но нѣтъ того, предъ чѣмъ я отступилъ бы,
И я сломя свой ужасъ.—Ночь идетъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Вершина горы Юнгфрау.

ПЕРВАЯ ПАРКА. Луна встаетъ большимъ багрянымъ шаромъ.
На высотѣ, гдѣ ни единый смертный.
Не запятналъ снѣговъ своей стопой,
Слетаемся мы ночью. Въ дикомъ морѣ,
Въ хрустальномъ океанѣ горныхъ льдовъ,
Мы безъ слѣда скользимъ по ихъ изломамъ,
По глыбамъ, взгроможденнымъ другъ на друга,
Подобно бурнымъ пѣнистымъ волнамъ,
Застывшимъ посреди водоворота,
И вотъ на этой сказочной вершинѣ,
Гдѣ отдыхаютъ тучи мимоходомъ,
Сбираемся на игрища и бдѣнья.
Сегодня въ полночь—нашъ великій праздникъ,
И, на пути къ чертогамъ Аримана,
Я жду сестеръ.—Но что онѣ такъ медлятъ?

ГОЛОСЪ (поющій вдалекѣ).

Злодѣй вѣнценосный,
Низвергнутый въ прахъ,
Томился въ изгнаньи,
Въ забвеньи, въ цѣпяхъ.
Я цѣпи разбила,
Расторгла тюрьму,—
Я власть и свободу
Вернула ему:

Потоками крови онъ землю зальетъ,

Народъ свой погубить—и снова падетъ!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ. Плылъ въ морѣ корабль, точно птица
летѣлъ:

Въ эту ночь ему горестный выпалъ удѣлъ.
Ни мачтъ, ни снастей, ни вѣтриль, ни руля—
Ничего отъ него не оставила я.
Одинъ лишь пловецъ,—онъ достоинъ того,—
До прибрежья достигъ,—я щадила его:
Предатель, пиратъ, снова будетъ онъ жить,
Чтобы мнѣ своей темною жизнью служить.

ПЕРВАЯ ПАРКА (отвѣчая).

Спокойно спалъ городъ,—
Въ слезахъ и тревогѣ
Увидитъ онъ утро:
Медленно, мрачно
Чума распростерла
Надъ городомъ крылья.
Тысячи пали,
И тысячи тысячъ
Падутъ предъ всесильной.
Живые погибшихъ,—
Любимыхъ и милыхъ,—
Покинуть, спасаясь
Отъ призрака смерти.
Ужась и злоба,
Скорбь и смятенье
Охватяютъ людей.
Блаженны почившіе,
Взоръ отвратившіе
Отъ кары моей! (Входятъ вторая и третья парки).

Всѣ три. Въ рукахъ у насъ—сердца людей,
Нашъ слѣдъ—ихъ темныя могилы.
Лишь для того, чтобъ отнимать,
Даемъ мы смертнымъ жизнь и силы.

ПЕРВАЯ ПАРКА. Привѣтъ!—Гдѣ Немезида?

ВТОРАЯ ПАРКА.

На работѣ,

Но на какой—не знаю: я сама
Не покладала рукъ до сей минуты.

ТРЕТЬЯ ПАРКА. Да вотъ она. (Входитъ Немезида).

ПЕРВАЯ ПАРКА.

Всѣ нынче опоздали.

Гдѣ ты была?

ТРЕТЬЯ ПАРКА. Женила дураковъ,

Возстановляла падшіе престолы
И укрѣпляла близкіе къ паденью;
Внушала людямъ злобу, чтобъ потомъ
Раскаяньемъ ихъ мучить; превращала
Въ безумцевъ мудрыхъ, глупыхъ—въ мудрецовъ,

Въ оракуловъ, чтобъ люди преклонялись
Предъ властью ихъ и чтобъ никто изъ смертныхъ
Не смѣлъ рѣшать судьбу своихъ владыкъ
И толковать спесиво о свободѣ,
Плодъ, для всѣхъ запретномъ.—Но пора!
На облака—и въ путь! Мы опоздали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чертогъ Аримана.—Ариманъ на тронѣ—огненномъ шарѣ, окруженномъ духами.

Гимнъ духовъ. Хвала ему,—хвала царю ээира,
Царю земли и всѣхъ земныхъ стихій,
Кто повергаетъ цѣлый міръ въ смятеніе
Единымъ мановеніемъ руки!

Дохнетъ ли онъ—бушуютъ океаны,
Заговорить—грохочетъ въ небѣ громъ,
Уронить взоръ—на небѣ солнце меркнетъ,
Возстанетъ—сотрясается земля.

Въ пути ему предшествуютъ кометы,
Вослѣдъ ему—вулканы мечутъ огонь,
И гнѣвъ его сжигаетъ звѣзды въ пепель,
И тѣнь его—всесильная Чума.

Война ему, что день, приноситъ жертвы,
Смерть платитъ дань, и Жизнь, его раба,
Къ его стопамъ смиренно полагаетъ

Весь ужасъ мукъ и горестей земныхъ! (Входятъ парки и Немезида).

ПЕРВАЯ ПАРКА. Возславьте Аримана! На землѣ
Растетъ его могущество—покорно
Исполнили мы волю Аримана!

ВТОРАЯ ПАРКА. Возславьте Аримана! Мы, предъ кѣмъ
Склоняетъ выю смертный, преклоняемъ
Свое чело предъ трономъ Аримана!

ТРЕТЬЯ ПАРКА. Возславьте Аримана! Преклоняясь,
Мы ждемъ его велѣній.

НЕМЕЗИДА. Царь царей!

Все, что живетъ, что существуетъ—наше,

А мы—твои. Но, чтобы наша власть

Могла расти, твою усугубляя,

Нашъ долгъ быть неустанными въ трудахъ,

И мы свой долгъ исполнили: мы свято

Свершили все, что повелѣлъ ты намъ. (Входитъ Манфредъ).

ДУХЪ. Что вижу я? Безумецъ, жалкій смертный!

Пади во прахъ.

Второй духъ. Я узнаю его.

Онъ грозный и могучій черноокнижникъ.

Третій духъ. Повергнись ницъ и трепещи, презрѣнный!

Передъ тобой—и твой и нашъ владыка.

Ужели ты не видишь?

Сонмъ духовъ. Сынъ земли!

Прострись во прахъ предъ трономъ Аримана,

Иль горе непокорному!

Манфредъ. Я знаю,

И все жъ не гну колѣнъ.

Четвертый духъ. Тебя научать.

Манфредъ. Напрасный трудъ. Не разъ во мракѣ ночи

Во прахъ я повергалъ свое чело,

Главу посыпавъ пепломъ. Не однажды

Извѣдалъ я всю горечь униженья,

Предъ собственнымъ отчаяньемъ склоняясь,

Предъ собственной скорбью.

Первый духъ. Ты дерзаешь

Возстать на Аримана? Отказать

Владыкѣ въ томъ, что воздастъ покорно

Ему весь міръ? Не трепетать—и гдѣ же?

Предъ ужасомъ величія и славы,

Предъ трономъ Аримана? Ницъ, безумный!

Манфредъ. Пусть *Ариманъ* воздастъ хвалу Творцу;

Кѣмъ созданъ онъ не ради поклоненья.

Пусть онъ склонить главу: мы вмѣстѣ

Склонимъ тогда.

Духи. Раздавимъ червяка!

Растопчемъ!

Первая парка. Прочь!—Владыка силъ незримыхъ,

Передъ тобою смертный, не похожій

Ни на кого изъ смертныхъ, какъ объ этомъ

Свидѣтельствуетъ видъ его и то,

Что онъ передъ тобой. Его страданья

Безсмертны, какъ и наши; знанья, воля

И власть его, поскольку совмѣстимо

Все это съ браннымъ прахомъ, таковы,

Что прахъ ему дивится; онъ стремился

Душою прочь отъ міра и постигнуть

То, что лишь мы, безсмертные, постигли:

Что въ знаніи нѣтъ счастья, что наука—

Обмѣнъ однихъ незнаній на другія.

Но я еще не все сказала: страсти,

Всесильныя и на землѣ и въ небѣ

Надъ всѣмъ, что только существуетъ въ мѣрѣ,
Такъ истерзали грудь его, что я,
Не знающая жалости, прощаю
Того, въ чемъ сердце жалость онъ пробудить.
Онъ мой—иль твой—но ни одинъ изъ духовъ
Не равенъ съ нимъ и имъ владѣть не будетъ.

Немезида. Зачѣмъ онъ здѣсь?

Первый духъ.

Пусть смертный самъ от-
вѣтитъ.

Манфредъ. Вы знаете, что властенъ я,—безъ власти
Я бъ не былъ здѣсь,—но мнѣ не все покорно.

Я помощи прошу у васъ.

Немезида.

Скажи,

Что хочешь ты?

Манфредъ.

Заставь возстать усопшихъ.

Немезида. Великій Ариманъ! Что повелишь мнѣ?

Дозволишь ли?

Ариманъ.

Да будетъ такъ.

Немезида.

Кто долженъ

На мой призывъ покинуть мракъ могилы?

Манфредъ. Въ землѣ непогребенная—Астарта.

Немезида. Духъ, или Призракъ!

Ты, что была

Создана прахомъ

И въ прахъ отошла;

Ты, что утратила

Обликъ земной,—

Въ обликъ смертномъ

Возстань предо мной!

Сердце и очи,

Голосъ и ликъ

Вырви изъ жадной

Могилы на мигъ!

Возстань! Возстань отъ сѣни гробовой!

Тебя зоветъ убійца твой!

(Призракъ Астарты появляется среди чертога).

Манфредъ. И это смерть? Румянецъ на ланитахъ!

Но не живой онъ,—странный и злобщій,

Какъ тотъ, что рдѣетъ осенью на листьяхъ.

Астарта!—Нѣтъ, я говорить не въ силахъ,

Вели заговорить ей: пусть она

Проститъ иль проклянетъ меня.

Немезида. Духъ, отвѣтствуй! Заклинаю

Властью неземной,

Тайной силой, что расторгла
Цѣпнѣ могильный твой!

МАНФРЕДЪ. Молчанье!

Оно страшнѣй отвѣта.

НЕМЕЗИДА. Я свершила

Все, что могла. Великій Ариманъ,
Тебѣ лишь покорится призракъ: повели съ
Открыть уста.

АРИМАНЪ. Духъ, говори!

НЕМЕЗИДА. Молчанье!

Безсильны мы,—надъ нею власть имѣютъ
Другіе духи. Смертный, покорись
Своей судьбѣ.

МАНФРЕДЪ. Услышь меня, Астарта!

Услышь меня, любимая! Отвѣть мнѣ!

Я такъ скорбѣлъ, я такъ скорблю—ты видишь:

Тебя могила меньше измѣнила,

Чѣмъ скорбь меня. Безумною любовью

Любили мы: намъ жизнь была дана

Не для того, чтобъ мы терзались вѣчно,

Хотя любить, какъ мы съ тобой любили,—

Великій грѣхъ. Скажи, что ты меня

Простила за страданья, что терплю я

Мученье за обоихъ, что за гробомъ

Тебя ждетъ рай, и что умру и я.

Всѣ силы тьмы противъ меня возстали,

Чтобъ къ жизни приковать меня навѣки,

Чтобъ я передъ безсмертьемъ содрогался,

Предъ будущимъ, что можетъ быть подобно

Прошедшему. Мнѣ нѣтъ нигдѣ покоя.

Чего ищу, къ чему стремлюсь—не знаю,

Лишь чувствую, что ты и что я самъ.

Предъ гибелью хоть разъ мнѣ дай услышать

Твой голосъ сладкозвучный: отзовись!

Я звалъ тебя среди безмолвья ночи,

Я спящихъ птицъ будилъ среди вѣтвей,

Звѣрей въ горахъ, и темныя пещеры

На тщетный зовъ, на сладкій звукъ: Астарта!

Мнѣ отвѣчали эхомъ,—духи, люди

Внимали мнѣ—лишь ты одна не внемлешь!

О, говори! Я жадными очами

Искалъ тебя среди небесныхъ звѣздъ.

О, говори! Я исходилъ всю землю

И не нашелъ нигдѣ тебѣ подобной.

Взгляни вокругъ—мнѣ бѣсы сострадають,
Я вижу адъ, но полонъ лишь тобою.
О, говори!.. О, говори хоть въ гнѣвъ,
Но только дай хоть разъ тебя услышать,
Хоть только разъ!

ПРИЗРАКЪ АСТАРТЫ. Манфредъ!

МАНФРЕДЪ. О, не смолкай!

Вся жизнь моя теперь лишь въ этихъ звукахъ!

ПРИЗРАКЪ. Манфредъ! Заутра ты покинешь землю.

Прости!

МАНФРЕДЪ. О, нѣтъ! Скажи, что ты простила.

ПРИЗРАКЪ. Прости!

МАНФРЕДЪ. Скажи—увидимся ли снова?

ПРИЗРАКЪ. Прости!

МАНФРЕДЪ. О, пощади: скажи, что любишь!

ПРИЗРАКЪ. Манфредъ! . (Исчезаетъ).

НЕМЕЗИДА. Ушла—и вновь ея не вызвать.

Вернись къ землѣ. Слова ея свершатся.

ДУХЪ. Онъ потрясенъ. Кто смертенъ, тотъ не долженъ

Искать того, что за предѣломъ смерти.

ВТОРОЙ ДУХЪ. Да, но взгляни, какъ онъ собой владѣетъ,

Свои мученья волѣ подчиняя!

Когда бъ онъ былъ однимъ изъ насъ, онъ былъ бы

Могучій духъ.

НЕМЕЗИДА. Быть-можетъ, ты желаешь

Спросить еще о чемъ-нибудь?

МАНФРЕДЪ. О, нѣтъ.

НЕМЕЗИДА. Тогда прости на время.

МАНФРЕДЪ. Развѣ снова

Мы встрѣтимся? И гдѣ же? На землѣ?

Но все равно. Я твой должникъ. Простите!

АКТЪ ТРЕТІЙ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Зала въ замкѣ Манфреда.

МАНФРЕДЪ И ГЕРМАНЪ.

МАНФРЕДЪ. Который часъ?

ГЕРМАНЪ. Часъ до заката солнца,

И вечеръ обѣщаетъ быть прелестнымъ.

МАНФРЕДЪ. Скажи, ты все ли приготовилъ въ башнѣ,
Какъ я велѣлъ?

ГЕРМАНЪ. Все, господинъ, готово.

Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

МАНФРЕДЪ. Хорошо.

Теперь иди. (Германъ уходитъ).

МАНФРЕДЪ. Миръ снизошелъ мнѣ въ душу,

Миръ, мнѣ еще невѣдомый донинѣ

И непонятный. Если бъ я не зналъ,

Что самое обманчивое въ мирѣ—

Химеры философскихъ измышлений,

Что мудрость ихъ—пустѣйшая изъ фразъ

Въ учено-схоластическомъ жаргонѣ,

Я, кажется, охотно бы повѣрилъ,

Что золотыя грезы о Калонѣ

Уже сбылись, что я его сыскалъ

Въ себѣ самомъ. Мой миръ недолговѣченъ,

Но все же хорошо его извѣдать

Хотя однажды. Нужно записать,

Что есть такое ощущенье... Кто тамъ? (Входитъ Германъ).

ГЕРМАНЪ. Аббатъ Св. Мориса. (Входитъ аббатъ).

АББАТЪ. Миръ дому!

МАНФРЕДЪ. Благодарю, святой отецъ! Да будетъ

Для замка твой приходъ благословеньемъ.

АББАТЪ. Дай Богъ, чтобъ было такъ! Но я желалъ бы

Поговорить глазъ на глазъ.

МАНФРЕДЪ. Выйди, Германъ.

Что скажетъ мой достопочтенный гость?

АББАТЪ. Скажу безъ предисловій: санъ, сѣдины,

Желаніе добра тебѣ и наше

Давнишнее сосѣдство, хоть знакомы

И не были съ тобою мы, даютъ мнѣ

На это право. Станный и ужасный

Пронесся слухъ, и этотъ слухъ позорить

Твое, графъ, имя,—доблестное имя,

Которое ты долженъ для потомства

Такимъ же и оставить.

МАНФРЕДЪ. Продолжай.

Я слушаю.

АББАТЪ. Ты, говорятъ, предался

Грѣховнымъ и таинственнымъ наукамъ,

Вступилъ въ союзъ съ сынами преисподней,

Съ нечистой силой демоновъ и бѣсовъ,

Блуждающихъ въ долину сѣни смертной.

Съ людьми, своими братьями по духу,
Общаешься ты рѣдко, жизнь проводишь
Въ уединеньи: свято ли оно?

МАНФРЕДЪ. Скажи, кто распускаетъ эти слухи?

АББАТЪ. Мои благочестивые собратья,
Окрестный людъ,—твоя вассалы даже,
Что на тебя взираютъ съ безпокойствомъ.
Да мы и всѣ за жизнь твою трепещемъ.

МАНФРЕДЪ. Возьми ее.

АББАТЪ. Я прихожу спасать,
А не губить. Я не хочу касаться
Твоей души, но, если справедливы
Всѣ эти слухи, вѣрь, еще не поздно
Очиститься отъ скверны покаяньемъ
И примириться съ церковью и небомъ.

МАНФРЕДЪ. Я выслушалъ. И вотъ что я отвѣчу:
Кто бъ ни былъ я, но я не изберу
Посредникомъ межъ мной и небесами
Ни одного изъ смертныхъ. Если я
Уставы нарушаю—покарайте.

АББАТЪ. Мой сынъ, я не о карѣ говорю,—
Я только призываю къ покаянью.
Пусть наказуетъ небо. „Мнѣ отмщенье“,
Сказалъ Господь, и, со смиреннымъ сердцемъ,
Рабъ Господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

МАНФРЕДЪ. Старикъ!
Ни власть святыхъ, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкій постъ, ни жаркія молитвы,
Ни даже муки совѣсти, способной,
Безъ демоновъ, безъ страха предъ геенной,
Преобразить въ геенну даже небо,—
Ничто не въ состояніи исторгнуть
Изъ нѣдръ души тяжелаго сознанья
Ея грѣховъ и сокровенной муки.
Та кара, что преступникъ налагаетъ
Самъ на себя, страшнѣй и тяжелѣе
Загробныхъ мукъ.

АББАТЪ. Я радъ все это слышать,
Затѣмъ что все это должно смѣниться
Надеждой благодатной, что спокойно
Взираетъ на блаженную обитель,
Ее же всякій ищущій обрящетъ,
Коль скоро онъ покинетъ путь неправый.

Начало же спасенія—сознанье
Его необходимости. Покайся—
И всѣ грѣхи, что отпустить я властенъ,
Я отпущу,—что преподать сумѣю,
Все преподамъ.

МАНФРЕДЪ. Когда несчастный Неронъ,
Чтобы избѣгнуть мукъ позорной смерти
Передъ лицомъ сенаторовъ, недавнихъ
Его рабовъ, ударилъ въ грудь кинжаломъ,
Какой-то воинъ, полный состраданья,
Прижалъ свой плащъ къ его смертельной ранѣ,
Но Неронъ оттолкнулъ его и молвилъ
Съ величіемъ во взорѣ: „слишкомъ поздно!“.

АББАТЪ. Къ чему ты клонишь рѣчь?

МАНФРЕДЪ. Я отвѣчаю
На твой призывъ къ спасенью: слишкомъ поздно!

АББАТЪ. Нѣтъ, никогда не поздно примириться
Съ своей душой, а чрезъ нее и съ небомъ.
Иль у тебя нѣтъ никакихъ надеждъ?
Вѣдь даже тѣ, что въ небеса не вѣрятъ,
Живутъ какой-нибудь земной мечтой,
Прильнувши къ ней, какъ тонущій къ тростинкѣ.

МАНФРЕДЪ. О, да, отецъ, и я лелѣялъ грезы,
И я мечталъ на утрѣ юныхъ дней:
Мечталъ быть просвѣтителемъ народовъ,
Достичь небесъ—зачѣмъ? Богъ вѣсть! быть-можетъ,
Лишь для того, чтобъ снова пасть на землю,
Но пасть могучимъ горнымъ водопадомъ,
Что, съ высоты заоблачной свергаясь
Въ дымящуюся бездну, возстаетъ
Изъ бездны въ высь туманами и снова
Съ небесъ стремится ливнемъ.—Все прошло
И все это былъ сонъ.

АББАТЪ. Но почему же?

МАНФРЕДЪ. Я обуздать себя не могъ; кто хочетъ
Повелѣвать, тотъ долженъ быть рабомъ;
Кто хочетъ, чтобъ ничтожество признало
Его своимъ властителемъ, тотъ долженъ
Умѣть передъ ничтожествомъ смиряться,
Повсюду проникать и поспѣвать,
И быть ходячей ложью. Я со стадомъ
Мѣшаться не хотѣлъ, хотя бы могъ
Быть вожакомъ. Левъ одинокъ—я тоже.

АББАТЪ. Зачѣмъ не жить, не дѣйствовать иначе?

МАНФРЕДЪ. Затѣмъ, что я всегда гнушался жизни.

Я не жестокъ; но я—какъ жгучій вихрь,
Какъ пламенный самумъ, что обитаетъ
Лишь въ тишинѣ пустынь и одиноко
Кружить среди ея нагихъ песковъ,
Въ ея безплодномъ, дикомъ океанѣ.
Онъ никого не ищетъ, но погибель
Грозитъ всему, что встрѣтитъ онъ въ пути.
Такъ жилъ и я; и тѣхъ, кого я встрѣтилъ
На жизненномъ пути,—я погубилъ.

АББАТЪ. Увы! Я начинаю опасаться,
Что я тебѣ помочь уже не въ силахъ.
Но ты еще такъ молодъ, я хотѣлъ бы...

МАНФРЕДЪ. Святой отецъ! Есть люди, что старѣютъ
На утрѣ дней, что гибнуть, не достигнувъ
До зрѣлыхъ лѣтъ,—и не случайной смертью;
Иныхъ пороки, иныхъ науки губятъ,
Иныхъ труды, иныхъ томленье скуки,
Иныхъ болѣзнь, безумье, а иныхъ—
Душевные страданія и скорби.
Страшнѣе нѣтъ послѣдняго недуга:
Всѣ имена, всѣ формы принимая,
Онъ требуетъ гораздо больше жертвъ,
Чѣмъ значится въ зловѣщихъ спискахъ Рока.
Вглядись въ меня! Душевные недуги
Я всѣ позналъ, хотя довольно бѣ было
И одного. Такъ не дивись тому,
Что я таковъ, дивись тому, чѣмъ былъ я,
Тому, что я еще живу на свѣтѣ.

АББАТЪ. Но выслушай...

МАНФРЕДЪ. Отецъ, я уважаю
Твой годъ и званіе; я вѣрю,
Что ты пришелъ ко мнѣ съ благою цѣлью,
Но ты предпринялъ тщетный трудъ. Быть грубымъ
Я не хочу,—я лишь тебя щажу,
А не себя, такъ рѣзко обрывая!
Нашъ разговоръ—и потому—прости! (Уходитъ).

АББАТЪ. Онъ могъ бы быть возвышеннымъ созданьемъ.
Въ немъ много силъ, которыя могли бы
Создать прекрасный образъ, будь онъ
Направлены разумнѣе; теперь же
Царить въ немъ страшный хаосъ: свѣтъ и мракъ,
Возвышенные помыслы—и страсти,
И все въ смѣшеніи бурномъ, все мятется

Безъ цѣли и порядка; все иль дремлетъ,
Иль разрушенья жаждетъ: онъ стремится
Къ гибели, но долженъ быть спасенъ,
Затѣмъ что онъ достоинъ искупленья.
Благая цѣль оправдываетъ средства,
И я на все дерзну. Пойду за нимъ
Настойчиво, хотя и осторожно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Другая комната.

Манфредъ и Германъ.

Германъ. Вы, господинъ, велѣли мнѣ явиться
Къ вамъ на закатъ: солнце ужъ заходитъ.

Манфредъ. Да?—Я взгляну. (Подходить къ окну).
Великое свѣтило!

Богъ первозданной, дѣвственной природы!
Кумиръ могучихъ первенцевъ земли,
Не вѣдавшихъ болѣзней,—исполиновъ,
Родившихся отъ ангеловъ и дѣвъ,
Сіявшихъ красотой неизреченной!
Царь межъ свѣтилъ, боготворимый міромъ
Отъ первыхъ дней творенія, вливавшій
Восторгъ въ сердца халдейскихъ пастуховъ
И слышавшій ихъ первыя молитвы!
Избранникъ Неземного, что явило
Въ тебѣ свой свѣтлый образъ на землѣ!
Вѣнецъ и средоточіе вселенной,
Дающее небесную отраду
Всему, что прозябаетъ въ дольнемъ мірѣ!
Владыка всѣхъ стихій и повелитель
Всѣхъ странъ земныхъ, повсюду положившій
Свои неизгладимыя печати
На духъ и обликъ смертныхъ! Ты, что всходишь,
Свершаешь путь и угасаешь въ славѣ!
Ты, видѣвшее нѣкогда мой первый
Взоръ, полный изумленья и восторга!
Прости навѣкъ,—прими мой взоръ послѣдній!
Въ послѣдній разъ тебя я созерцаю;
Твои лучи ужъ больше никогда
Не озарятъ того, кому даръ жизни
Былъ даромъ роковымъ.—Оно сокрылось;
Мой часъ насталъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Горы. — Въ отдаленіи замокъ Манфреда. — Терраса передъ башней. —
Сумерки.

Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда.

Германъ. Дивлюсь я графу: вотъ ужъ сколько лѣтъ
Всѣ ночи онъ безъ сна проводитъ въ башнѣ —
И непременно въ башнѣ. Я бывалъ въ ней,
Но по тому, что есть въ ней, не рѣшишь,
Чѣмъ занятъ онъ. Навѣрно, потайная
Есть комната, и сколько бы я отдалъ,
Чтобъ только заглянуть въ нее!

Мануэль. Напрасно.

Доволенъ будь и тѣмъ, что ты ужъ знаешь.

Германъ. Ахъ, Мануэль, ты старше насъ и могъ бы
Поразсказать намъ многое о замкѣ.
Когда ты поступилъ сюда?

Мануэль. Давно.

Я до рожденья графа былъ слугою
Его отца, съ которымъ никакого
Онъ не имѣетъ сходства.

Германъ. Что жъ, не рѣдкость!

Мануэль. Я говорю не о чертахъ лица.

Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но простъ и веселъ,
Любилъ пиры и битвы, а не книги,
Любилъ людей—и ночи превращалъ
Не въ бдѣнія угрюмыя, а въ праздникъ,
Да вѣдь какой! Онъ не блуждалъ, какъ волкъ,
По дебрямъ и ущельямъ,—не чуждался
Земныхъ утѣхъ и радостей.

Германъ. Проклятье!

Вотъ были времена! И неужели
Они ужъ не вернуться въ эти стѣны,
Что смотрятъ такъ, какъ будто и не знали
Счастливыхъ дней?

Мануэль. Пусть прежде перемѣнятъ

Владѣльца эти стѣны. О, я видѣлъ

Не мало въ нихъ диковиннаго, Германъ!

Германъ. Будь добръ и Расскажи хоть что-нибудь.

Мнѣ помнится, что возлѣ этой башни

Случилось что-то: ты мнѣ намекалъ.

Мануэль. Былъ, видишь ли, точъ въ точъ такой же ве-
черъ,

Какъ и теперь; на Эйгеръ красѣла
Точь въ точь такая жъ тучка; вѣтеръ дулъ
Порывистый, и снѣжныя вершины
Ужъ заливала трепетнымъ сіяньемъ
Всходившая луна; графъ Манфредъ,
Какъ и теперь, былъ въ башнѣ; что онъ дѣлалъ,
Богъ вѣсть,—но только съ нимъ была
Та, что дѣлила всѣ его скитанья
И бдѣнія полночныя: Астарта,
Единственное въ мірѣ существо,
Которое любилъ онъ, что, конечно,
Родствомъ ихъ объяснялось...

Кто идетъ?

АББАТЪ. Гдѣ графъ?

ГЕРМАНЪ. Вотъ въ этой башнѣ.

АББАТЪ. Постучись —

Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

ГЕРМАНЪ. Не смѣю

Я нарушать его уединенье.

АББАТЪ. Но мнѣ его необходимо видѣть,

Я на себя возьму твою вину.

ГЕРМАНЪ. Вѣдь ты его недавно видѣлъ.

АББАТЪ. Германъ!

Ступай безъ разсужденій.

ГЕРМАНЪ. Я не смѣю.

АББАТЪ. Такъ я войду безъ всякаго доклада.

МАНУЭЛЬ. Святой отецъ, постойте! Я прошу васъ.

АББАТЪ. Но почему?

МАНУЭЛЬ. Пожалуйста сюда,—

Благоволите выслушать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внутренность башни.

МАНФРЕДЪ (одинъ). Сверкаютъ звѣзды,—снѣжныя вершины

Сіяютъ въ лунномъ свѣтѣ.—Дивный видъ!

Люблю я ночь,—мнѣ образъ ночи ближе,

Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи

Ея спокойной, грустной красоты

Я постигаю рѣчь иного міра.

Мнѣ помнится,—когда я молодъ былъ

И странствовалъ,—въ такую ночь однажды

Я былъ среди развалинъ Колизея,

Среди останковъ царственнаго Рима.
 Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
 На синевѣ полуночной темнѣя,
 Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
 Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
 Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
 Протяжный стонъ совы и, замирая,
 Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
 Далекіе напѣвы часовыхъ.
 Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
 Стояли кипарисы—и казалось,
 Что ихъ кайма была на горизонтѣ,
 А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
 Я былъ отъ нихъ.—Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
 И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
 Уже не лавръ, а дикій плющъ растеть
 И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
 Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
 Среди твердынь, сровнявшихся съ землею.
 Кровавый циркъ стоитъ еще донинѣ,
 Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
 Былую мощь, но Цезаря покои
 И Августа чертоги ужъ давно
 Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.
 И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
 Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
 Сѣдую древность, дикость заустѣннѣя,
 Скрывая всюду тяжкій слѣдъ времени!
 Ты красоты былой не измѣняла,
 Но осѣняла новой красотой
 Все, въ чемъ она погибла, и руины
 Казались священными, и сердце
 Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
 Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,
 Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что донинѣ
 Внушаетъ намъ невольный трепеть.—Странно,
 Что вспомнилась мнѣ эта ночь сегодня;
 Уже не разъ я замѣчалъ, какъ дико
 Мянутся наши мысли въ тѣ часы,
 Когда сосредоточиться должны мы. (Входитъ аббатъ).
 АББАТЪ. Я вновь къ тебѣ непрощеннымъ являюсь,
 Но пусть мое смиренное стремленье
 Помочь тебѣ—не прогнѣвить тебя:
 Пусть все, что есть въ немъ темнаго, дурнаго,

Падеть лишь на меня, а все благое—
Да осѣнить твою главу,—я страстно
Сказать хотѣлъ бы: *сердце!* Если бь тронуть
Я могъ его молитвой иль словами,
Я спасъ бы духъ, который лишь случайно
Блуждаетъ въ тьмѣ.

МАНФРЕДЪ. Напрасная надежда!
Мой путь свершенъ; моя судьба рѣшилась.
Но уходи,—тебѣ здѣсь быть опасно.

АББАТЪ. Ты хочешь запугать меня?

МАНФРЕДЪ. О, нѣтъ.

Я говорю лишь, что близка опасность.

Остерегись.

АББАТЪ. Чего?

МАНФРЕДЪ. Гляди сюда:

Ты видишь?

АББАТЪ. Нѣтъ.

МАНФРЕДЪ. Гляди, я повторяю,
И пристально. Теперь скажи,—ты видишь?

АББАТЪ. Я вижу, что встаетъ изъ-подъ земли,
Какъ адскій богъ, какой-то мрачный призракъ;
Его лицо закрыто покрываломъ,
Онъ весь повить тяжелыми клубами
Свинцовой мглы; но онъ не страшенъ мнѣ.

МАНФРЕДЪ. Я знаю, что тебя онъ не коснется,
Но взоръ его убьетъ тебя на мѣстѣ,—
Ты старъ и дряхлъ,—уйди, прошу тебя!

АББАТЪ. А я въ отвѣтъ: доколѣ не сражуся
Съ исчадьемъ тьмы,—не сдѣлаю и шагу.
Зачѣмъ онъ здѣсь?

МАНФРЕДЪ. Да, да, зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто звалъ его? Онъ гость никѣмъ не званый.

АББАТЪ. Погибшій смертный! Страшно и подумать,
Что ждетъ тебя! Съ какою цѣлью ходятъ
Къ тебѣ такіе гости? Почему
Вы смотрите такъ зорко другъ на друга?
А, онъ покровъ свой сбросилъ: на челѣ—
Слѣды змѣистыхъ молній, взоръ блистаетъ
Безсмертіемъ геенны—адскій призракъ,
Исчезни!

МАНФРЕДЪ. Духъ; зачѣмъ ты здѣсь?

ДУХЪ. Идемъ!

АББАТЪ. Невѣдомый! Скажи, отвѣтствуй: кто ты?

ДУХЪ. Его Судьба. Идемъ,—настало время.

МАНФРЕДЪ. О, я на все готовъ, но презираю
Твой властный зовъ! Кѣмъ присланъ ты сюда?
Духъ. Узнаешь въ срокъ. Идемъ!

МАНФРЕДЪ. Мнѣ покорялись
И болѣе могучіе, чѣмъ ты,
Я вель борьбу съ владыками твоими,—
Сгинь, адскій духъ!

Духъ. Настало время, смертный,
Смирись.

МАНФРЕДЪ. Я зналъ и знаю, что настало.
Но не тебѣ, рабу, отдамъ я душу.

Прочь отъ меня! Умру, какъ жилъ,—одинъ.

Духъ. Я помощи потребую.—Возстаньте! (Появляются духи).

АББАТЪ. Исчезните, владыки тьмы! Разсѣйтесь!
Безсильны вы предъ силою небесной,
Я закляну васъ именемъ...

Духъ. Старикъ!
Не расточай безъ пользы словъ,—мы знаемъ,
Что властенъ ты, но здѣсь лишь мы владыки.
Напрасенъ споръ: онъ кары не избѣгнетъ.
Вновь говорю: идемъ, настало время

МАНФРЕДЪ. Я презираю васъ,—я съ каждымъ вздохомъ
Теряю жизнь, но презираю васъ!
Я не смирюсь; покуда сердце бьется,
Не отступлю, хотя бы мнѣ пришлось
Бороться съ цѣлымъ адомъ; вамъ удастся
Взять не меня, а только трупъ.

Духъ. Безумецъ!
Какъ жадно онъ цѣпляется за жизнь,
Которая дала ему лишь муки!
И это Магъ, стремившійся проникнуть
За грань земныхъ предѣловъ и мечтавшій
Быть равнымъ намъ?

МАНФРЕДЪ. Исчадье тьмы, ты лжешь!
Мой часъ насталь,—я это зналъ и знаю,
Но не хочу ни на одно мгновенье
Продлить его: тебѣ съ толпою присныхъ
Противлюсь я, а не вельнѣямъ смерти.
Я власть имѣлъ, но я обязанъ ею
Былъ не тебѣ: своей могучей волѣ,
Своимъ трудамъ, своимъ ночамъ бессоннымъ
И знаніямъ тѣхъ дней, когда Земля
Людей и духовъ въ братствѣ созерцала
И равными считала ихъ. Безсильны

Вы предо мной,—я презираю васъ,
Вы жалки мнѣ!

Духъ. Ты не избѣгнешь кары:
Твои грѣхи...

Манфредъ. Не ты судья грѣхамъ!
Караешь ли преступника преступникъ?
Убийцу тать? Сгинь, адскій духъ! Я знаю,
Что никогда ты мной не овладѣешь,
Я чувствую безсиліе твое.
Что сдѣлалъ я, то сдѣлалъ; ты не можешь
Усилить мукъ, въ моей груди сокрытыхъ:
Безсмертный духъ самъ судъ себѣ творить
За добрыя и злыя помышленья.
Меня не искушалъ ты и не могъ
Ни искушать, ни обольщать,—я жертвой
Твоей донынѣ не былъ—и не буду.
Сгубивъ себя, я самъ и покараю
Себя за грѣхъ. Исчадье тьмы, разсѣйтесь!
Я покоряюсь смерти, а не вамъ! (Духи исчезаютъ).

Аббатъ. Увы, ты страшенъ—губы посинѣли—
Лицо покрыла мертвенная блѣдность—
Въ гортани хрипъ.—Хоть мысленно покайся!
Молись—не умирай безъ покаянья!

Манфредъ. Все кончено—глаза застлалъ туманъ—
Земля плыветъ—колышется. Дай руку—
Прости навѣкъ.

Аббатъ. Какъ холодна рука!
О, вымолви хоть слово покаянья!

Манфредъ. Старикъ! Повѣрь, смерть вовсе не страшна.
(Умираетъ).

Аббатъ. Онъ отошелъ—куда?—страшусь подумать—
Но отъ земли онъ отошелъ навѣки.

НЕБО И ЗЕМЛЯ.

МИСТЕРІЯ БАЙРОНА.

Когда люди начали умножаться, сыны божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены.

Быт. VI.

And woman wailing for her demon lover.

Coleridge.

DRAMATIS PERSONAE:

Духи: Рафаиль. Саміазъ. Азазиль.

Люди: Ной. Симъ. Іафеть. Ирадь. Ана. Аголибама.

Хоръ Духовъ Земли.

Хоръ смертныхъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гористая, покрытая лѣсомъ мѣстность близъ Арарата.—Полночь.

Ана и Аголибама.

Ана. Отецъ уснулъ. Вотъ часъ, въ который тѣ,
Что любятъ насъ, нисходятъ сквозь туманы
Скалистыхъ горъ. Какъ сильно бьется сердце!

Аголибама. Пора, начнемъ.

Ана. Въ туманѣ скрылись звѣзды.
Я вся дрожу.

Аголибама. И я—отъ нетерпѣнья.

Ана. Сестра, онъ мнѣ дороже—о, гораздо
Дороже, чѣмъ... Но что со мной? Злой демонъ
Вошелъ въ меня!

Аголибама. Любить слугу Творца
Ужели зло?

Ана. Но я, Аголибама,
Творца любила болѣе до встрѣчи
Съ Его слугой. Права ли я,—не знаю,
Но вѣчный страхъ, рождающій такъ много
Тревогъ въ душѣ,—зловѣщій знакъ!

Аголибама. Тогда
Соедини судьбу свою со смертнымъ,
Работай съ нимъ. Вотъ Гафеть: онъ любитъ
Тебя давно и сильно. Стань супругой,
Помощницей ему—и размножай
Ему подобныхъ.

Ана. Я Азавила
Любила бы не меньше, если бъ онъ
И смертнымъ былъ. Мнѣ только сладко думать,
Что онъ переживетъ меня. При мысли,
Что онъ крыломъ безсмертнымъ осѣнитъ
Могильный холмъ надъ бѣднымъ чадомъ праха,
Его любившимъ тою же любовью,
Какой онъ Бога любитъ, даже смерть
Не столь ужасна кажется. И все же
Мнѣ жаль его: скорбь ангела должна
Быть вѣчною,—моя, по крайней мѣрѣ,
Была бы вѣчной, будь я серафимомъ,
А онъ—потомкомъ Евы.

Аголибама. Онъ другую
Любитъ не меньше будетъ, чѣмъ теперь
Онъ любитъ Ану.

Ана. Что жъ, я предпочла бы,
Чтобъ онъ съ другой былъ счастливъ, чѣмъ томился
Тоской о мертвой!

Аголибама. Если бы и я
Такъ думала о страсти Саміаза,
Я на нее отвѣтила бъ презрѣньемъ.
Но часъ насталъ. Пора.

Ана. Азавиль!
Гдѣ бъ ни былъ ты въ чертогъ вѣчномъ,
Хотя бы сонмы звѣздъ текли
Отъ крылъ твоихъ въ пространствѣ безконечномъ,
Явись! Внемли!
Ты предстоишь въ числѣ Семи, ты славенъ,
Но вспомни ту, кѣмъ ты любимъ,
Кому ты—все и съ кѣмъ ни во чемъ не равенъ,
Кто созданъ Всеблагимъ
Послѣдней изъ лишенныхъ Рай!

Ты раздѣляешь вѣчность съ Нимъ,
Среди міровъ безчисленныхъ блуждая,
Краса твоихъ небесныхъ глазъ
Не омрачается слезами,
И лишь любовь связуетъ насъ,
Но вотъ, взгляни—никто подъ небесами
Не плакалъ такъ и не любилъ,
Какъ я люблю и плачу предъ тобою!
Тебѣ даровано судьбою
Блаженствовать предъ ликомъ Бога Сильъ,
Но отзовись! Внемли, Азазиль!
Скажи, что близокъ мнѣ какъ прежде,
Затѣмъ что жизнь моя—въ одной
Безсмертной сладостной надеждѣ
Любить и быть любимою тобой.
Блаженство наше—сновидѣнья
О кущахъ райскаго селенья,—
Напомни ихъ! Покинь свой горній постъ,
Повѣй на мигъ очарованьемъ
И сонмамъ звѣздъ
Оставь сіять ихъ собственнымъ сіяньемъ.
АГОЛИВАМА. О, Саміазъ!
Услышь мой зовъ!
Гдѣ бъ ни былъ ты въ предвѣчномъ мірѣ:
Ведешь ли брань среди враговъ
Творца всѣхъ силъ и всѣхъ міровъ,
Благоволишь ли въ райскомъ клирѣ
Возвысить свой хвалебный гласъ,
Иль отвращаешь страшный часъ
Звѣзды, съ пути сорвавшейся въ эфиръ,—
О, Саміазъ!
Я жду тебя, люблю и призываю.
Я ни предъ кѣмъ чела не преклоняю,
Но если ты къ душѣ моей
Стремишься вѣчною душою,—
Приди, дѣли мою судьбу со мною!
Я—прахъ земли, ты—свѣтъ лучей,
Что ярче солнца Рая свѣтитъ,
Но вѣрь, что на любовь мою
Твоя любовь страстнѣе не отвѣтитъ!
И я въ груди своей таю
Запретный свѣтъ, бессмертное начало;
Могилу намъ Праматерь завѣщала,
Но развѣ смерть насъ разлучитъ?

Есть голосъ, что какъ громъ звучить,
Что, побѣждая Время и Страданья,
Мнѣ говорить о вѣчности моей!
На радость ли? Сокрыты отъ людей
Творцомъ Его предначертанья.

Я чувствую и знаю лишь одно,
Что Имъ дано бессмертье людямъ,
Что мы и съ Нимъ бороться будемъ,
Разъ такъ судьбою суждено.
Онъ сокрушать лишь формы можетъ,
Онъ духа моего не уничтожить,
И мнѣ съ тобой не страшенъ даже адъ:
Ты жизнь дерзнулъ дѣлить со мною—
Меня ли муки устрашать?
Нѣтъ! Я въ улыбкѣ муки скрою,
Я ихъ глубоко затаю:
Хотя бы снова грудь мою
Насквозь проникло жало змѣя,
Иль самъ ты змѣемъ льнулъ къ груди,—
Я заключила бы въ такія
Тебя объятья!.. Но приди,
Узнай, какимъ полна томленьемъ
Любовь земная къ небесамъ,
Иль, если ты блаженнѣй тамъ,
Останься глухъ къ моимъ моленьямъ!

Ана. Сестра! Сестра! Я вижу ихъ, я вижу
Ихъ ярей путь во мракѣ!

Аголибама. Облака

Бѣгутъ отъ нихъ, какъ на зарѣ отъ солнца.

Ана. Что, если бѣ нашъ отецъ, Аголибама,
Увидѣлъ ихъ!

Аголибама. Подумаль бы, что это
Луна встаетъ до срока, на призывы
Волшебника.

Ана. Сестра, я различаю
Черты Азатила!

Аголибама. Послѣшимъ
Навстрѣчу къ нимъ. Ахъ, если бы на крыльяхъ
Взлетѣть и пасть на сердце Саміаза!

Ана. Смотри, весь западъ въ пламени, какъ будто
Закатъ горитъ! Вотъ гребень Арарата
Зажегся алымъ отблескомъ ихъ крыль...
Вотъ этотъ отблескъ таетъ, исчезаетъ,
Какъ пѣна моря, поднятая вверхъ

Игрой левиаѳана изъ бездонныхъ
Морскихъ пучинъ...

АГОЛИБАМА. Они земли коснулись!

Мой Саміазъ!

АНА. Азазилъ! Любимый! (*Exeunt*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ИРАДЪ И ГАФЕТЪ.

ИРАДЪ. Будь тверже, братъ! Чтò пользы молчаливо
Бродить въ молчаньи ночи, устремивъ
Глаза, слезами полные, на звѣзды?
Онѣ вѣдь не помогутъ.

ГАФЕТЪ. Но онѣ
Смягчаютъ скорбь,—быть-можетъ, Ана тоже
Глядитъ теперь на звѣзды. Созерцая
Безсмертную и вѣчную красу,
Прекрасное и юное созданье
Еще прекраснѣй кажется. О, Ана!

ИРАДЪ. Но страсть твоя отвергнута?

ГАФЕТЪ. Увы!

ИРАДЪ. И я Аголибамою отвергнута.

ГАФЕТЪ. Сочувствую всѣмъ сердцемъ!

ИРАДЪ. Но оставимъ.

Ея гордыню въ мирѣ. Я и самъ
Въ своей тоскѣ былъ гордостью утѣшенъ.
Есть вѣрный мститель—время.

ГАФЕТЪ. Неужель

Ты въ этой мысли черпаешь отраду?

ИРАДЪ. Ни скорби, ни отрады. Я любилъ
И могъ любить еще нѣжнѣй и крѣпче,
Когда бъ взаимность видѣлъ. Но теперь...
Пусть избираетъ высшій жребій, если
Онъ кажется ей высшимъ!

ГАФЕТЪ. Чтò за жребій?

ИРАДЪ. Есть основанье думать, что она
Другого любитъ.

ГАФЕТЪ. Ана?

ИРАДЪ. Не тревожься:

Сестра ея.

ГАФЕТЪ. Кого же?

ИРАДЪ. Я не знаю;

Но вижу, что другого.

Г А Ф Е Т Ъ. Да, но Ана

Лишь Бога любить.

И Р А Д Ъ. Бога, иль не Бога

Но не тебя.

Г А Ф Е Т Ъ. Ты правъ. Но я люблю.

И Р А Д Ъ. И я любилъ.

Г А Ф Е Т Ъ. Но, разлюбивъ, иль только

Мечтая такъ, ты развѣ сталъ счастливѣй?

И Р А Д Ъ. Да, во сто кратъ.

Г А Ф Е Т Ъ. Мнѣ жаль тебя.

И Р А Д Ъ. Меня!

Г А Ф Е Т Ъ. Тебя, Ирадъ. Ты счастливъ сталъ, лишившись

Того, чѣмъ я несчастливъ.

И Р А Д Ъ. Ты въ бреду!

За то, чтобъ бредить этимъ, я бы нѣ взялъ

Цѣны всѣхъ стадъ, всѣхъ нашихъ козъ, когда бы

Ихъ обмѣнять на золото и мѣдь,—

На бесполезный желтый прахъ, который,

По мнѣнью кайнитовъ, такъ же дорогъ,

Какъ все, что намъ приносятъ въ изобиліѣ

Стада и наши пастбища... Скитайся,

Тоскуй; на звѣзды глядя, точно волкъ

Весною въ полнолуны! Мнѣ же нуженъ

Покой и сонъ.

Г А Ф Е Т Ъ. И я бъ уснулъ, Ирадъ,

Когда бы могъ.

И Р А Д Ъ. Такъ ты со мной не хочешь

Итти къ шатрамъ?

Г А Ф Е Т Ъ. Нѣтъ, я пойду къ пещерѣ,

Что называютъ дверью въ сокровенный

Подземный міръ,—отверстіемъ, гдѣ духи

Изъ нѣдръ его выходятъ ночью къ людямъ.

И Р А Д Ъ. Зачѣмъ?

Г А Ф Е Т Ъ. Затѣмъ, чтобъ усладить печалью

Печальный духъ: онъ столь же безнадеженъ,

Какъ тѣ мѣста.

И Р А Д Ъ. Они ужасны. Станный

Царить тамъ гуль, и странныя видѣнья

Проходятъ въ полумракѣ. Одному

Тебѣ итти опасно.

Г А Ф Е Т Ъ. Нѣтъ. Повѣрь мнѣ:

Тому, кто не замыслилъ зла, не страшны

И козни злыхъ.

И Р А Д Ъ. Но злые тѣмъ враждебнѣй,

Чѣмъ болѣе мы чужды имъ. Вернись,
Иль я пойду съ тобою.

Іафетъ. Нѣтъ, я долженъ

Итти одинъ.

Ирадъ. Да будетъ миръ съ тобою! (*Exit*).

Іафетъ (*solus*). Миръ! Онъ—въ любви, и я искалъ его,
Искалъ съ любовью, можетъ-быть, достойной
Его отрадь. И вотъ нашелъ тоску,
Дни, полные томленія, усталость
И ночи, сна лишеныя. Миръ! Миръ!
Спокойствіе отчаянья, безмолвье
Лѣсныхъ трущобъ, смущаемыхъ порою
Лишь стономъ бурь,—вотъ миръ души моей,
Измученной и полной то смятеньемъ,
То мертвымъ сномъ. Земля развращена,
И много было знаменій, гласившихъ,
Что близокъ часъ возмездія. О, Ана!
Когда придетъ онъ, грозный, всегубящій,
И распахнетъ хлябь бездны, ты надежный
Нашла бъ пріютъ у любящаго сердца,
Что такъ напрасно бьется и вдвойнѣ
Напраснѣй будетъ биться въ ту минуту,
Когда твое... Смягчи свой гнѣвъ, о, Боже,
Хотя надъ ней! Она чиста на грѣшной
Землѣ, какъ звѣзды въ тучѣ, что не можетъ
Ихъ угасить своею тьмой. Ты, Ана,
Ты оттолкнула сердце, что могло
Боготворить красу твою! И все же
Я бъ отдалъ жизнь, чтобъ дать тебѣ спасенье,
Чтобъ сохранить отъ гибели, когда
Левіаѳанъ, владыка безграничныхъ
Морскихъ пучинъ, самъ изумится шири
Своихъ державъ. (*Exit*).

(Входятъ Ной и Симъ).

Ной. Гдѣ братъ твой Іафетъ?

Симъ. Братъ говорилъ, что онъ идетъ къ Ираду,
Но я боюсь, что къ Анѣ,—къ тѣмъ шатрамъ,
Вокругъ которыхъ вьется онъ, какъ голубъ
Вокругъ гнѣзда, раскиданнаго бурей,
Иль къ той пещерѣ страшной, гдѣ зияетъ
Входъ въ нѣдра Арарата.

Ной. Что тамъ дѣлать?

Тамъ пунъ земли, въ грѣхахъ погрязшей; тамъ
Сбирается все зло ея, всѣ духи,

Что нечестивѣй даже кайнитовъ.
Онъ и донинѣ любить столь же страстно
Дочь обреченныхъ гибели, хотя
Не могъ бы, даже будучи любимымъ,
Стать мужемъ ей. Какъ жалки и несчастны
Сердца людей! Онъ—кровный мой, онъ знаетъ
Все зло сихъ дней, онъ знаетъ близость кары—
И жадно предается низкой страсти!
Идемъ къ нему.

Симъ. Остерегись, отецъ!

Я отыщу одинъ его.

Ной. Не бойся:

Надъ избраннымъ Иеговой зло бессильно.

Веди меня.

Симъ. Къ шатрамъ сестеръ?

Ной. Къ пещерѣ. (*Exeunt*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Пещера и скалы Арарата.

Гафетъ. Ты, дикій міръ, что кажешься мнѣ вѣчнымъ!
Ты, горный кряжъ, въ своей красѣ столь грозный
И столь разнообразный! Ты, пещера,
Бездонная по виду! Здѣсь, среди
Суроваго величья скалъ, деревьевъ,
Вцѣпившихся корнями въ сердце сѣрыхъ
Нагихъ стремнинъ, гдѣ ни единый смертный
Безъ трепета не ступить, если только
Достигнетъ ихъ,—здѣсь вѣришь въ вашу вѣчность!
Но минетъ день, быть-можетъ, часъ—и воды
Раздавятъ васъ! И бурная волна
Съ разбѣгу хлынетъ въ темный зѣвъ пещеры,
Прослывшей ходомъ въ тартаръ. И дельфины
Войдутъ, играя, въ логовище льва.
А люди... Братья-люди! Я увижу
Великую могилу: кто жъ со мною
Раздѣлитъ скорбь? Увы, никто! И лучше ль
Мой рокъ, чѣмъ вашъ? Что ожидаетъ ихъ,
Мѣста, гдѣ я скитался, полный сладкихъ
Надеждъ и думъ, и дикіе, но столь же
Отрадныя пріюты, гдѣ страдалъ я?
Возможно ли? Вотъ этотъ дальній пикъ,
Чье острее звѣздой горитъ,—возможно ль,
Что онъ исчезнетъ въ безднѣ? Что тумановъ

Волнистые покровы ужъ не будутъ
Спадать съ его угрюмага чела
Подъ восходящимъ солнцемъ? И огромный
Шаръ солнца не зайдетъ за нимъ, вѣнчая
Его главу короной многоцвѣтной?
И перестанетъ быть она приютомъ,
Ближайшимъ къ звѣздамъ неба, маякомъ
Для ангеловъ, сходящихъ въ мѣръ? Ужели
Лишь насъ съ отцомъ, да тварей, имъ избранныхъ,
Спасетъ Творецъ? Онъ *ихъ* щадитъ, а я
Созданія, прекраснѣйшаго въ мѣрѣ,
Не защищу отъ участи, которой
Избѣгнетъ даже змѣй съ змѣей, чтобъ снова
Вести свой родъ и уязвлять, шипя,
Тотъ нѣкій мѣръ, что возродится въ тинѣ,
Которая покроетъ прахъ былого
И будетъ тлѣть, покуда топъ болотъ
Не сузится подъ солнцемъ и не станетъ
Всемирнымъ мавзолеемъ на могилѣ
Мирьядъ существъ, теперь еще живыхъ.
О, сколько ихъ погибнетъ! Ночь за ночью
И день за днемъ, съ разбитою душой,
Слѣжу твои сосчитанныя ночи
И дни твои, прекрасный, юный мѣръ,
На гибель обреченный! Я не въ силахъ
Спасти тебя—и даже ту, что правитъ
Моей любовью къ міру; но не въ силахъ
Помыслить и о будущемъ—безъ чувства...

(Смолкаетъ. Изъ пещеры вырывается гулъ, взрывы хохота и
появляется Духъ).

Г А Ф Е Т Ъ. Во имя неба, кто тамъ?

Д у х ъ.

Ха-ха-ха!

Г А Ф Е Т Ъ. Повелѣваю всѣмъ, что есть святого:

Отвѣтствуй мнѣ.

Д у х ъ.

Ха-ха!

Г А Ф Е Т Ъ.

Повелѣваю

Днемъ скорого возмездія! Землею,
Которую задушить хлябъ, разверзнувъ
Всѣ водные истоки! Твердю, въ море
Готовой превратиться! Всемогущимъ,
Творящимъ и Губящимъ! Тѣнь отъ Тѣни!
Невѣдомый, безликий, но ужасный!
Отвѣтствуй мнѣ: надъ чѣмъ ты здѣсь хохочешь
Такимъ зловѣщимъ хохотомъ?

І А Ф Е Т Ъ .

На зыби пѣнной
Кѣмъ оснуется домъ?
Моимъ отцомъ!—
Богъ лишь очиститъ сѣмя жизни.
Сокройся! Стинь,

Отродье мрака и пустынь!
Не торжествуй на ранней тризнѣ!
Нашъ мститель—Богъ. Въ *Его* рукахъ,
А не въ твоихъ дѣла земныя.

Разсѣйся въ прахъ!

Сокройся въ бездны потайныя,
Пока не хлынетъ въ нихъ волна
И вновь не выкинетъ со дна

Твой злобный родъ на волю урагановъ,
Въ безбрежность бурныхъ океановъ!

Д у х ъ .

Когда ковчегъ

Носить стихіи водныя устанутъ,
Ужель, о, сынъ Избранника, настанутъ
Дни радостей и нѣтъ?

Нѣтъ! Новый міръ, міръ, вставшій изъ могилы,
Уже инымъ увидишь ты:

Лишеннымъ прежней красоты,

Лишеннымъ величавости и силы,

Что и теперь еще хранятъ

Черты титановъ, порожденныхъ

Отъ женъ земли и божьихъ чадъ.

Одну лишь скорбь, въ наслѣдіе спасенныхъ,

Оставить Смерть: кто жъ превозможетъ стыдъ

Вновь пить и ѣсть, любить, плодиться

И созидать свой жалкій бытъ?

Кто, не слѣпецъ, не тать, рѣшится

Забвенью гибнущихъ предать

И казни міра ожидать

Безъ сокрушенья, безъ отваги

Погибнуть съ нимъ въ пучинахъ влаги,

А не молить щедротъ Творца,

Не строить домъ надъ прахомъ мертвеца?

Я врагъ тебѣ—мы созданы врагами,

Но Духу я не врагъ,

И есть ли хоть одинъ межъ нами,

Кто бъ для небесъ покинулъ мракъ

И насъ забылъ въ обители блаженной?

Живи, презрѣнный!

Плодись! Когда же бездна водъ

Надъ міромъ гибнущимъ застонеть,
 Завидуѣ всѣмъ, кого она хоронить,
 И прокляни свой низкій родъ!
 Хоръ духовъ. Ликуйте! Жертвы челоуѣка
 Заутра высь не омрачатъ.
 Мы, не творившіе отъ вѣка
 Молитвъ Тому, Кто любитъ кровь и чадъ,
 Мы вновь увидимъ, какъ стихія
 Повергнетъ въ хаосъ всѣ другія
 И, сокрушивъ надменно-жалкій прахъ,
 Разсѣетъ щедро остовы нагіе
 По высямъ горъ, въ пещерахъ и норахъ,
 Гдѣ челоуѣкъ мечталъ спасенье
 Найти отъ страшнаго конца,
 Гдѣ даже звѣри, въ страхѣ и смятеньи,
 Вражду забыли—и овца
 Издохла рядомъ съ тигромъ и гіеной!
 Опять безмолвный ликъ вселенной
 Свой довременный приметъ видъ,
 И пусть, насытясь, пощадить
 Смерть крохи жизни для приплода,
 Для новой трапезы своей:

Лишь только иль отхлынувшихъ морей
 Осушитъ зноемъ небосвода,
 Изъ гнили вновь расти начнутъ
 Недуги, скорби, муки, боли,
 Вражда, убійства, старость, трудъ,
 Покуда...

ГАФЕТЪ (прерывая). Благость Вѣчной Воли
 Не изъяснить намъ смыслъ добра и зла
 И не сберетъ всѣ страны и народы
 Подъ сѣнью мощнаго крыла,
 И не лишитъ Діавола свободы,
 И въ первобытной красотѣ
 Не возстановитъ райскаго селенья,
 Гдѣ челоуѣкъ отринетъ искушенья,
 Гдѣ даже демоны, и тѣ
 Благимъ трудомъ свои грѣхи искупятъ.

Духи. Когда же дни, столь дивные, наступятъ?

ГАФЕТЪ. Когда придетъ, сперва въ цѣпяхъ,
 Потомъ во славѣ, Предреченный.

Духъ. А до того—томись въ земныхъ цѣпяхъ!
 Съ самимъ собою, съ небомъ и съ геенной
 Веди войну—и убивай, пока

Кровавый паръ съ полей сраженья
Не окровавить даже облака!

Придутъ инья поколѣнья,
Иные дни, иной и складъ и быть,
Измѣнять видъ

Страданья, зло и преступленья;
Но мѣръ грядущій снова сокрушить
Все та же страсть,—какъ славный родъ титановъ
Заутра бездна океановъ.

Хоръ духовъ. Смѣлѣй, смѣлѣй!

Возвысимъ, братья, гимны ликованья!
Чу! Голосъ, водъ—угрюмый гулъ зыбей!

Они идутъ, растутъ среди молчанья.

Раскрылись крылья острыя вѣтровъ;

Набухли влагой нѣдра облаковъ;

Ключи великой бездны бьютъ во мракъ,

И хлябь готова хлынуть; но слѣпцамъ

Дано ль понять и видѣть знаки,
Что зримы намъ?

Они не внемлютъ грозные глаголы

Громовъ, идущихъ ратью въ небосклонъ;

Они не ловятъ быстрый и веселый

Блескъ пламенѣющихъ знаменъ.

Стенай, земля! Плачь, гибнущій столь рано

Столь юный мѣръ! Дрожи, о, Араратъ!

Твои утесы волны сокрушаютъ

И ракушки, песчинки океана

Разсѣютъ тамъ, гдѣ былъ пріютъ орлятъ,—

Гдѣ дикимъ воплемъ небо огласятъ

Орлы, кружа въ пустынныхъ водныхъ безднахъ,

На зависть гибнущихъ людей,

Взывающихъ о крыльяхъ бесполезныхъ!

Смѣлѣй, смѣлѣй!

Для новыхъ бѣдствій и скорбей

Смерть на землѣ оставить только сѣмя.

Братоубійца исчезнетъ племя,

И очи ихъ прекрасныхъ дочерей,

Влачащихъ косы длинныя по волѣ

Тяжелой пѣнистой волны,

Съ укоромъ будутъ въ высь устремлены.

Но не избѣгнуть мѣру страшной доли!

И скоро гробовая тишина

Поглотитъ всѣ укоры и проклятья.

Ливуйте, братья!

Мы нашу чашу выпили до дна:

Чередъ за тѣмъ, кто былъ смиреннымъ
Врагомъ Небесъ и недругомъ Геенны. (*Exeunt*).

ЛАФЕТЪ (*solus*). Господь изрекъ Свой грозный судъ землѣ;

Судьбу ея ковчегъ отца вѣщаетъ,

И демоны вопятъ изъ горныхъ безднѣ;

Энохъ давно въ своемъ безмолвномъ свиткѣ

Предначерталъ ей кары—и глаголы

Безмолвныхъ строкъ звучнѣй, чѣмъ громъ небесъ;

Но человекъ не внялъ и не внимаетъ,—

Онъ, какъ слѣпой, идетъ навстрѣчу каръ,

И близость ихъ смущаетъ землю меньше,

Чѣмъ вопль ея Всевышняго смутитъ

Иль океанъ, Всевышнему послушный

И безпощадный къ воплямъ о спасеннѣ.

Видъ облаковъ пока еще обыченъ—

Послѣдній день не распростеръ еще

По небесамъ знаменъ своихъ, и солнце

Взойдетъ надъ нимъ въ такомъ же яркомъ блескѣ,

Въ какомъ вошло въ четвертый день, когда

Господь сказалъ: „Зажгись!“—и загорѣлось

Оно огнемъ, еще не озарившимъ

Отца еще не созданныхъ людей,

Но пробудившимъ—ранѣ хвалебныхъ

Молитвъ его—хвалы ужъ сотворенныхъ

И сладкогласныхъ болѣе, чѣмъ онъ,

Небесныхъ птицъ, какъ ангелы парящихъ

И, какъ они, задолго до Адама

И чадъ его, привѣтствующихъ свѣтъ.

Часъ гимновъ ихъ ужъ близокъ—расцвѣтаетъ

Востокъ зарей—раздастся гимнъ—и утро

Блеснетъ изъ тѣмы и принесетъ имъ—гибель...

Да, утро, вслѣдъ немногихъ свѣтлыхъ утръ,

Опять блеснетъ, но что освѣтитъ?—Хаосъ,

Царившій до Созданія и снова

Пожрать готовый Время: ибо что

Безъ жизни часъ? Что вѣчность безъ Иеговы:

Онъ создалъ часъ и вѣчность; безъ Него

Она—ничто, какъ времена безъ жизни,

Для жизни сотворенныя и вмѣстѣ

Съ людскою жизнью гибнущія въ безднѣ,

Отъ вѣка не имѣющей начала

И ждущей истребить и человека,

И мѣръ его.—Но кто это? Созданья

Въ твоихъ словахъ печаль и гнѣвъ: ужель
Мы нанесли тебѣ обиду? И какую?

Іафеть. Какую? О, великую! Однако
Ты правъ: я не достоинъ быть любимымъ.
Прости же, Ана! Часто это слово
Я говорилъ,—теперь въ послѣдній разъ
Сказалъ его. Безсмертный!—я не знаю,
Кто ты, иль кѣмъ ты будешь—развѣ въ силахъ
Спасти ты эту—нѣтъ, не эту—*этихъ*
Прекрасныхъ дочерей Каина?

Азавилъ. Спасти?
Но отъ чего?

Іафеть. Какъ! Ты еще не знаешь?
О, ангелы! Участники людскихъ
Грѣховъ и золь! Вамъ предстоитъ, быть-можетъ,
Участвовать и въ карѣ, иль хотя бы
Въ скорбяхъ моихъ.

Саміазъ. Въ твоихъ скорбяхъ! Впервые
Внимаю столь загадочнымъ словамъ
Отъ племени Адама.

Іафеть. Всемогущій
Не разъяснилъ ихъ развѣ? Но тогда
И васъ ждетъ смерть.

Аголибама. Пусть будетъ такъ. Но, если
Они насъ любятъ столь же, сколь любимы,
Земной удѣлъ—стать смертными—не больше
Ихъ устрашить, чѣмъ вѣчность адскихъ мукъ,
Къ которымъ я готова съ Саміазомъ.

Ана. Сестра, не говори такъ!

Азавилъ. Ты боишься?

Ана. Да, за тебя. Я съ радостью отдамъ
Остатокъ краткой жизни, лишь бы только
Тебя на часъ избавить отъ мученій.

Іафеть. Такъ это для него, для серафима,
Оставленъ я! Что жъ, лишь бы для него
Господь оставленъ не былъ! Ибо въ этихъ
Союзахъ смертныхъ съ душами безсмертныхъ
Не можетъ быть ни святости ни счастья.
Мы посланы на землю, чтобъ трудиться
И умирать. Они сотворены,
Чтобъ предстоять Всевышнему. И если
Спасти тебя онъ можетъ, то ужъ близокъ
Тотъ страшный часъ, въ которой только небо
Спасетъ тебя.

АНА. Ахъ! Онъ пророчить смерть!

САМІАЗЪ. Смерть ангеламъ! И тѣмъ, что съ ними! Если бъ
Онъ не былъ такъ печаленъ, я бъ отвѣтилъ
Ему улыбкой.

ГАФЕТЪ. Я не за себя

Печалюсь иль пугаюсь: по заслугамъ
Родителя, творившаго лишь благо,
Господь судилъ спасти и чадъ его.
Но если бъ заслужилъ онъ болѣе! Иль если бъ,
Отдавши жизнь за жизнь ея—единой,
Способной счастье дать мнѣ, и послѣдней
Изъ всѣхъ потомковъ Каина,—я могъ бы
Ввести ее въ святой ковчегъ—въ послѣднимъ
Потомкамъ Сиѳа!

АГОЛИБАМА. Насъ ввести въ ковчегъ?

Насъ, съ нашей кровью пламенной, съ душою
Зачатаго на утрѣ дней въ Эдемѣ
И перваго рожденнаго? Смѣшать
Насъ съ родомъ Сиѳа, отпрыска послѣдней
И жалкой страсти дряхлаго Адама?
Нѣтъ, этого не будетъ,—даже ради
Спасенья міра, если бы ему
И угрожала гибель! Мы вамъ чужды—
И чуждыми останемся.

ГАФЕТЪ. Съ тобой ли

Я говорилъ, Аголибама? Слишкомъ
Ты много унаслѣдовала крови
Того, къмъ ты гордишься, кто былъ первымъ
Пролившимъ кровь—родную кровь. Но, Ана!
Ужель ты не близка мнѣ? Съ этимъ словомъ
Я не могу разстаться, какъ съ мечтою,
Что Авель дочь оставилъ, что въ тебѣ
Живетъ, быть-можетъ, чистая, святая
Душа его потомства: столь не схожа
Ни въ чемъ, за исключеньемъ красоты,
Ты ни съ одной изъ этихъ жесткихъ сердцемъ
И гордыхъ каинитокъ!

АГОЛИБАМА. Ты хотѣлъ бы

Ее похожей видѣть и душою
И сердцемъ на врага ея отца?
Когда бъ и я такъ думала, когда бы
Я увидала въ ней хоть что-нибудь
Отъ Авеля... Уйди отъ насъ, сынъ Ноя!
Не распаляй сердцеъ враждой!

Подобію и образу? Не любить
Того, что создалъ? Мы лишь соревнуемъ
Его любви.

Ной. Я только человекъ,
Не призванъ быть судьей людей,—тѣмъ паче
Господнихъ слугъ. Но, разъ Господь изволить
Въ общеніи быть со мной и открывать мнѣ
Суды Свои, я говорю: не можетъ
Быть благомъ нисхожденіе серафимовъ
Съ высотъ жилищъ предвѣчныхъ въ міръ и бранный,
И обреченный гибели.

Азавилъ. Хотя бы
И для его спасенія?

Ной. Не вамъ,
Во всемъ величьи вашемъ, быть защитой
Того, что предалъ карѣ Сотворившій
Величье ваше. Если бъ повелѣлъ
Онъ вамъ спасти, то вы должны бы были
Спасать не тѣхъ, которыя плѣniająть
Васъ красотой, а всѣхъ того достойныхъ.
Онѣ прекрасны,—правда, но онѣ
Обречены.

Гафетъ. Отецъ, не говори такъ!

Ной. Сынъ Гафетъ! Забудь о нихъ: подходитъ
Ихъ страшный часъ. Тебѣ же суждено
Быть сѣменемъ иной земли—и лучшей.

Гафетъ. Дай умереть мнѣ съ этой!

Ной. Ты бы долженъ
За этотъ вопль погибнуть. Но Всевышній
Щадить тебя.

Саміазъ. Зачѣмъ его, тебя?
Но лишь не ту, чья жизнь ему дороже
Твоей и даже собственной?

Ной. Спроси
Того, Кто создалъ болѣе великимъ
Тебя, чѣмъ насъ, но столь же подчиненнымъ
Его велѣніямъ. Се, архангелъ!

(Входитъ архангелъ Рафаиль).

Рафаиль. Духи!
Зачѣмъ вы здѣсь? Служители Іеговы!
Зачѣмъ вы на землѣ, когда она
Должна быть чуждой ангеламъ? Вернитесь
Въ небесный клиръ! Вернитесь пѣть хвалы

И пламенѣть восторгомъ поклоненья
Въ число Семи избранныхъ!

САМІАЗЪ. Рафаилъ!
Славнѣйшій и прекраснѣйшій межъ нами!
Давно ль и къмъ лишенъ сей юный міръ
Общенія съ бессмертными? Міръ, въ коемъ
Самъ Богъ касаться праха не гнушался?
Онъ созданъ Имъ, онъ Имъ любимъ и много
Велѣній Божьихъ внялъ отъ серафимовъ,
Творца въ Его твореньи обожавшихъ,
Стремившихся юнѣйшій изъ міровъ
Хранить достойнымъ Господа. Зачѣмъ же
Твое чело такъ строго и угрозой
Звучать слова?

РАФАИЛЬ. Когда бъ Азазіиль
И Саміазъ небесъ не покидали,
Они бы зрѣли огненные знаки,
Которыми Всевышній возвѣстилъ
Свой Судъ землѣ. Но тамъ, гдѣ грѣхъ, гордыня,
Тамъ знанья нѣтъ. Изъ ангеловъ остались
Съ людьми лишь вы, плѣненные вамъ чуждой,
Унизившей васъ страстью. Но Всевышній
Прощаетъ васъ и возвращаетъ къ лику
Безгрѣшныхъ небожителей. Скорѣй
Летите къ нимъ! Спѣшите! Иль останьтесь—
И потеряйте вѣчность...

САМІАЗЪ. Жребій брошенъ.

АЗАЗИЛЬ. Аминь.

РАФАИЛЬ. И ты! Простите же! Отнынѣ
Для Господа вы чужды и лишились
Небесныхъ силъ.

ГАФЕТЪ. Увы! Гдѣ имъ теперь
Найти пріютъ?—Чу! Возрастаетъ тяжкій
Гуль въ нѣдрахъ Арарата. Воздухъ замеръ,
Но цвѣтъ деревьевъ сыплется, и дрожью
Охваченъ каждый листикъ: грудь земли
Какъ бы подъ гнетомъ стонетъ.

НОЙ. Чу! Зловѣщій
Крикъ водныхъ птицъ. Онѣ затмили небо
И поднялись до тѣхъ вершинъ, куда
Ихъ бѣлое крыло еще ни разу
Донынѣ не взлетало. Араратъ
Послѣднимъ скоро будетъ имъ пріютомъ,
А тамъ и онъ исчезнетъ.

Іафетъ. Солнце! Солнце!
 Оно встаетъ и меркнетъ. Черный кругъ,
 Дискъ солнца охватившій, возвѣщаетъ
 Конецъ земли. И ужъ опять поблекъ
 Цвѣтъ облаковъ, горящихъ только снизу—
 Тамъ, гдѣ, бывало, яркій день рождался.

Ной. Вотъ! Молнія! Предвѣстница удара!
 Гроза близка. Спѣшимъ, мой сынъ! Оставимъ
 Стихіямъ ихъ добычу! И скорѣе,
 Скорѣй туда, гдѣ нашъ несокрушимый
 Святой ковчегъ!

Іафетъ. Отецъ! Не покидай
 На жертву волнъ хотъ Ану.

Ной. Но не всѣхъ ли
 Богъ предаль имъ! Идемъ!

Іафетъ. Нѣтъ, я не въ силахъ.

Ной. Тогда дѣли ихъ участь! Какъ дерзнулъ,
 На знаменья небесныя взирая,
 Ты мыслить о спасенны осужденныхъ
 На казнь самой вселенной и Творцомъ
 Въ ихъ правосудномъ гнѣвѣ?

Іафетъ. Правосудье
 Ты сочетаешь съ гнѣвомъ?

Ной. Богохульникъ!
 Ты ропщешь—и когда же!

Рафаилъ. Патріархъ,
 Не хмурь чела. Онъ сынъ твой. Онъ не знаетъ,
 Чтò говорить. Когда угаснутъ страсти,
 Онъ будетъ благъ, какъ ты: онъ не погибъ,
 Какъ эти чада Каина и неба.

Аголибама. Гроза близка. На все, чтò дышитъ жизнью,
 Встаютъ земля и небо. Не равна
 Борьба межъ нашей силой и Предвѣчной!

Саміазъ. Но съ вами—мы. Мы унесемъ васъ съ Аной
 Къ инымъ и мирнымъ звѣздамъ. Если тамъ
 Ты позабудешь землю, я забуду
 Утраченное небо.

Ана. О, родные
 Шатры, долины, горы! Чтò замѣнить
 Мнѣ васъ въ тоскѣ?

Азазилъ. Моя любовь. Не бойся:
 Мы лишены небесъ, но есть міры,
 Гдѣ наша власть незыблема.

Рафаилъ. Мятешникъ!

Твои слова преступны, но отнынѣ
Безсиленъ ты. Мечъ пламенный, изгнавшій
Изъ раи первородныхъ, не угасъ
Въ моей рукѣ.

Азатилъ. Грози имъ праху, плоти.
Безсмертнымъ мечъ не страшенъ.

Рафаилъ. Но настанетъ
Часъ испытанья,—часъ, когда тщету
Борьбы съ Творцомъ постигнешь ты. Лишь вѣрой
И кротостью предъ Нимъ ты былъ могучъ.
(Бѣгутъ Смертные, ищущіе спасенья).

Хоръ Смертныхъ. Земля смѣшалась съ небомъ... Боже!
Боже!

Спаси Твоя рабы!

Чу! Вой звѣрей сливается въ мольбы!

Драконъ, въ горахъ покинувъ ложе,

Мяется въ страхѣ межъ людей,

И смертнымъ воплемъ воздухъ рѣжутъ птицы.

Нѣтъ, Ягве, нѣтъ! Не простирай десницы

На чадъ Своихъ! Спаси и пожалѣй

Не насъ, не насъ, а все Свое творенье!

Рафаилъ. Прости, земля! Приемлю во смиреньи
Дѣла Творца. Оно есть долгъ раба. (*Exit*).

Гафетъ. Однѣ изъ тучъ летятъ, какъ ястреба,

Другія, недвижимыя, какъ скалы,

Лишь знака ждуть пролить свои фіалы.

Навѣки скрылись солнце, звѣзды, твердь—

И тусклый жуткій блескъ по небосводу

Распростираетъ Смерть.

Азатилъ. Въ путь, Ана, въ путь! На волю и свободу!

Покинемъ міръ, чтѣ, волею Творца,

Повергнутъ въ бездну хаоса стихіи.

Подъ грохотъ ихъ, я, какъ орелъ птенца,

Тебя крыломъ укрою—и въ другіе

Введу міры: тамъ тьмы и смерти нѣтъ.

(Унося съ собой Ану и Аголибаму, Азатилъ и Саміазъ исчезаютъ
въ небѣ).

Гафетъ. Всему конецъ! Я потерялъ ихъ слѣдъ,

Подъ этотъ вой, подобный урагану.

И суждено ль имъ жить, иль умереть,

Ужъ никогда вовѣки Ану

Моимъ глазамъ не лицезрѣтъ!

Хоръ Смертныхъ. Будь милосердъ, сынъ Ноя, къ братьямъ!

Какъ? Неужель ты всѣхъ покинешь, всѣхъ?

И, внемля стомамъ, воплямъ и проклятыямъ,
Одинъ войдешь въ спасительный ковчегъ?

МАТЬ (подавая Іафету ребенка).

Возьми, снеси младенца къ Ною!

Я въ мукахъ жизнь ему дала,

Но мнѣ была

Отрадой мысль—питать его собою.

Чѣмъ грѣшенъ онъ?

Зачѣмъ рожденъ?

Что въ молоко моему такого,

Что на того, кто имъ вскормленъ,

Идетъ враждой и яростью Іегова,

Что прахъ и твердь

Должна была воздвигнуть Смерть

На это кроткое созданье

И бездной водъ залить его дыханье?

Спаси, Іафеть, дитя мое,

Иль проклять будь со всѣмъ своимъ народомъ!

.

(Воды прибываютъ, люди бѣгутъ въ разныхъ направленихъ; многихъ настигаютъ волны. Хоръ Смертныхъ, ища спасенія, разсѣивается по скаламъ. Іафеть стоитъ на скалѣ. Вдали виденъ плывущій къ нему ковчегъ).

1908 г.

Оглавление

III тома.

Стихотворения 1903—06 гг.

	СТР.		СТР.
Канунъ Купалы	3	Кольцо	22
Полюсь	4	Пѣсня („Я—простая дѣвка на баштанѣ...“)	—
Жизнь	—	Запустѣніе	23
Нордъ-остъ	5	Дѣтская	25
Хризантемы	—	Косогоръ	—
Жасминъ	—	Въ лѣсу	—
Въ порту	6	Рѣчка	26
Сапсанъ	—	Пахарь	—
Иней	9	Двѣ радуги	—
Русская весна	—	Закатъ	27
Одиночество	10	Чужая	—
Послѣ битвы.	—	Новый годъ	28
Портретъ	11	Тѣнь	—
Невольникъ	—	Новая весна.	29
Мира	12	Огонь на мачтѣ.	—
Въ плавняхъ.	—	Мертвый часъ	30
Тлѣнь	—	Въ открытомъ морѣ	—
Перекрестокъ	13	Апрѣль	31
Съ обрыва	—	Изъ окна	—
На дачѣ	14	Дѣтство.	—
На ущербѣ	—	Разливъ	32
Морозъ.	15	Сказка.	—
Сѣверная береза	—	Поморье.	33
Бальдеръ	16	Подъ вечеръ.	—
Диза.	—	Донникъ	—
Надпись на чашѣ	17	Розы.	34
Печаль:	18	Теремъ.	—
Огни небесъ	—	Сквозь вѣтви	35
Статуя рабыни-христіанки.	19	Сентябрь	—
Могила поэта	—	Келья	36
Призраки	—	Судра	—
Неугасимая лампада	—	У шалаша.	—
Вершина	20	На маякѣ.	37
Развалины	—	Голуби	—
Тропами потаенными.	21	Ольха	38
Дома.	—	Горѣ.	—
		Утренникъ.	39

	СТР.		СТР.
Огонь	39	Зейнабъ	63
Въ горахъ	40	Склонъ горъ	—
Старикъ	—	Бѣлыя крылья	64
Сумерки	—	Гробница Сафїи	—
Олень	41	Тэмджицъ	65
Змѣя	—	Тайна	—
Небо	42	Птица	66
На виноградникѣ	—	Стихотворенія 1906 — 11 гг.	
Передъ бурей	43	За гробомъ	67
Штиль	—	Панихида	—
Послѣ дождя	44	Забвеніе	68
Съ острогой	—	Тезей	—
Океаниды	—	Христось	—
Дюны	45	Гермонъ	69
На бѣлыхъ пескахъ	—	Іерусалимъ	—
Стонъ	46	Проводы	70
Въ горной долині	—	Храмъ Солнца	71
Каменная баба	—	Тронъ Соломона	72
Мистику	47	Подъ Хеврономъ	—
Эсхиль	—	Кайнъ	73
Самсонъ	48	Цвѣтныя стекла	74
Ормуздъ	—	Петровъ день	—
У береговъ Малой Азіи	49	Пугало	75
Потопъ	—	Слѣпой	76
Агни	50	Наслѣдство	—
Столпъ огненный	—	Рыбалка	78
День гнѣва	—	Пугачъ	—
Сынъ Человѣческій	51	На Плющихѣ	—
Сонъ	52	Кошка	79
Эльбурсъ	—	Баба-Яга	—
Атлантъ	53	Дядька	80
Золотой неводъ	54	Кто-то	—
Новоселье	—	Геймдаль	81
Дагестанъ	—	Безнадежность	—
Послушникъ	55	Трясина	—
Хая-Башъ	—	Одинъ	82
На обвалѣ	56	Сатурнъ	—
Въ Крымскихъ степяхъ	—	Лень	—
Алушта ночью	—	Съ корабля	83
Айя-Софія	57	Дикарь	—
Къ востоку	—	Обвалъ	—
Путеводные знаки	—	Утро	84
Пастухи	58	„Вдоль этихъ плоскихъ зной- ныхъ береговъ...“	—
Миражъ	—	Летаргія	85
Черный камень Каабы	59	Стрижи	—
Мудрымъ	—	На рейдѣ	—
Зеленый стягъ	60	Балагула	86
Священный прахъ	—	Дія	—
За измѣну	61	Изъ анатолійскихъ пѣсенъ: Дѣвичья	87
Авраамъ	—	Рыбацкая	—
Ночь Аль-Кафра	62		
Сатана Богу	—		
Джины	—		

	СТР.
Законъ	87
Мандрагора	88
Напутствіе	—
Розы Шираза	—
Съ обезьяной	89
Стамбуль	90
Мекамъ	—
Магометъ въ изгнаніи	91
Безсмертный	—
Каиръ	—
Истара	92
Египеть	—
Александръ въ Египтѣ	—
Джордано Бруно	93
Цикады	95
Прометей въ пещерѣ	—
Звѣздопоклонники	—
Богъ	96
Въ Архипелагѣ	—
Горный лѣсъ	97
Собака	—
Могила въ скалѣ	—
Люциферъ	98
Въ дѣтствѣ	—
Солнечные часы	99
Островъ	—
До солнца	100
Полдень	—
Богъ полдня	—
Послѣднія слезы	101
Гальціона	—
Рыбачка	102
Морской вѣтеръ	—
Долина Іосафата	103
Караванъ	—
Іерихонъ	—
Бедуинъ	104
Пилигримъ	—
Вечеръ	105
Гробница Рахили	—
Источникъ звѣзды	—
Слѣдъ	106
За Дамаскомъ	107
Споръ	—
Смерть	108
Мертвая зыбъ	—
Въ Мессинскомъ проливѣ	—
Колибри	109

	СТР.
Вино	109
Старинные стихи	—
Бальсъ	110
Дача	—
Прощаніе	—
Матери	—
Няня	111
Пустошь	112
Вдовецъ	113
Христя	—
На току	—
Безъ имени	114
Въ Москвѣ	—
Будни	—
Сиротка	115
Въ роцѣ	—
Туманъ	116
Кружево	—
Сторожъ	117
Берегъ	—
Колдунъ	—
Сѣнокось	118
Лимонное зерно	119
Мужичокъ	—
Дворецкій	120
Криница	—
Пѣсня („На пирахъ весе- лыхъ...“)	121
Пѣсня („Зацвѣла на волѣ...“).	—
О Петрѣ-разбойникѣ	122
Зимняя вила	123
Памяти	—
Сполохи	124
При дорогѣ	—
Въ первый разъ	125
Березка	—
—	
Годива. Поэма А. Теннисона	126
Изъ „Золотой легенды“ Лонгфелло: I. Ночь	128
II. Утро	130
Каинъ. Мистерія Байрона	133
Манфредъ. Драматическая поэма Байрона	186
Небо и земля. Мистерія Бай- рона	221